Кристина Рой

В СТРАНЕ СОЛНЦА
•
ТРИ ДРУГА

Повести для детей

2003

ББК 86.37
Р65

Перевод со словацкого

Рой К.

Р65 **В Стране солнца. Три друга**: Повести для детей. — СПб.: Свет на Востоке, 2003. — 208 с.
ISBN 5-93829-018-X.

С героями повестей Кристины Рой мальчиком Палко («В Стране солнца») и его друзьями Андрейкой и Петром («Три друга») происходят события удивительные. Детская мечта о чуде и сказке со счастливым концом исполняется совершенно неожиданным образом. Дети и родители находят друг друга, разрушенные семьи восстанавливаются, а старые раны заживают... Ведь все возможно для тех, чьи сердца открыты для веры в Иисуса Христа и кто готов с детской доверчивостью последовать за своим Небесным Другом.

ББК 86.37

Текст Священного Писания цитируется
по Новой Женевской учебной Библии
(Синодальный перевод): *Hänssler-Verlag*, 2001
и по переводу «Радостная Весть» (© Российское
Библейское общество, 2001)

Изд. № 01.403
ISBN 5-93829-018-X

В СТРАНЕ СОЛНЦА

Глава 1

Из милости

После затянувшейся суровой и снежной зимы наступила наконец долгожданная весна. Вряд ли кто-то еще так сильно радовался ее приходу, как маленький Палко.

Словно вырвавшаяся из клетки и радостно расправляющая крылья птица, он спешил из деревни в свои любимые горы. Старая сырая лачуга, окна которой с осени до самой весны не только закрывали ставнями, но и закладывали сеном, была слишком тесной для его юного сердца.

Старик Павел Юрига не был родственником Палко, но они искренне любили друг друга. Павел занимался изготовлением сит и имел в горах собственную хижину, которую ремонтировал каждую весну. Она служила ему жилищем уже около тридцати лет. Раньше старик жил в ней вместе со своими сыновьями, но они, подобно молодым орлам, покинули отцовское гнездо, и с тех пор каждое лето он брал к себе на постой кого-нибудь из дровосеков, работавших в лесу.

Два года назад у Юриги останавливался старик по фамилии Рацга со своим маленьким внуком. Сырой горный воздух и тяжелая работа, похоже, подорвали здоровье лесоруба. Он подолгу кашлял, и работать ему становилось все труднее. Мальчик взял на себя заботы по дому: приносил дрова, собирал грибы, готовил еду. Вскоре Рацга тяжело заболел и слег в постель.

Как-то раз больной старик подозвал Юригу и сказал:

— Послушай-ка, Павел... Похоже, скоро мне придется уехать домой, чтобы умереть там. Мне не хочется брать маль-

чика с собой: боюсь, что после моей смерти с ним будут плохо обращаться. Оставь его у себя, он тебе сгодится на что-нибудь. А Бог тебя вознаградит...

— Как хочешь, — задумчиво отозвался Павел, поглаживая седые волосы. — Я-то согласен оставить мальчика, но что скажут его родители?

— Знаешь, Павел, этот мальчик вовсе не внук мне. Даже не знаю, живы ли еще его родители. Моя покойная дочь нашла малыша при странных обстоятельствах. Я должен рассказать тебе об этом. Отложи-ка на время свою работу и сядь поближе.

Так вот, однажды моя дочь Анна собирала грибы. Вдруг ей показалось, что в глубине леса она слышит плач ребенка. Ты знаешь, какой пугливый народ эти женщины: им все кажется, будто лукавый посмеивается над ними. Поэтому она туда не пошла. Но плач становился все громче. У нее самой было двое детей, поэтому, призвав имя Бога, она решила, наконец, отправиться в чащу. И что же она там увидела? Маленького, лет полутора-двух, мальчика в одной рубашонке, с непокрытой головкой и босого... Плача, он шел по тропинке и тихо звал: «Мама... мама...» Анна не понимала, как и откуда он попал в эти безлюдные горы, кто его потерял. Она взяла ребенка на руки, вытерла малышу слезы, дала воды и хлеба. Его рубашка и волосы насквозь промокли; видно, он всю ночь провел в лесу. Я часто думал: кто же укрывал его ночью? Кто оберегал от диких зверей, которых здесь видимо-невидимо?

— У каждого ребенка есть свой ангел-хранитель, — ответил Павел и украдкой вытер слезу, катившуюся по морщинистой щеке.

Оба старика замолчали на несколько минут; они представили, как заблудившийся мальчик остался ночью совсем один, как он кладет свою маленькую кудрявую голову на кочку и плачет, пока его не окутывает сон.

— А что случилось потом? — спросил Павел.

— Анна взяла малыша и отнесла домой. Мы сообщили обо всем властям, на случай, если кто-то будет искать ребенка, но никто о нем не спрашивал. У Анны незадолго до этого умер мальчик по имени Палко, поэтому она так и назвала найденыша.

Мой зять тогда еще был порядочным человеком и ничего не имел против того, чтобы оставить ребенка. Но когда ему исполнилось пять лет, Анна умерла, и зять женился второй раз. Его новая жена и к родным детям Анны относилась плохо, а этого, чужого, просто возненавидела. Тогда я взял Палко к себе, даже отправил его в школу, но больше для того, чтобы он не мешал дома. Мальчик учился очень хорошо и на следующий год уже умел читать. Он оказался способным, наверное, его родители были образованными людьми.

Понимаешь, если я умру, то зять, скорее всего, отдаст мальчишку в пастухи, и он забудет все, чему выучился. Оставь его у себя, Юрига. Со временем он станет для тебя хорошим помощником. Но мне почему-то кажется, что родители Палко все же найдутся, и тогда ты им сможешь сказать: мальчику у нас было хорошо. Мы с ним делились всем, что имели. И когда моим внукам доставалось от мачехи, и даже когда зять начал пить и стал очень злым и грубым, я особенно берег этого ребенка. Ну так как, оставишь его у себя?

— Хорошо, я приму его. Надеюсь, Бог нам поможет. Отправлю его в школу, а летом он будет жить здесь со мной и учиться ремеслу. Пока же из него не вырастет помощник, я могу делать не решета, а ложки и лопаты.

Рацга уехал к себе домой и больше не вернулся, а Палко остался у Юриги. Первое время он горько плакал по дедушке,

но когда убедился, что старый Павел относится к нему ничуть не хуже, его детское сердце понемногу оттаяло. Вскоре мальчик стал таким же жизнерадостным, как и раньше, а уже через полтора года обоим казалось, будто они всю жизнь прожили вместе.

* * *

Палко радостно поднимался в гору. Нужно было хорошенько прибрать их домик. За спиной, в небольшом узелке, лежали смена белья, лук, кусок копченого мяса, щепотка соли в бумажке и несколько картофелин. Остальную картошку обещал в мешке принести дедушка. В сумке на плече мальчика позвякивали дедушкины инструменты, в руке он держал кувшин. Палко походил на молодого принца. На нем был маленький, когда-то белый плащ, а светлые вьющиеся волосы прикрывала круглая фетровая шляпа. Штаны и рубаха с широкими рукавами из грубого холста, черные ботинки и кожаный пояс дополняли наряд. Все в нем дышало жизнью, радостью и весенней свежестью.

— Ау! — крикнул он во весь голос.

— Ау! Ау! Ау! — ответило эхо.

Мальчуган весело расхохотался, и его смех зазвенел серебряным колокольчиком. Казалось, что горы радуются вместе с ним и приветствуют его.

— Здравствуй, Палко! Давно ты уже здесь? — раздался чей-то голос.

Навстречу ему шел дровосек Лишка.

— Здравствуйте, дядя Лишка! — ответил мальчик и протянул руку старому другу. — Я отправился в нашу хижину раньше дедушки, чтобы немного прибрать ее.

— Это настоящее чудо, что ее не занесло снегом, она еще крепко стоит. Ну, Бог в помощь. А я иду к леснику.

— Счастливого пути!

Чем выше поднимался мальчик, тем чаще попадались лачуги дровосеков. Над некоторыми из них виднелся дымок — в них уже поселились люди. Другие дома пока пустовали, какие-то совсем развалились за зиму. Гора зеленела лишь там,

где росли хвойные деревья. Листья еще не распустились, и местами был виден снег и лед.

Наконец маленький путешественник благополучно миновал горную речку и почти достиг цели. У одного из поворотов дороги среди сосен стояла их хижина. Глаза Палко сияли. Хотя этот «замок» был построен из грубых бревен и глины, мальчику он казался прекрасным: ведь это был их дом.

Внутри все было по-прежнему. Палко взял метлу, подмел пол и развел огонь. Он принес немного хвороста и достал принесенные вещи. Потом побежал к источнику и принес полный кувшин чистой воды.

— Вот и хорошо, мой мальчик! — приветствовал его дедушка, входя в хижину. — Вот и я пришел! Ну, пусть Господь нас теперь благословит!

Вместе они почистили картошку и поставили треногу с горшком на огонь.

— Палко, свари какой-нибудь суп. Я видел поблизости сухие листья, пойду пока принесу их и устрою постель.

Весело трещал огонь, освещая лицо маленького прилежного повара. Вскоре вода закипела. Мальчик положил немного соли, тмин, лук и нарезанные корки сухого хлеба. Все это еще некоторое время поварилось, а потом он снял горшок с огня.

— Дедушка, дедушка, идите, суп уже готов!

— Сейчас, Палко! — раздалось в ответ.

Тяжело дыша, старик вошел в хижину с огромным ворохом сухих листьев и бросил его в дальний угол.

— Проклят... Ах ты, окаянная ноша! — с ожесточением выбранился он. На его морщинистом лбу блестели капли пота.

Юрига вытащил из кармана две деревянные ложки, перекрестил их и себя, а затем принялся есть. Ни в одной кулинарной книге не найдете вы рецепта подобного блюда, но эти двое ели его с большим аппетитом.

После обеда они соорудили себе удобную, мягкую постель из принесенных листьев и накрыли ее большой грубой простыней. Солнце стояло прямо над горами — наступил полдень. Они прилегли отдохнуть. Мальчик накрыл дедушку старой ов-

чиной, а сам завернулся в старое пальтишко. Прежде чем можно было сосчитать до пяти, они уже спали.

Пламя продолжало полыхать в очаге посредине хижины, а дым выходил через отверстие в крыше и поднимался к небу, словно от жертвенника. Шишки, сгорая, распространяли особый аромат. В природе ясно ощущалось дыхание весны.

Весна — пробуждение — воскресение! — всем своим видом восклицали небо и земля. Но эти двое в старой хижине крепко спали, все их существо — тело, душа, дух — было погружено в глубокий сон. Кто же их разбудит?

Глава 2

ПАЛКО И ЛЕСОРУБЫ

Горы постепенно оживали. С раннего утра до позднего вечера раздавался стук топоров, треск падающих деревьев, ломающихся сучьев и звонкий визг пилы. Изредка до Палко доносились голоса, но лучше бы ему их не слышать: частенько это была грубая брань или проклятия, иногда в шутку, а то и всерьез.

Скоро во всех домиках появились жильцы. Это были разные люди: добрые и злые, веселые и хмурые, разговорчивые и молчаливые. Они работали до изнеможения и время от времени напивались до потери памяти. Их жизнь походила на существование животных, лишенных бессмертной души, но нередко они вели себя даже хуже диких зверей. Правда, среди них встречались и хорошие люди, такие, как Юрига с Лишкой. Конечно, изредка они тоже выпивали по стопочке, оправдываясь, что у бедняков одна радость: хлебнуть огненной водички. Порой и у них с языка срывалось крепкое словцо, но это вполне соответствовало их образу жизни. Окружающие считали их самыми порядочными здесь людьми, да и они думали так же.

Эти грубые люди никогда не обижали маленького Палко. Поскольку он был единственным ребенком во взрослой компании, все считали, что могут давать ему поручения. Палко помогал, как мог: приносил воду, угощал грибами, часто готовил какую-нибудь нехитрую еду то одному, то другому. Павлу не приходилось думать о его пропитании: он сам находил себе все необходимое.

Юриге нравился приветливый характер мальчика. Старик часто говорил: «Горы тянутся к горам, а люди к людям». Его и самого с детства все любили за открытую душу и умение найти подход к людям.

«Никто на меня не может пожаловаться. Ни одного человека я не обидел, со всеми здороваюсь, для каждого у меня есть ласковое слово. Если у кого-то кончится табак, спички или соль — поделюсь. И этого мальчика я принял из любви к Богу», — так рассуждал старик и был вполне доволен собой. Хотя Юрига уже много лет прожил на свете, он все еще не встречал человека благороднее себя.

Глава 3

Таинственное открытие

Было одно из майских воскресений. Некоторые из обитателей хижин спустились вниз, в деревню, — кто в церковь, кто в лавку за покупками, а кто и в кабак, чтобы пропить там недельный заработок. Остальные остались в горах. Одни спали, другие пошли за грибами.

Остался дома и Павел Юрига. Он сидел на солнышке перед домом и курил, когда услышал приближающиеся шаги и лай собаки. Подняв голову, он увидел незнакомого молодого человека, одетого по-праздничному, судя по всему — мастерового.

— Добрый день! — приветствовал его незнакомец.

Юрига поздоровался в ответ.

— Извините, вы один живете в этом доме? — спросил молодой человек.

— Нет, со мной еще внук. А почему ты спрашиваешь?

— Я нашел здесь работу на несколько недель. Можно мне у вас поселиться?

— Если хочешь — пожалуйста. А чем ты занимаешься? — отозвался старик.

— Я резчик. Значит, у вас можно остановиться? Тогда я брошу свою сумку?

— Пожалуйста. Ты хочешь еще спуститься в деревню?

— Нет, только схожу к леснику. Я оставил у него вещи. Переночую там и вернусь завтра на рассвете.

— Тогда у тебя достаточно времени. Присядь ненадолго. Это твоя собака?

— Да. Дунай, иди сюда!

Белая собака подошла и улеглась у ног хозяина.

— Перед уходом я ее запер, но она, видно, вырвалась и догнала меня. Это животное подчас лучше иного человека.

Незнакомец присел.

— Как тебя звать?

— Мартин. Мартин Лессинг.

Юрига очень обрадовался, что у него, наконец, появился товарищ. Он принялся расспрашивать Лессинга о его родине и о том, какие там собирают урожаи.

А Мартина интересовали местные обычаи и жители: он хотел знать, как вести себя с ними.

«Красивый человек, статный, — рассуждал Юрига, когда снова остался один, — сразу видно, что побывал на военной службе. Вдобавок умен вроде. Но, несмотря на свою молодость, он как-то печально смотрит на жизнь, как будто для него уже все потеряно... Кстати, а где Палко? Он очень обрадуется, особенно собаке. Действительно, куда же подевался мальчик?»

Рано утром Палко отправился за грибами. Он ушел довольно далеко, поскольку в мае их можно найти лишь на полянках. Мальчик наполнил корзинку грибами и уже собрался домой, как вдруг подумал: «Сегодня ведь воскресенье, и работы дома нет. А не пойти ли мне посмотреть, что находится там, за этим большим выступом скалы? Я уже давно хотел это сделать».

Когда он был помладше, Анна рассказывала ему много интересных сказок. Одна из них особенно нравилась Палко, и он всегда просил повторить ее. История эта повествовала об одном мальчике, сыне пропавшего короля. В поисках своего отца маленький принц бродил по всему свету. Однажды, когда он оказался в горах, к нему подлетела золотая птичка и велела подняться на самую высокую вершину: там находилась Страна солнца, которой правил его отец. Мальчик послушался, но на пути ему встретились разные страшилища: дракон, лев, медведь и другие звери. Они окружили его и чуть было не растерзали, однако в последнюю минуту к нему на помощь

подоспел рыцарь на быстром скакуне. Победив всех зверей, он освободил маленького принца, посадил его на коня и привез в королевский дворец. Это и был его отец.

Как-то Палко спросил своего учителя, где находится Страна солнца, поскольку не мог найти ее ни на одной карте. Улыбнувшись, учитель ответил:

— Малыш, эта страна существует только в царстве сказок, и на карте ее нет.

Палко очень хотелось попасть в эту сказочную страну. «А вдруг она за той скалой, которая по утрам всегда окутана туманом?» — думал он. Может быть, нужно произнести какое-нибудь заклинание, и тогда откроется эта страна или хотя бы ее краешек... Ах, если бы это и вправду была Страна солнца!»

Часто по утрам, набирая из источника воду, он смотрел в сторону далекой скалы и мечтал оказаться там.

«Сегодня у меня есть время, схожу», — решил Палко.

Он спрятал корзинку с грибами в укромном месте, чтобы потом легко найти ее, и стал подниматься на гору по ложбине. «Она, наверное, здесь, — думал он с растущим нетерпением. — В этой стране, где никогда не заходит солнце, где не бывает ночи, должно быть очень тепло. Наверное, поэтому мне так жарко».

Когда он, наконец, поднялся на последний выступ утеса, то увидел перед собой небольшую, залитую лучами весеннего солнца долину, окруженную со всех сторон горами.

Склон, на котором он стоял, был почти отвесным. Внизу находился луг, похожий на огромный бархатный ковер, усеянный цветами. Из скалы бил ручеек, спускавшийся вниз серебряной лентой. Вокруг зеленели кусты жимолости и дикой розы.

Но здесь не было так тихо, как он предполагал. Черные скворцы распевали на все лады, а другие птицы отвечали им разноголосым пением. Где-то стучал дятел, а на большой ели резвилась пара длиннохвостых белок. Здесь царила жизнь!

«Это, наверное, и есть уголок Страны солнца», — подумал мальчик.

Но что это? Недалеко от источника виднелась расщелина, похожая на дверь. Палко захотел заглянуть туда. Через трещины в пещеру проникали лучи солнца: она напоминала настоящий дом. Внутри стояли каменные стол и стул, стены покрывала паутина.

«Тут можно даже жить, — подумал Палко. — Может быть, здесь кто-то уже поселился?»

Он робко зашел внутрь. Но что это там, на каменном столе? Какая-то книга. Мальчик открыл ее и стал читать слова, написанные чьей-то рукой на первой странице: «Кто бы ты ни был, если ты зайдешь сюда и возьмешь в руки эту священную книгу, читай ее внимательно, строчка за строчкой. Она укажет тебе путь из этой долины плача в светлую страну, где больше нет ночи, где никогда не заходит солнце, где царят вечный свет и вечное счастье».

Мальчик был поражен. Так значит он не ошибся! Эта таинственная маленькая черная книжка укажет ему путь в Страну солнца... Значит, эта страна существует, хотя и не значится ни на одной карте! Палко сел на стул и начал читать. Ему хотелось пропустить первую страницу, поскольку там были одни имена[1], но он вспомнил повеление читать «строчка за строчкой».

[1] Палко начал читать одну из книг Библии, Евангелие от Матфея, которое начинается с родословной Иисуса Христа. — *Здесь и далее примечания редактора.*

Это, наверное, имена тех людей, которые жили в Стране солнца. Но какие странные! Видно, какая страна, такие и имена. Потом встретились два знакомых имени: Иосиф, Мария и еще одно очень красивое: Еммануил, означающее «с нами Бог». Это, наверное, какой-нибудь святой — мальчик с опаской посмотрел кругом — раз Бог был с ним. И еще там было написано, что родился ребенок, которого назвали Иисусом. Какое чудесное имя, еще красивее, чем Еммануил! Палко иногда слышал приветствие: «Слава Иисусу Христу!» А если кто-то пугался, то обыкновенно говорил: «Господи Иисусе!» Был ли это тот же самый Иисус, о котором здесь написано? На это Палко нигде не нашел ответа. «Помоги, Господи!» — часто слышал он от своего дедушки, когда старику приходилось поднимать что-нибудь тяжелое. Мальчик продолжал читать.

То, о чем говорилось дальше, он понимал уже лучше: в то время, когда этот Иисус родился в Вифлееме, царем в Стране солнца был Ирод. Однажды к нему пришли мудрецы с Востока. Они увидели на небе новую звезду и поняли, что где-то родился новый царь. Но Ирод не смог показать своим гостям младенца — дорогу им указывала звезда. Она двигалась по небу, а мудрецы шли за ней. Вскоре чудесная звезда остановилась над одним домом в Вифлееме, где они нашли маленького Иисуса и его мать Марию. Иисус, наверное, и вправду был царем, потому что богатые мудрецы упали перед ним на колени, а потом поднесли подарки: золото, ладан и смирну [1]. Домой они вернулись другой дорогой — так повелел им Бог.

— Ах, как это чудесно! — воскликнул мальчик, от радости хлопая в ладоши. — Наверное, этот Ирод — какой-нибудь дракон. Он хотел съесть новорожденного, но ночью пришел ангел, предупредил об опасности, и все они — Иосиф, Мария и

---

[1] Золото говорило о том, что мудрецы поклонились Младенцу как истинному царю; ладан (ценная в то время ароматная смола) означал признание Его Богом; смирну (тоже дорогую пахучую смолу) Иисусу подарили в знак уважения в Нем настоящего человека.

Иисус — убежали. Иосиф, видимо, был рыцарем. Потом им пришлось далеко идти. Как ужасно, что злой дракон приказал убить всех малышей: их матери плакали и не могли утешиться. Хорошо, что дракон в конце концов умер и Иосиф с Иисусом смогли вернуться в Страну солнца. Потом они поселились в Назарете [1].

«Как много я сегодня узнал об этой Стране солнца! — думал Палко. — Но теперь пора домой, иначе дедушка забеспокоится и начнет меня искать. До пещеры ведь недалеко, я могу каждый день сюда приходить. А если не получится по будням, буду приходить по воскресеньям. Я очень хочу прочитать, что случилось с этим царем и как мне самому найти путь в Страну солнца».

---

[1] Мальчик говорит о событиях первых лет жизни Иисуса и Его семьи, описанных в начале Евангелия от Матфея.

Глава 4

На пути в настоящую Страну солнца

Люди быстро привыкают друг к другу. Мартин Лессинг был в доме Павла Юриги всего около месяца, но им казалось, что они уже много лет живут вместе. Павел не ошибся, предполагая, что Палко обрадуется собаке. Они очень привязались друг к другу. Где бы ни увидели следы маленьких сапог мальчика, там же виднелись и отпечатки собачьих лап.

С тех пор как Лессинг поселился в хижине Юриги, старик перестал ходить в кабак. Мартин же совсем не пил и не курил.

— Однажды в пьяном виде я совершил ужасное преступление, — твердо отказался он, когда Юрига в первый раз предложил ему выпить. — И вы лучше бросьте. А на деньги, которые мы сэкономим на водке, можно каждый день покупать молоко, а по воскресеньям и мясо.

Юриге это предложение понравилось. К мясу он был равнодушен, а молоко очень любил, только на него обычно не хватало денег. Теперь же каждый день на столе у них стояло свежее молоко. Лишь со старой трубкой он никак не мог расстаться, и Лессинг приносил ему табак. Спали они рядом, как отец с сыном, а Палко ложился в другом углу хижины вместе с Дунаем.

Одно казалось Юриге странным: Лессинг, такой приветливый со всеми, почти не замечал мальчика, хотя тот всячески старался угодить ему.

Старый Павел не обратил внимания на то, что в последнее время Палко стал молчаливее. Мальчик охотно соглашался сходить за молоком и возвращался довольно поздно, совсем запыхавшись. Если бы у Юриги не появился товарищ, он сразу заметил бы, что мальчишка изменился, но теперь ему было некогда. Три воскресенья подряд мужчины уходили в церковь и возвращались только вечером. К этому времени молоко уже стояло на столе. Никто не спрашивал парнишку, чем он занимался целый день.

Палко его первая детская тайна казалась очень важной. Он и сам, наверное, не смог бы объяснить, почему скрывал свою чудесную находку. Из сказок он знал: волшебство может исчезнуть, как только люди начнут говорить о нем, поэтому боялся рассказать о своем открытии загадочной пещеры и священной книги. Мальчик таил, что каждый день, а по воскресеньям с утра до вечера, читает ее строчка за строчкой, чтобы найти путь в Страну солнца. Кто знает, а вдруг пещера вправду исчезнет, и он так и не узнает, как попасть в эту страну! Поэтому Палко отмалчивался, когда Юрига удивлялся, что в воскресенье он собрал мало земляники. Мальчик решил: когда он все узнает, то расскажет об этом дедушке и вместе с ним пойдет туда, где сияет вечный свет и живет Иисус.

Как ни странно, чем больше Палко читал, тем меньше думал о сказочной стране. Сам того не сознавая, он отправлялся в пещеру, чтобы все больше узнавать об Иисусе. Какой же Он добрый, какой силой обладает! Он может сделать все, что только пожелает. Наверное потому, что Он — Сын Божий.

Палко не понимал, что произошло на Иордане, что сделал с Иисусом этот странный человек Иоанн, который питался саранчой и диким медом [1]. Но мальчику стало ясно одно: с неба раздался голос. На небе ведь живет Бог, и Он назвал Иисуса Своим Сыном, Которого все люди должны слушаться.

---

[1] Речь идет об Иоанне Крестителе и крещении Иисуса, об этом написано в Библии (Евангелие от Матфея 3:13–17). — *Здесь и далее цифры после названий библейских книг означают номера ее стихов и глав.*

«Но как же это могло быть? — рассуждал он. — Разве Его отец — не Иосиф? А, кажется, я догадался: ведь дедушка Юрига тоже не настоящий мой дедушка. Он только воспитывает меня, а люди думают, будто я его внук».

Палко подумал, что и он должен слушаться Иисуса, раз так повелел Бог.

«Когда я узна́ю, чему Он учил народ, то буду поступать в точности, как Он говорил, хоть я и не вижу Его. А какую силу показал Иисус, когда прогнал сатану и не позволил ввести Себя в грех![1] Это хорошо, что Он позвал этих рыбаков[2] и исцелял больных. Он делал все, о чем люди просили Его. А эта история с хлебом! Его хватило на пять тысяч человек![3] Как это все интересно! Но что же будет дальше?» — думал он, когда прочитал о врагах Иисуса, задумавших зло против Него[4].

Многое Палко узнал из священной книги! Прочитанное как будто стояло перед его глазами: эта ужасная ночь, сад с печальным Иисусом, Который молился так, что даже кровавый пот выступал на Его лбу...[5]

А Его ученики? Как они могли спать в эти минуты?

«Будь я там, — думал Палко, — я бы обнял Его и сказал: „Не бойся, Бог освободит Тебя!“ Но — о горе! — Бог не освободил Его. Почему же Он этого не сделал? Люди с оружием пришли, схватили Его и...»

От слез мальчик с трудом мог продолжать чтение. Иисуса били, над Ним издевались и наконец Его казнили на кресте.

«А я и не знал, что тот Христос в церкви, на распятии, и есть Сам Господь Иисус! Правда, это, конечно, не Он, а толь-

---

[1] Это произошло, когда враг Бога и всех людей, сатана, подстрекал Иисуса ослушаться Бога Отца (Евангелие от Матфея 4:1–11).

[2] Иисус позвал к Себе в ученики простых рыбаков (Евангелие от Матфея 4:18–22).

[3] Однажды Иисус совершил чудо, превратив пять караваев хлеба и две рыбы в огромное количество пищи (Евангелие от Матфея 14:14–21).

[4] Евангелие от Матфея 26:3–4.

[5] Перед смертью Иисус горячо молился в Гефсиманском саду (Евангелие от Матфея 26:36–46).

ко деревянное изображение. Но теперь я, по крайней мере, узнал, как Иисус оказался на кресте. Но почему Бог не спас Его, когда Он взывал: „Боже Мой, Боже Мой. Почему Ты Меня оставил?“[1]»

Палко закрыл книгу и, глубоко опечаленный, пошел домой. Солнце стояло еще высоко. В горах было так прекрасно, все зеленело и цвело. Дунай весело прыгал кругом, гоняясь за птицами и белками. Но мальчика ничто не радовало.

«Зачем растут эти цветы и поют птицы, если Иисус умер? — думал он с глубокой скорбью. — А если Он умер, то я Его больше никогда не увижу и никогда не смогу сказать Ему, как люблю Его и хочу во всем слушаться!»

На следующий день Палко не хотелось идти в пещеру, но он вспомнил о повелении читать «строчка за строчкой», чтобы узнать путь в Страну солнца. Ведь он так хотел этого, к тому же ему стало интересно, что делали Мария и ученики после смерти Иисуса. И мальчик побежал на вершину.

Наступило воскресенье. Пока Юрига с Лессингом находились в селе, Палко, устроившись поудобнее, сидел в пещере и читал. Маленький читатель очень увлекся. Вдруг он вскочил на ноги и запрыгал от радости.

— Он жив! Он жив! — кричал Палко.

Эхо в горах ликовало вместе с ним: «Он жив! Он жив!»

Собака, всегда готовая разделить его настроение, виляла хвостом и весело прыгала вокруг хозяина.

— Дунай, Иисус жив! — воскликнул мальчик. — Знаешь, ведь Он Сын Божий! Он воскрес из мертвых и отбросил камень, прикрывавший вход в гробницу![2] Но теперь оставь меня в покое и лучше ложись здесь, возле моих ног. Я хочу узнать, что случилось дальше, а потом все расскажу тебе!

---

[1] Евангелие от Матфея 27:46.

[2] На третий день после Своей смерти Христос воскрес. Когда друзья Иисуса пришли к Его гробнице, они увидели, что Его там нет, а тяжелый камень, закрывавший вход в гробницу, отброшен в сторону (Евангелие от Матфея 28:1–9).

Собака послушалась. Палко снова сел на стул и углубился в чтение, а пес положил лохматую голову на колени мальчика и смотрел на него умными глазами, словно на самом деле ожидал продолжения рассказа об Иисусе.

Когда приблизительно через час они покинули таинственную пещеру и возвращались домой, Палко так погрузился в размышления, что совсем не замечал Дуная. Мальчик вспоминал прочитанное: «А одиннадцать учеников отправились в Галилею, на гору, куда велел им прийти Иисус. Увидев Его, они упали перед Ним на колени, хотя некоторые и засомневались. Иисус подошел и заговорил с ними. Он сказал:

— Мне дана вся власть на небе и на земле. Итак, ступайте и сделайте все народы Моими учениками. Крестите их во имя Отца, Сына и Святого Духа и научите все соблюдать, что Я вам повелел. И знайте: Я с вами всегда, до конца мира»[1].

Мальчику казалось, что Иисус — живой, воскресший из мертвых — находится рядом с ним. Он сложил руки на груди, низко склонил голову и произнес: «О Иисус, Сын Божий! Ты видишь меня, хотя я Тебя и не могу видеть. Я хочу сказать, как сильно люблю Тебя, даже больше, чем дедушку. Я во всем хочу слушаться Тебя! Помоги мне найти путь к Тебе!»

Сегодня Палко вернулся домой раньше обычного. Он развел огонь и начал варить суп. Мальчик совсем забыл о том, что кроме нескольких ягод еще ничего не ел. На душе у него

[1] Евангелие от Матфея 28:16–20.

было так радостно! Ему казалось, что Сам Иисус пришел с ним в хижину и что они стали хорошими друзьями.

«Видишь, сейчас я варю суп для дедушки, — дружески беседовал мальчик со своим невидимым Другом. — Теперь мне нужно сходить за водой. Останься, пожалуйста, здесь, не уходи, пока я не вернусь. Я Тебя очень, очень люблю!»

Но когда Палко отправился к источнику, ему показалось, что Иисус пошел вместе с ним. «Я чувствую, Он здесь! — Мальчик прижал руку к груди. — Как это чудесно!»

Скоро все было готово, и Палко с нетерпением ожидал возвращения старика. Во-первых, парнишка и сам уже проголодался, а во-вторых, он решил обо всем рассказать деду, поскольку тот делал много такого, что не понравилось бы Господу Иисусу. Когда Павел курил, он обычно сплевывал, а это так неприятно. Еще он ругался. Все это наверняка не радовало Иисуса.

Наконец дедушка пришел. Он немного выпил и теперь проклинал все на свете. Есть ему не хотелось, и он, прямо в новом костюме, плюхнулся на постель. Когда Палко робко заметил, что так он портит свою лучшую одежду, старик повернулся и сильно ударил мальчика по лицу.

— Не сердись, Иисус, что дедушка так нехорошо ругается, — тихо взмолился мальчик, — ведь он не знает, что Ты здесь, и к тому же пьян...

Только когда Юрига уснул, мальчик осмелился съесть почти холодный суп. И хотя он забыл его посолить, суп показался ему очень вкусным.

— Не уходи, дорогой Иисус! — снова взмолился он, когда его начал одолевать сон. — Я так устал, мне очень хочется спать. Пожалуйста, не уходи!

Глава 5

Дедушка Юрига

На следующее утро старый Юрига проснулся поздно. Голова у него была тяжелая и пустая, а на сердце лежала невыразимая тяжесть. Проснувшись, он посмотрел на очаг, возле которого сидел Палко, обняв за шею Дуная. Светлые волосы мальчика почти сливались с шерстью собаки. Оба они смотрели в пылающий огонь.

От этой трогательной картины в душе у старика что-то дрогнуло. Он вспомнил, как вчера ударил Палко.

«Ведь мальчик ничего плохого не сделал, — думал он. — Зачем я ударил его? Вроде совсем немного выпил, а так опьянел! Хорошо, что Лессинга сегодня нет дома. Если бы он вчера не оставил меня одного, я бы отправился из церкви прямо к себе. Но мужики меня уговорили, и я пошел с ними».

Юрига почесал седую голову. Старик чувствовал себя неловко после вчерашнего: ему стало стыдно и за то, что он напился, и за то, что ударил мальчика. Он бы с радостью не разговаривал сегодня с ним. Однако сказать что-то было необходимо. Собравшись с духом, он крикнул:

— Палко, посмотри в кармане моего пальто; что найдешь в узелке, можешь взять себе. Я вчера был на крестинах, это оттуда.

Мальчик радостно вскочил, пожелал дедушке доброго утра и достал из пальто узелок. Мгновенно развязав его, он увидел внутри сласти: два пирожка, кусок коврижки и булочки.

— И это все мне, дедушка? — удивился Палко, с удовольствием принимаясь за лакомства.

— Все, мой мальчик. Извини, что я вчера ударил тебя, когда пришел навеселе. Проклятая водка делает человека совсем глупым и злым. Я не собирался пить, но что поделаешь, когда хозяин и гости так упорно уговаривают!

— Знаете, дедушка, — просто сказал мальчик, — это ничего, что вы меня ударили. Я испугался только одного, когда вы заругались: что Иисус уйдет от нас. Я не знаю, захочет ли Он оставаться там, где пьяные люди.

Старик, удивленный и пораженный, смотрел на мальчика. Про кого это он говорит?

— Ты имеешь в виду Лессинга? Но его ведь нет дома, и он не вернется на этой неделе. Конечно, он не любит ни пьяных людей, ни шума...

Юрига тем временем уже умылся и сел завтракать.

— Нет, я говорю не про дядю Мартина, — снова начал Палко. — Разве вы никогда не читали священной книги, в которой описан путь в страну, где никогда не заходит солнце?

— Нет, мой мальчик, такой книги я не читал. А кто тебе сказал, что есть такая книга?

— Я знаю, что она есть, — сказал Палко, утвердительно кивая головой. — В ней все можно узнать про Иисуса.

И мальчик стал рассказывать ему, как Иисус родился, как злой дракон хотел погубить Его[1] и что Он делал, когда вернулся из дальней страны.

— Так ты мне рассказываешь об Иисусе Христе из Евангелия! Ты, видно, знаешь о Нем больше, чем я, старик. Где же ты узнал это?

Палко уже собрался рассказать дедушке о своей находке, но тут появился дровосек Лишка, и мальчику пришлось замолчать. Юрига с Лишкой отправились в лес, где лесник обещал показать новый участок для рубки. Но не успели

---

[1] Злым драконом Палко считал царя Ирода, который хотел убить младенца Иисуса (см. с. 13–14).

они по-настоящему отойти от дома, как увидели догоняющего их Палко.

— Что случилось, малыш? — взволнованно спросил Юрига, глядя на него ясными голубыми глазами.

Палко умоляюще произнес:

— Пожалуйста, не ходите сегодня в трактир. Я так боюсь, что Иисус не вернется к нам, если вы снова напьетесь и станете ругаться!

— Да оставь ты меня в покое, — помрачнев, с ожесточением сказал дед.

Но Палко знал, что дедушка больше не будет напиваться, и не ошибся.

Незаметно прошло несколько дней, а мальчугану все не удавалось поведать дедушке о найденном сокровище. Днем Юрига вместе с Лишкой уходил рубить лес, а вечером возвращался таким усталым, что после ужина сразу ложился спать. Лессинг вернулся в субботу, и мальчику он показался очень печальным. Палко охотно расспросил бы, о чем он горюет. Ведь с тех пор, как мальчик скорбел об умершем Иисусе, он узнал, что существует горе. Но поскольку Лессинг не обращал на парнишку никакого внимания, тот не осмелился его беспокоить.

Глава 6

Священник Малина

На следующей неделе у Палко оставалось очень мало времени для посещения Страны солнца. Юрига пообещал католическому священнику, что мальчик каждый день будет носить тому землянику и грибы. Много времени уходило на то, чтобы набрать целую корзину грибов да два кувшина ягод в придачу и отнести их по назначению.

В то время к священнику как раз приехали гости: родная сестра с мужем и детьми. В награду за труд Палко обычно получал ломоть хлеба с мясом или кусок пирога, а однажды, когда мальчик пришел днем, его даже накормили обедом, да таким вкусным, какого он никогда не ел. Экономка заметила, как мальчик оставил кусочек мяса, и, узнав, что это для дедушки, дала ему добавку. А Дунай так наелся объедками, что с трудом мог бежать. Юрига очень обрадовался принесенной еде.

— Ты, Палко, можешь на меня положиться: я тебя не забуду, — сказал Юрига, когда мальчик отдал деньги, полученные за ягоды. — Все это я сохраню для тебя. Собирай только прилежно ягоды, пока время. Придет зима, и тебе понадобится обувь: тогда я куплю тебе валенки и сапоги.

Палко усердно и с радостью собирал ягоды: такая жизнь его вполне устаивала. Однако он с легкостью отказался бы от любого лакомства, если б только почаще мог читать священную книгу. И почему эта пещера так далеко? Если бы книга лежала у него дома, то он, наверное, нашел бы минуту, чтобы

почитать ее. Но брать книгу с собой он не осмеливался, поскольку она ему не принадлежала.

Палко очень радовался наступающему воскресенью. В субботу он нашел место, где росло особенно много земляники, и как только рассвело, они вместе с Дунаем побежали туда. Собака гонялась за зайцами и ящерицами, а Палко тем временем собирал ягоды. При этом он думал: «Почему в той книге дальше повторяется одно и то же? Должно быть, чтобы люди все хорошо запомнили. Но появились и новые истории, например о парализованном человеке, которого через крышу спустили к ногам Иисуса, чтобы Он исцелил его[1]. Но людям не понравилось, как Он простил ему грехи. А что такое грех? Вчера священник объяснял своим племянникам, что воровать яблоки в чужом саду — грех. Наверное, и этот больной воровал яблоки и при этом упал и ушибся; поэтому он и был болен. Но почему именно Иисус простил его, а не тот, кого он обокрал? А если я сделаю что-то плохое, Иисус меня тоже простит? Наверное да, ведь там написано, что Бог дал Ему право прощать грехи».

Мальчик на минуту остановился, сложил руки и, подняв глаза к небу, сказал: «О, Иисус! Я знаю, что часто грешил, но я еще никогда не просил Тебя о прощении. И раз Ты можешь прощать, прошу Тебя, прости и меня... Благодарю Тебя, — добавил он через некоторое время. — Ты действительно простил мне все мои нехорошие поступки, хотя их так много! Я и не знал, какой я злой и нехороший... Дедушке Рацге я сломал чубук от трубки за то, что он меня бил. У одного человека украл кнут, а у соседки воровал яйца. Правда, меня за это наказали, но все же я поступил очень нехорошо.

А что означают слова Господа Иисуса Христа: „...не здоровые имеют нужду во враче, но больные...“ — или: „...Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию“?[2] Что значит „покаяние“? Люди, приходившие к Иоанну, призна-

---

[1] Евангелие от Марка 2:1–12.

[2] Евангелие от Марка 2:17.

вались в своих нехороших поступках и обещали больше так не делать. Должно быть, каждый, кто сделал что-либо плохое, приходил к Иисусу, рассказывал Ему об этом, и Иисус прощал его. Наверное, все люди должны открывать Иисусу свои проступки, то есть грехи, чтобы получить от Него прощение. Только я, глупый мальчик, не понимал этого. Сегодня же спрошу дедушку, простил ли ему Иисус грехи».

Прошло совсем немного времени, а мальчик уже наполнил ягодами оба кувшина и собрал большую корзину грибов.

— Дунай, пойдем, нам надо торопиться! — крикнул он собаке. — Оставь птиц в покое! Кто знает, не грешишь ли и ты, гоняясь за ними? Как они боятся, бедняжки! Я-то точно согрешу, если буду гонять птиц; но ты ведь только пес, может быть, тебе это простительно.

Дунай, услышав эти уговоры, побежал впереди своего веселого маленького хозяина.

Когда они вышли из леса, их догнал Лишка, направлявшийся в село под горой.

— Куда же ты торопишься с утра пораньше?

— Несу ягоды в дом священника.

— Я вижу, ты старательный малый. Наверное, скоро уже заработаешь на сапоги?

— А вы куда идете?

— Я? На исповедь. Давненько я этого не делал, а человек должен иногда каяться в своих грехах.

— Да, это правильно! — ответил мальчик, и глаза его загорелись. — Значит, вы уже рассказали Иисусу о своих грехах, и Он простил их вам, как тому парализованному?

— О чем ты говоришь, парень? — спросил Лишка с удивлением. — Я же тебе сказал, что как раз иду на исповедь!

— А что значит «исповедь»? — заинтересовался Палко.

— В церкви я исповедаю священнику свои грехи и получу отпущение.

— От священника? А разве он имеет на это право?

— Странный ты парень. Откуда же мне знать? Об этом я не спрашиваю. Я — человек грешный, и поэтому мне нужно два

или три раза в год исповедоваться. Будем надеяться, Бог смилостивится.

— Так вы не уверены, может ли священник прощать грехи? А когда вернетесь из церкви, вы будете знать, прощены ваши грехи или нет?

— Об этом, Палко, мы узнаем только после смерти.

— Знаете, если вы обратитесь к Иисусу, то Он наверняка простит вам грехи, как тому парализованному, которого спустили к Нему через разобранную крышу.

— Ты говоришь о Христе? Нет, дорогой, для нас, обыкновенных смертных, бог — это священник. Он все исправляет. А мне нужно только обратиться к нему.

— Разве и вашему священнику Бог сказал: «Это Мой любимый Сын. Его слушайте!»? [1]

— Да что это на тебя нашло? — удивился Лишка. — Такими вопросами ты можешь заморочить голову кому угодно!

— Не обижайтесь на меня. — Палко умоляюще посмотрел на Лишку ясными голубыми глазами. — Но сегодня я просил Господа Иисуса, чтобы Он простил мне все грехи, и Он простил. Если бы вы знали, как я счастлив! Желаю и вам всего хорошего!

Лишка некоторое время смотрел вслед уходившему мальчику и качал головой. «Как? Сам Христос простил ему грехи? Какие же у него грехи? Он ведь во всех отношениях хороший малый. Если бы и я был так же уверен! Конечно, Бог должен мне простить многое: я так часто оскорблял Его. Но как человек может точно узнать об этом? Мы исповедуемся, потому что наши предки это делали, и вообще, человеку нужно так делать. Но мальчик спрашивает, имеет ли священник право

[1] Евангелие от Марка 9:7.

прощать грехи... Ведь он с алтаря объявляет: „Я, призванный слуга Божий, во исполнение своего святого служения, объявляю вам прощение грехов“. Должно быть, у него есть на это право, ведь он служитель в Церкви. Так было, есть и будет. Какое же мне дело до этого странного мальчика?»

Лишка поднял голову и направился в сторону храма, где собирались все, кто имел такую же цель и так же мало понимал в этом, как и он сам.

Палко же тем временем уже добрался до дома священника и вошел за ограду через открытую садовую калитку. Этот путь показался ему более коротким, а он хотел как можно скорее выполнить порученное ему дело.

По широкой аллее, среди разросшихся деревьев, прогуливался сам священник, сухощавый, еще молодой, но уже начинающий седеть мужчина.

Палко поцеловал ему руку, как научил дедушка.

— Это, значит, и есть та самая земляника, которую нам обещали приносить? — приветливо спросил он. — Наверное, ты ее еще вчера собрал?

— Нет, пан Малина, ягоды совсем свежие, я собрал их сегодня. Я встал еще до рассвета.

— Ты, я вижу, старательный мальчик, из тебя может выйти толк. Отнеси ягоды на кухню и скажи, чтобы тебя накормили завтраком. Скажи, что я распорядился. А собаку лучше оставь здесь, чтобы она не погналась за моим котом.

Сегодня Палко повезло. Он собрал много земляники, священник был к нему добр, и, наконец, на кухне ему дали такой обильный завтрак, что его хватило на весь день. Кроме того, в сумку парнишке положили остатки вчерашнего ужина и кусок хлеба. Ему хорошо заплатили как за ягоды, так и за грибы.

— Подожди, Дунай! — урезонивал он своего приятеля, когда они возвращались через сад. — Когда мы придем в горы, ты тоже получишь свою порцию. У меня есть завтрак и для тебя.

Дунай уже обнюхал сумку хозяина, и потому ему совсем не понравилось, что священник их немного задержал.

— Ну как, тебе дали завтрак?

— Да-да! Я очень благодарен вам, пан Малина.

— Тебе заплатили? — с улыбкой спросил его собеседник. — Покажи, сколько же денег тебе дали? Я боюсь, что за эти ягоды ты получил слишком много.

Мальчик испугался: а вдруг священник и вправду так думает? Однако по его лицу ничего нельзя было понять.

— Не знаю, — ответил он робко и смущенно. — Дедушка сказал мне, сколько нужно просить. Там были еще и грибы...

— Значит, это дедушкины деньги?

— Нет, они мои. Он только хранит их, чтобы потом купить мне валенки и сапоги. Если бы я мог заработать еще больше, то купил бы себе еще новую рубаху. Но для этого нужно очень много денег.

— Понятно, — сказал священник. — На вот, возьми это, чтобы скорее получить ее.

И к его медякам в кошельке прибавилось еще несколько серебряных монет.

— И поскольку ты так усердно снабжаешь нас земляникой, я хочу угостить тебя кое-чем из нашего сада. — Он протянул мальчику две сочные груши.

У Палко сразу мелькнула мысль отнести одну дедушке. Он вежливо поблагодарил своего благодетеля и уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг остановился и, обернувшись, посмотрел на него.

— Ты что-то еще хочешь, мой мальчик? Забыл что-нибудь? — поинтересовался тот, приветливо глядя на Палко.

— Нет, я лишь хотел кое о чем спросить у вас. Я знаю, вы — священник, и люди приходят к вам исповедоваться. А правда ли, что вы можете прощать им грехи?

Священник удивился этому неожиданному вопросу.

— Ты хотел исповедаться, дитя мое?

— Я — нет! — глаза мальчика загорелись. — Знаете, я поступил так же, как те люди на Иордане [1]: обо всем рассказал Иисусу, и Он меня простил. Но я думаю о тех, кто еще не знает, что Иисус может простить им все грехи, если они попросят Его. А вы можете им простить? Про вас тоже Бог сказал: «Это Мой любимый Сын. Его слушайте!»?

Пан Малина положил руку на белокурую головку ребенка и с любопытством вглядывался в его ясные голубые глаза. Он был настоящим другом ребят и часто повторял, что будущее — в детях. Священник почувствовал: в этом бедном деревенском мальчике обитают царственная душа и высокий дух.

— Знаешь, дитя мое, этого милосердный Бог никогда мне не говорил. Только один Иисус Христос есть Сын Божий, и Его мы должны слушаться. Той власти, которую Он имел, у меня нет. Я могу только говорить людям, что милосердный Бог простит их грехи, если они будут совершать много добрых поступков.

— Значит, священник для людей — не бог, который все улаживает?

— Сохрани Господи, ни в коем случае! Кто тебе наговорил таких глупостей?

— Дядя Лишка. Но вас милосердный Бог, наверное, простит, если вы попросите Его: ведь вы делаете очень много добрых дел. Меня велели накормить завтраком, а еще дали денег на рубашку. Вы и в самом деле слушаетесь Бога и Господа Иисуса!

— Уже звонят, я должен идти, — сказал священник, быстро обернувшись. Он еще раз кивнул мальчику, и Палко с Дунаем пошли по тропинке к гору.

«„Вы и в самом деле слушаетесь Господа Иисуса“, — звучало в душе священника, когда он уже в полном облачении стоял в ризнице. — Я с детства ищу то, о чем говорил этот маль-

---

[1] Имеется в виду крещение Иоанна Крестителя. Перед крещением люди признавались в своих грехах (Евангелие от Иоанна 3:5–6).

чик! Правда, я делаю кое-что хорошее, но Тебе, Господи, я не повинуюсь. Мои грехи не прощены. Я знаю и то, что люди, которые сегодня придут ко мне на исповедь, не получат ни прощения грехов, ни мира. И все же как служитель Церкви я должен это делать. Но где же мальчик почерпнул эти ясные понятия, эту живую веру в Сына Божьего?»

Углубившись в размышления, он взял в руки молитвенник. Книга открылась на Евангелии от Матфея, там, где ангел объявляет Иосифу: «...ты назовешь Его Иисусом, потому что Он спасет Свой народ от грехов»[1]. Священник чуть не забыл, что молящиеся ждут его выхода, так сильно поразили его эти слова.

«Спасение от греха — это как раз то, к чему я стремлюсь, но никак не могу достичь. Это спасение приготовил Иисус, только как же мне приблизиться к Нему?»

В то время как священник Малина рассеянно совершал богослужение в храме, Палко сидел в своей пещере и читал. Проходил час за часом. Над горами нависли черные грозовые тучи. Часть неба еще озарялась солнцем, а в другой уже сверкала молния. Страна солнца Палко тоже освещалась солнечными лучами, и потому мальчик спокойно продолжал чтение.

По дороге в гору, опустив голову, поднимался одинокий путник, — это был Лессинг. Он искал убежища от приближающейся грозы и дождя, но почти не обращал внимания на происходящее вокруг. Горе, омрачавшее его лицо, было темнее туч, закрывавших горизонт.

Да, тогда, много лет назад, бушевала такая же гроза, как сегодня, и тогда он совершил преступление, которое уже никогда не сможет исправить. Мысли об этом не давали ему покоя и теперь. Отдаленные раскаты грома казались звоном колокола, извещавшим о погребении любимого существа.

Отдельные крупные капли дождя предвещали сильный ливень. Лессинг, озираясь вокруг, искал место, где бы укрыть-

---

[1] Евангелие от Матфея 1:21.

ся, чтобы не испортить свой праздничный костюм. Поблизости он заметил пещеру: может быть, в ней можно спрятаться? Он быстро двинулся туда и вскоре достиг расселины, открывавшей вход в пещеру. Глазам его предстала невероятно трогательная картина: на земле лежал Палко, полностью погрузившийся в чтение какой-то книги и обнимавший одной рукой Дуная.

Мальчика он не особенно любил, поскольку каждый раз, когда они встречались, один вид парнишки ранил его сердце, подобно острию меча. У него самого когда-то был сын, но из-за своего греха он потерял его. Много лет он горевал о своем любимом мальчике, но что сделано — того не воротишь. Опершись на скалу, Лессинг стал разглядывать Палко.

«Моему Мишко сейчас, наверное, было бы столько же лет», — подумал он и в невыразимой скорби закрыл лицо мозолистыми руками. Но потом что-то потянуло его к этому ребенку. Ему захотелось подойти и обнять маленького читателя.

Сверкнула молния, а за ней последовал сильный раскат грома, от которого проснулась собака. Она подняла голову и, почуяв присутствие хозяина, с радостным лаем бросилась к нему.

— Дядя Лессинг! — вскочив, весело воскликнул Палко. — Как вы сюда попали?

Во время грозы каждый рад присутствию другого человека. Палко даже забыл о своей застенчивости.

— Я забежал сюда, чтобы укрыться от дождя. Но что вы, оба, тут делаете? — Лессинг впервые обратился к мальчику с вопросом.

— Сейчас я вам все расскажу. Только заходите вовнутрь: здесь вас дождь не достанет. Садитесь, вот мой стул, а это стол.

— Твоя пещера похожа на комнату. Но ты еще не сказал мне, что же ты тут делаешь. Дедушка думает, будто ты собираешь ягоды и грибы.

— Я уже собрал их, — объяснил Палко, — и успел все отнести и вернуться.

— А ты что-нибудь ел?

— У священника нас хорошо накормили. Правда, Дунай, тебе тоже понравилось?

Собака радостно запрыгала, облизываясь и энергично виляя хвостом.

— Охотно верю, но это было утром, а теперь около четырех часов. Почему ты сидишь здесь и не идешь домой?

— Дедушке я не понадоблюсь, потому что сегодня воскресенье; вот я и пришел сюда, чтобы скорее прочитать эту священную книгу. Как сильно сверкает молния и гремит гром! Еще недавно я очень боялся грозы, но с тех пор как узнал, что Господь Иисус всегда со мной, я совсем не боюсь грозы. Тише, Дунай! Похоже, будто Сам Бог разговаривает с нами.

Лессинг не мог оторвать глаз от мальчика.

«Какой он славный! До сих пор я совсем не замечал этого».

— Покажи, что же ты там читаешь? Новый Завет! Где ты его достал? Кажется, в нашей хижине его не было?

— Нет, но если вы хотите, я вам все расскажу.

— Расскажи!

Палко уселся и поведал, как он искал Страну солнца, как нашел пещеру, а в ней — эту священную книгу. Теперь же он пытается узнать из нее путь в настоящую Страну вечного света.

Лессинг открыл книгу и долго разглядывал слова, написанные на первой странице.

— А что ты читал сегодня?

— Сегодня я много прочел. Я снова дошел до того места, где рассказывается о Его страданиях и смерти[1]. Дальше, наверное, будет о том, как Он воскрес из мертвых. Я хочу закончить эту книгу, Евангелие от Марка, еще сегодня.

— Когда пройдет эта темная туча и станет светлей, я почитаю тебе вслух, там осталось совсем немного, — отозвался Лессинг.

Казалось, что солнце услышало эти слова: его лучи пробились сквозь темные тучи, но дождь продолжал лить.

— Как я рад, — ликовал Палко. — Видишь, Дунай, разве я не обещал тебе, что мы узнаем, что было дальше? — обратился он к собаке.

Лессинг улыбнулся.

— Ну вот, теперь стало светло. Садись и слушай. Нет, устроимся лучше там, у входа в пещеру, дождь все равно до нас не доберется.

Лессинг сел с одной стороны, Палко — с другой, а Дунай лег между ними, как будто без него невозможно было обойтись. У их ног простиралась Страна солнца, над головами сверкала молния. На западе светило солнышко, а на востоке встала радуга, напоминающая огромные ворота. Ожививший природу дождь понемногу затихал; на лугу сверкали мириады росинок... Лессинг читал о том чудном утре воскресенья, когда три женщины подошли к гробнице, чтобы помазать тело Иисуса, но нашли камень отброшенным, а гробницу пустой. От ангела они услышали радостную весть о том, что Тот, Которого распяли, жив и придет к ним в Галилею[2]. Он читал, как Спаситель явился Марии Магдалине, как Он послал ее сказать Своим ученикам о воскресении, и как те ей не поверили. Потом Иисус явился двоим, затем всем остальным и упрекал их за неверие. Он повелел им идти по всему миру и проповедовать Евангелие... и потом... потом... Лессинг читал о том, как Иисус вознесся на небо и сел на троне с правой стороны от Своего Небесного Отца. Эта история показалась мальчику такой удивительной!

---

[1] Евангелие от Марка 15:1–39.

[2] Евангелие от Марка 16:1–20.

Палко посмотрел на небо. Теперь он узнал, наконец, куда ушел Иисус и почему Его больше нет на Земле, хоть Он и жив. Он был там, за этими радужными воротами. Там у Отца Небесного есть Свой престол славы, а Иисус сидит по правую сторону от Него.

— Теперь я все знаю! — воскликнул он с ликованием. — Настоящая Страна солнца находится там, за этими воротами, а здесь только ее граница, правда, дядя?

Лессинг ничего не ответил, но ему казалось, что мальчик прав. Слово Божье было ему знакомо. В школе он считался лучшим учеником, и во время подготовки к миропомазанию [1] — тоже. Он знал, куда ушел Иисус, но только никогда об этом не думал. Для него Христос был таким же чужим, как и для миллионов других людей, называющих себя христианами, которые хотя и знают о Нем, но никогда не думают...

— Ах, — вздохнул Палко, — как бы мне хотелось скорее прочесть эту книгу! Но я должен читать по порядку, поэтому все тянется так долго. Боюсь что-нибудь пропустить: я ведь не знаю, на какой странице описан путь в настоящую Страну солнца.

— «Я — Путь, Истина и Жизнь», — произнес Лессинг слова Христа [2].

— Я это тоже читал, только не понял. Может, Он придет Сам, возьмет меня за руку и отведет в Свою страну?

---

[1] Миропомазание — одно из семи христианских таинств, особенных событий в жизни христиан. Через миропомазание человек получает божественную благодать; у православных оно совершается во время крещения, у католиков — при достижении совершеннолетнего возраста.

[2] Евангелие от Иоанна 14:6.

— Возможно и так. Но мы только что прочли о Его воскресении, — Он теперь так далеко, так высоко, как же это может быть?

Несколько секунд мальчик с испугом смотрел на чудесные ворота в небе. Они и в самом деле были так далеко, так высоко! Как все же далек Иисус!..

— Не верьте этому! — воскликнул он вдруг, блестя глазами. — Он не только там! Мы ведь читали, как Он говорил Своим ученикам: «И знайте: Я с вами всегда, до конца мира»[1]. Он живет там, в вышине, но еще Он живет в каждом из нас, и сейчас Он тоже с нами!

— С нами? Где же Он? — спросил Лессинг с недоверием.

— Не говорите так, прошу вас, — тихо сказал Палко. — Я не знаю, понравится ли Ему это. Вы же читали, как Он упрекал их за неверие. Он так сказал, и я Ему верю! Если в сказках надевают шапку-невидимку и становятся невидимым, почему же Иисус не может этого сделать?

Вдали, словно торжественное «аминь», прогремел гром.

— Если хочешь, я буду читать эту книгу дальше, чтобы ты скорее мог все узнать.

— Да, прошу вас, пожалуйста, — воскликнул Палко радостно. — Вы читаете так хорошо и гладко, что я каждое слово понимаю лучше.

Прошло еще два или три часа, но они не чувствовали времени. Когда Лессинг, наконец, отложил книгу, дождь уже давно перестал. Во время чтения Палко встретился с несколькими сюрпризами. Он и не думал, что в Евангелии от Луки есть такие замечательные рассказы о рождении Иоанна Крестителя и Иисуса[2], об ангелах, которые явились пасту-

---

[1] Евангелие от Матфея 28:20.

[2] Евангелие от Луки 1:5–2:7.

хам в поле, и том, как пастухи нашли Младенца в яслях [1]. Мальчик чуть не расплакался — так трогательно это было. А потом он услышал, как двенадцатилетний Иисус путешествовал в Иерусалим [2].

— Я никогда раньше не думал, что когда-то Он был таким же мальчиком, как я, — признался он Лессингу. — Тогда, наверное, Он слушался взрослых, и все Его любили.

И поскольку Палко всему этому удивлялся, то и Лессингу казалось, будто он читает о новых событиях, о которых раньше никогда не слышал. У него потеплело на душе.

— А почему эту книгу обязательно надо оставлять здесь? — спросил он, когда они уже уходили. — Возьмем ее с собой и будем читать каждый день. Пусть и дедушка послушает, а потом отнесем обратно. А по воскресеньям можно читать ее здесь.

Это предложение понравилось Палко.

— Я никогда не осмеливался брать эту книгу домой, — сказал он по дороге. — Но если вы думаете, что Господь Иисус не рассердится на нас за это, то я очень рад.

Они вернулись довольно поздно, но поскольку Палко пришел вместе с Лессингом, Юрига ничего не сказал. Мальчик отдал дедушке заработанные деньги, порадовав старика подаренной паном Малиной грушей, поужинал и лег спать.

Во сне Палко видел красивого мальчика. Он подзывал его жестами, говоря: «Идем вместе со мной, я приведу тебя в Страну солнца». Он пошел вслед за мальчиком на высокую гору. Но когда Палко достиг вершины, он увидел там три креста. На одном из них висел тот самый мальчик. Это был Иисус. Палко зарыдал во сне так громко, что Лессингу пришлось разбудить его.

— Почему ты плачешь, что с тобой?

— Дядя Лессинг, Ему, наверное, очень больно, я даже представить себе этого не могу!

Лессинг не стал расспрашивать дальше. «Видно, что-нибудь приснилось», — подумал он.

---

[1] Евангелие от Луки 2:8—17.

[2] Евангелие от Луки 2:41—49.

— Мой Иисус, мой дорогой, добрый Иисус, как они могли причинить Тебе такую боль? — тихо говорил мальчик. — Если Ты все можешь, то позволь мне узнать, почему Твой Отец Небесный не освободил Тебя? Ведь Он любил Тебя!

Палко уже давно заснул, но его слова не давали покоя Лессингу. Почему Христос страдал? Ради чего Он умер? Почему Бог допустил Его смерть? Эти вопросы смущали его. И ему вспомнились слова, написанные на первой странице книги: «Читай книгу внимательно, строчка за строчкой, и она укажет тебе путь». Могла ли она дать ответ на те вопросы, которые, помимо его желания, родились у него в душе?

Начиная с того дня в хижине Юриги каждый день стали читать священную книгу. Мужчины с радостью пожертвовали для этого послеобеденным отдыхом.

Старый Юрига удивлялся, что Мартин читает почти как священник. Он рассказал о найденной мальчиком книге также и Лишке, поведал о странных словах, написанных на первой странице. Сначала Лишка приходил просто из любопытства, но потом втянулся и уже никогда не пропускал чтения. В первое время оба старика курили во время чтения, но постепенно Слово Божье наполнило их сердца благоговением. Они перестали курить, сидели, сняв шапки, и слушали очень внимательно. С этими старыми истинами они познакомились еще в молодости. Но поскольку теперь книгу читали слово за словом, строчка за строчкой, знакомые слова зазвучали совершенно по-новому и от этого стали более ценными. Если бы кто-то подарил им книгу, они, наверное, относились бы к ней иначе. Но мальчик нашел ее столь чудесным образом, так верил каждому слову в ней — и они не осмеливались сомневаться. Даже во время работы Лишка с Юригой рассуждали о божественных истинах.

— С тех пор как ваш малец спросил меня, имеет ли священник право прощать грехи, я все время думаю об этом. Наверное, он для нас вовсе не бог, как я раньше думал. Я знаю, что мои грехи не прощены и что я не примирился с Богом, и вот я спрашиваю себя: какая мне польза от этой исповеди?

Юрига задумчиво качал седой головой:

— Может быть, из этой книги мы узнаем истину.

— Знаете, когда Мартин читал недавно о парализованном, я позавидовал этому человеку, которого они принесли к Иисусу и которому Он простил все грехи. Я охотно обошел бы весь свет, только б найти Его.

— Дедушка, — сказал Палко, когда они прочли вторую главу, — угол, в котором я сплю, это мой дом, не правда ли?

— Да, это ваш с Дунаем дворец, — рассмеялся старик.

— Я очень вам благодарен! — воскликнул мальчик и замолчал.

Когда вечером взрослые вернулись с работы, они увидели, что сделал Палко со своим «дворцом». Он чисто подмел его и прибрал постель. В другом углу мальчик поставил треснувший кувшин с только что сорванными полевыми цветами, а дверь, как на Троицу, украсил зелеными ветками[1].

— Палко, ты, наверное, ждешь гостей? — спросил его Лессинг.

— Да, Он придет и останется с нами, ведь я принял Его, как Марфа[2].

Мужчины улыбнулись. Но поскольку неприбранная часть хижины резко отличалась от угла Палко, они тоже привели в порядок свои вещи, и Юрига сказал мальчику, чтобы он подмел в домике.

Палко свято верил, что Господь с ним. Он чувствовал Его близость, хотя и не видел Его. И когда он уходил собирать ягоды или грибы, он всегда просил: «Господи, пойдем со мной, потому что я не хочу идти без Тебя!»

---

[1] Святая Троица или Пятидесятница — праздник, который отмечается в память о сошествии на апостолов Святого Духа. В этот день верующие украшают дома зелеными ветками, что говорит об обновлении людей силой Святого Духа.

[2] Евангелие от Луки 10:38–42.

Глава 7

Горе Лессинга

Прошло несколько дней, вновь наступило воскресенье. Лессинг решил съездить домой. Наняли людей, которые должны были отвезти его на следующий день. Потом он собирался вернуться еще на несколько недель.

— Я охотно остался бы здесь навсегда, — говорил он, — в этих горах мне так хорошо.

— Знаешь, — задумчиво отозвался Юрига, — мне кажется, это с тех пор, как мы начали читать Слово Божье. Ты говорил, что у вас дома есть полная Библия; ты мог бы привезти ее сюда?

— Да, у нас ею никто не пользуется.

— Неужели у вас нет грамотных?

— Моя мать едва разбирает буквы.

— А разве у тебя нет жены? — Юрига давно уже хотел задать ему этот вопрос, но все не находил удобного случая.

— Разве у тебя нет жены? — повторил старик свой вопрос, поскольку Лессинг не ответил.

— Есть, как же, — наконец отозвался Мартин, и по его голосу стало понятно, что собеседник разбередил какую-то душевную рану.

Они лежали в лесу на полянке. Лессинг уперся подбородком в сложенные вместе ладони.

— И она не умеет читать? — не отставал Юрига. — Ведь вы, молодые, ученее нас, стариков.

— Она умела читать, — нехотя ответил Лессинг.

В лесу стало тише. Казалось, даже природа сочувствует горю, отразившемуся на лице этого человека.

— Умела читать? — с удивлением переспросил Юрига. — И разучилась?

— Да... Она все забыла! Умоляю вас, дядя, не расспрашивайте меня больше — все это слишком тяжело.

Юрига верил. Ему стало очень жаль Лессинга: он успел полюбить его, как родного сына. Они жили вместе уже несколько недель, и только теперь ему открылось, что его молодой друг скрывает какое-то большое горе.

— Знаешь что, сынок, — сказал он с любовью, — человеку часто становится легче, когда он открывает сердце другому. Может, и тебе полегчает, если ты поделишься со мной.

— Ничто меня не утешит. Сделанного не воротишь. — И он снова замолчал.

— Но где же мой мальчик? — после долгой паузы нарушил тишину Юрига.

— Палко? — спросил Лессинг, словно проснувшись от тяжелого сна. — Недавно я видел, как он пошел в Страну солнца. В руках он нес Евангелие, и Дунай бежал вместе с ним.

— Мальчишка ни о чем, кроме Священного Писания, не думает, и это удивительно, как он его понимает.

— Мне кажется, он похож на то дитя, которое Господь поставил в пример Своим ученикам [1]. Он верит каждому слову в Библии.

— А мы разве не верим?

— Нет! — Лессинг покачал головой. — Разве вы верите, что ваши грехи уже прощены ради Христа? Если б мы действительно верили, то жили бы иначе.

— Так-то оно так, — отозвался старик, почесывая затылок, — но я в этом плохо разбираюсь. Знаю только, что Господь Бог свят, а я — человек грешный. Я убедился в этом только теперь, когда мы нашли священную книгу, а мой мальчик так изменился. Да, он подлинно верит всему.

— Он верит всему, что написано в Библии, и поэтому ему прощаются грехи.

---

[1] Евангелие от Матфея 18:2–6.

— А ты?

— Я? — Лессинг опустил голову. — Мне нет прощения. Мои грехи так давят на меня, словно тяжелый груз лежит у меня на плечах. Пока я здесь, у меня на душе немного легче, но когда мне придется снова вернуться домой и вспомнить, что я наделал, я воскликну, подобно Иову: «...погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!»[1]

— Сын мой, что же такое страшное ты сделал, что так мучаешься? Ты ведь человек порядочный, такого редко встретишь. — Юрига с состраданием схватил руку Лессинга.

— Что я сделал? — Лессинг вырвал руку и закрыл лицо. — Что я сделал? Я довел до сумасшествия свою жену!

— Да что ты говоришь, бедняга! Как же это случилось? — По смущению Лессинга старик заключил, что он говорит правду. — Что же, ты не любил ее? Или оскорблял и обижал, как некоторые мужья? — расспрашивал он.

— Любил. На всем свете не было для меня большего сокровища, чем она. Я ее на руках носил!

— Как же ты тогда довел ее до сумасшествия?

— Я не доверял ей. Мне все казалось, что кто-то хочет украсть ее у меня. Теперь-то я знаю, что она была верна мне во всем, что сердце ее всецело принадлежало мне. Но тогда я в это не мог поверить. Я не выносил, когда она с кем-нибудь приветливо разговаривала. Верите ли, я словно заболел. И эта болезнь довела меня до того, что я больше не мог владеть собой. Если бы в то время я знал Господа, хотя бы так, как теперь, когда мы стали читать священную книгу, я бы обратился к Нему за помощью! Но поскольку мы не знали Его, моя мать ходила к разным гадалкам, а я начал пить.

Лессинг снова тяжело вздохнул и умолк.

— Говори дальше, сынок, тебе станет легче, — ободрял его старик.

— Когда Бог даровал нам ребенка, чудесного мальчика, на некоторое время мне как будто стало легче, — продолжал Лес-

---

[1] Иов 3:3.

синг. — Но потом и ребенок не мог уже меня утешить. Как ни глупо это звучит, но я так ревновал, что не мог видеть, как жена уделяет столько внимания малышу. Когда у других умирали дети, я почти желал, чтобы и наш мальчик умер и она не могла его больше ласкать. Тогда бы все ее внимание и любовь были направлены только на меня. Не могу вам и передать, как тяжело мне тогда было. Я знал, что дьявол ходит кругом, как рыкающий лев, ища, кого съесть[1], но я не убегал от него, не избегал искушений, и в конце концов он полностью овладел мной.

Когда недавно мы читали о том, как Господь исцелил бесноватого[2], я понял, что и меня толкала на преступление сатанинская сила.

Я не могу рассказать вам подробно, как это произошло, только помню, что всю неделю беспробудно пил. Однажды я пришел домой очень пьяный, взял ребенка без ведома жены и унес — одному Богу ведомо, куда. Я же знаю лишь то, что меня нашли потом без сознания далеко от дома, в горах, — ребенок исчез. Потом я недели две пролежал в чьей-то хижине. Позже мне сказали, что у меня была лихорадка. Когда я, наконец, вернулся домой через три недели и моя жена в отчаянии спрашивала меня о ребенке, я не мог сказать, брал ли я его с собой и где оставил.

Невозможно передать, что мы чувствовали, когда искали его! Но все напрасно! Моя мать и жена даже думали, что я задушил его. Но эти подозрения они не высказывали открыто, боясь, что меня могут арестовать. Итак, окружающие решили, что ребенок пропал. Поскольку меня не было дома, никто меня не подозревал. Нас считали честными людьми. Знали, что я иногда напивался, но никто не обращал на это внимания.

От страданий моя жена лишилась рассудка. Это так ужасно — видеть ее, еще молодую и красивую, в таком состоянии.

---

[1] Первое послание Петра 5:8.

[2] Евангелие от Марка 5:1–17.

Порой она ходит по дому, делает что-то по хозяйству, как будто в здравом уме, а через несколько минут, накинув платок, уходит искать ребенка. Много раз добрые люди приводили ее домой совершенно обессиленную. Все мне сочувствуют в этом горе, но никто не знает его настоящей причины.

Часто, когда я просыпаюсь ночью и вижу, как она ходит по комнате, укачивая несуществующего младенца, у меня на душе становится так скверно, что хочется пойти к властям и во всем сознаться. Но мать уговаривает меня не делать этого: им ведь не выжить, если меня посадят в тюрьму. Этим я не верну ребенка, да и жене не помогу.

Ну вот, я все вам рассказал. Теперь вы знаете, с каким человеком жили несколько недель под одной крышей. Если хотите, прогоните меня.

— Что ты говоришь? Как я могу прогнать такого несчастного человека? — Старик вытер слезы. — Но ты на самом деле не знаешь, что стало с ребенком? И действительно ли ты не убил его?

— Куда он делся, я не знаю, но точно помню, что не убивал его. — Лессинг вытер холодный пот, выступивший на лбу.

— Несчастный человек, зачем ты взял ребенка с собой? Что ты хотел с ним сделать?

— Этого я не знаю. Я уже сказал, что здорово напился. Помню только, что дал ему кусок хлеба, когда он плакал. Мне кажется, будто и теперь я вижу его, такого прекрасного и неж-

ного. У него на щеках еще блестели слезы, но он мне улыбнулся. У меня закружилась голова, и я прилег, а что случилось потом, мне не известно. Так как его не нашли, приходится думать, что его растерзал какой-нибудь дикий зверь. Но вот идет Лишка, не будем говорить больше об этом. Поскольку я не сознаюсь в своем поступке властям, то и рассказывать о нем никому не могу.

Лессинг вскочил на ноги и, прежде чем подошел Лишка, скрылся в лесной чаще.

Юрига снова лег и закрыл глаза.

«Наверное, спит», — подумал Лишка и собрался идти дальше. Однако Юрига не спал. Ему просто не хотелось разговаривать, так потряс его рассказ Лессинга. Старику было очень жаль его. Теперь он понял, почему Лессинг, несмотря на свою молодость, так мрачно смотрит на жизнь. Да в чем бы он мог найти себе утешение? Вот почему он всегда возвращался из дома таким печальным. Как много зла и горя приносит людям этот ужасный порок — пьянство! Бедный Мартин! Как ужасна его судьба! Ребенка ему уже не найти, да и жена вряд ли поправится.

— Наверное, видели тяжелый сон? — прервал размышления старика Лишка, опуская руку ему на плечо. — Вы так тяжело вздохнули!

— Да, друг, хорошо, что ты меня разбудил.

— А почему вы здесь один? Где же Мартин и ваш мальчик?

— Мартин только что ушел, а Палко со своей книгой, наверное, отправился в Страну солнца.

— Не обижайтесь на него! Ведь он у нас даже дома как будто в Стране солнца, да и сам похож на солнечный луч. Вчера, когда он возвращался из села, я обогнал его. Палко шел очень веселый, напевая какую-то песенку. И вдруг заметил возле дороги какой-то цветок. Он взглянул на него, а потом нагнулся, чтобы рассмотреть поближе. «Что ты там ищешь?» — спросил я. Он немного смутился. «Ничего, я только хотел посмотреть, не видно ли возле цветка чьих-нибудь следов». — «Чьих следов?» — «Ну, Его следов». Я сразу понял, о Ком он говорил.

«Неужели ты думаешь, что Спаситель и сейчас ходит по этой земле? Разве ты не знаешь, что Он вознесся на небо и сидит по правую руку от Бога?» — «А разве вы забыли, что Он обещал: „...Я с вами всегда, до конца мира“? [1] И я твердо знаю, что Он со мной и идет впереди меня. Мы ведь читали, что когда Он выпускает Своих овец, то идет впереди них [2]. Он — мой Добрый Пастырь, а я — один из Его ягнят. Значит, и теперь Он шел впереди меня. Я только хотел узнать, подходил ли Он взглянуть на эти цветы; Он ведь наверняка любит цветы». — «Откуда ты знаешь, что Он любит цветы?» — спросил я. «Я думаю, они нравились Ему, ведь Он говорил, что и Соломон, при всем своем блеске, не одевался так, как любая из лилий [3]. Разве Он не повелел нам смотреть на цветы и брать с них пример?»

— Мне кажется, этот мальчик слишком смышленый, чтобы стать простым дровосеком, как мы с вами.

— Да, это правда, но что ж тут поделаешь? Я готов отдать ему последнее. Научу его всему, что знаю сам, но остальное не в моих силах.

— Я понимаю. Да, жаль, если он не сможет использовать свои способности. Мне так хочется, чтобы он появился и рассказал нам что-нибудь. Кто знает, с кем он сейчас разговаривает... Он почти со всеми об этом говорит.

---

[1] Евангелие от Матфея 28:20.

[2] Евангелие от Иоанна 10:1–5.

[3] Евангелие от Матфея 6:28–30.

Глава 8

Неожиданная встреча

Лессинг не ошибся, предположив, что Палко отправился в Страну солнца. Так оно и было. Только он не сидел в пещере, а бродил по склону горы, любуясь цветами, которые росли тут в изобилии. Он не срывал их, а разговаривал с ними и с пролетавшими мимо бабочками. Потом он пошел к речке, чтобы помыть ноги, а Дунай, который воды не любил, бегал по лугу.

— Дунай, зачем ты мнешь цветы? — урезонивал он собаку. — Разве они для этого расцвели здесь? И зачем ты пугаешь птиц? Смотри, как они волнуются. В следующий раз я не возьму тебя с собой.

— Не бойся, птичка, он тебя не обидит! — утешал он молодого чижа, испуганно щебетавшего и озиравшегося на собаку с ветки куста. — Дунай не злой, он только играет. Не знает, что это грех, — он ведь всего лишь собака.

Птица как будто поняла его увещевания и снова весело запрыгала с ветки на ветку.

— Все, на сегодня хватит, — сказал Палко цветам, бабочкам и букашкам. — Теперь оставьте меня в покое, я хочу почитать.

Даже принц не нашел бы лучшего места для отдыха, чем то, которое выбрал Палко. Скала была покрыта мягким бархатистым мхом. Мальчика окружали кусты с белыми и розовыми соцветиями. Повсюду росли цветы, раскачивающиеся от тихого ветерка. Казалось, они затаили дыхание, чтобы не мешать маленькому читателю.

Сегодня он сделал то, что иногда позволяют себе и взрослые, когда им не хватает терпения: заглянул в конец книги.

«Мы с дядей и дедушкой прочтем потом всю книгу как положено, — сказал Палко, словно извиняясь перед самим собой, — я только хотел прочитать конец, потому что там говорится о чем-то очень интересном».

И Палко стал читать: «Потом ангел показал мне реку воды жизни, сверкающую, как хрусталь. Она вытекает из-под престола Бога и Ягненка и течет посреди главной улицы. По обоим берегам реки растет древо жизни, оно плодоносит двенадцать раз в году, принося урожай каждый месяц, листья его служат для исцеления народов. И ничего проклятого здесь больше не будет. В этом городе будет стоять престол Бога и Ягненка, и слуги Его будут служить Ему. Они увидят Его лицо, и имя Его будет у них на лицах»[1].

Ах, как замечательно! Сердце мальчика чувствовало, что здесь описана настоящая Страна солнца. Там текла великая река, исходящая от престола Бога и Ягненка.

«А что это за Ягненок, имеющий на небе престол? — Мальчик посмотрел на небо. — Ягненок... „вот Божий Ягненок...“ — вдруг вспомнил мальчик. — Ведь так Иоанн Креститель назвал Господа Иисуса[2], и так Его теперь зовут на небесах. Ягненок, Божий Агнец. И там еще растут деревья, которые всегда цветут и приносят плоды. А что это значит: ничего проклятого здесь не будет? Наверное, туда не пустят тех, кто проклинает других и ругается! — с испугом подумал мальчик. — Я должен сказать об этом всем соседям, чтобы они перестали ругаться. Господу, наверное, и на земле тяжело слушать про-клятия и сквернословие, поэтому такие люди не попадут на небо».

Дальше снова говорилось о престоле Ягненка и Его слугах.

— С какой радостью я стал бы Его слугой, если б Он принял меня на службу! Как часто я ленился вставать по утрам, —

---

[1] Откровение 22:1–4.

[2] Евангелие от Иоанна 1:29, 36.

вспомнил мальчик, — хотя и знал, что дедушке нужна вода. Иногда, когда мне надо собирать дрова, я гораздо охотнее бегаю с Дунаем в лесу. Дед Рацга, прощаясь, говорил мне, чтобы я прилежно служил дедушке Юриге, ведь он принял меня ради Христа, чтобы я даже по глазам узнавал его желания и исполнял их.

«О дорогой Иисус, — он сложил руки и посмотрел на небо, — прости мне, что я не служил ему как следует. Теперь я хочу служить лучше, чтобы и Ты, когда я приду в Страну солнца, взял меня в Свои слуги! Как мне хочется оказаться возле Твоего престола!»

Мальчик снова заглянул в книгу. Там было написано: «Они увидят Его лицо, и имя Его будет у них на лицах».

«Тогда и я увижу Его! — воскликнул он радостно. — Неужели Он напишет Свое имя и на моем лице? Не знаю. Такая честь — а я ведь только маленький, непослушный мальчик!»

Палко не заметил, что он не только читал, но и размышлял вслух. И не обратил внимания на то, что он уже не один здесь, хотя радостный лай Дуная и извещал о приближении кого-то из знакомых. Поэтому парнишка очень испугался, когда сзади раздался чей-то голос: «Палко, почему ты считаешь себя непослушным мальчиком?»

Палко обернулся и, пораженный, вскочил на ноги. Ему и во сне не могло привидеться, что здесь, в своей Стране солнца, он встретит... священника Малину.

— Как же вы сюда попали, дорогой отец? — воскликнул он.

На серьезном и слегка бледном лице священника появилась ласковая улыбка.

— Ты что же, думаешь, будто эти горы принадлежат одному тебе, а мне нельзя и из сада выйти, чтобы подышать свежим воздухом?

— Нет, я так не думаю, — ответил Палко, краснея, — но это так далеко, и потом сегодня ведь воскресенье. Кто же скажет проповедь в церкви?

— Смотрите, какой маленький инквизитор![1] Перед обедом я произнес проповедь, а теперь, по совету врача, пришел на несколько дней сюда, поскольку не совсем здоров.

— Вы живете в горах? Где же? — удивленно спросил мальчик.

— В доме лесничего.

— Это недалеко. Извините меня, пожалуйста, я хотел вас кое о чем спросить. — И мальчик опустился на землю возле священника, присевшего на камне. — Откуда вы узнали об этой Стране солнца?

— О Стране солнца? — спросил священник с удивлением. — Разве эта долина так называется?

— Да, то есть я не знаю, — ответил Палко смущенно. — На самом деле, это я придумал, ведь здесь есть врата неба, а за ними страна, где никогда не заходит солнце.

— Значит, здесь врата неба?

Священник смотрел на живописные вершины гор и цветущие деревья.

— Да, здесь не трудно почувствовать, что мир создан Богом. Но, дитя мое, как ты пришел к такому заключению? — спросил он ласково, гладя мальчика по голове. — Ты, наверное, где-нибудь слышал о Стране солнца?

— Если разрешите, то я вам расскажу все по порядку. — И глаза Палко загорелись.

Священник прилег на мягкий мох и, не сводя глаз с ребенка, слушал его рассказ о том, как он пришел сюда в поисках сказочной

[1] Инквизиция — учреждение для борьбы с вероотступниками в Католической церкви Средних веков.

Страны солнца; как нашел священную книгу и как много узнал из нее о настоящей Стране солнца; как во время грозы своими глазами видел семицветные небесные врата над горами.

Палко не заметил слез умиления в глазах священника.

Он поведал также, о чем читал сейчас и как просил Господа Иисуса принять его в число Своих слуг.

— Покажи мне эту книгу! — сказал священник. — Если ты оставишь ее в пещере, я с удовольствием буду приходить сюда, читать строчка за строчкой и вместе с тобой искать путь в настоящую страну света, где нет ни солнца, ни луны, где вечный свет — Сам Агнец.

Мальчик немного подумал и согласился:

— Хорошо, я оставлю ее здесь. Дядя Лессинг все равно завтра уходит, а у меня не получается читать с выражением. Для себя же я могу читать ее и в пещере. А если я застану вас здесь, то вы почитаете мне вслух, правда?

— Охотно, дитя мое; могу и сейчас, если ты хочешь. Но сначала покажи мне свою таинственную пещеру.

Они встали. Священник еле успевал за своим маленьким проводником. Скоро они оказались в пещере.

— Действительно, здесь замечательно! — воскликнул пораженный священник. — Ты прав, пещера очень похожа на хижину, а это не просто стул, а настоящий диван. И как красиво ты убрал ее цветами. Наверное, хотел, чтобы твой домик был уютным?

Гость с удовольствием рассматривал чисто прибранное и украшенное растениями убежище мальчика.

— Да, ведь Господь Иисус обещал жить с нами, вот я и постарался все устроить так, чтобы Ему было приятно, — ответил Палко.

— Неужели ты действительно веришь, что Он всегда и везде пребывает с тобой? — Священник спрашивал совсем подругому, чем дядя Лессинг или дедушка, поэтому мальчик легко ответил на его вопрос.

— Да, дорогой отец, я знаю, что Он всегда со мной, и теперь Он тоже рядом!

— Святая простота! — вздохнул священник и, присев на стул, подпер голову руками, оставаясь в таком положении несколько минут, словно в молитве.

Палко не решался беспокоить его. Тут он вспомнил, что недалеко, в кустах, спрятана собранная для дедушки малина. Дедушка, наверное, обрадуется, когда узнает, кого он ею угостил. У него нашлась и деревянная ложка, которой он обычно пересыпал ягоды из большого кувшина в маленький. Тарелок не было, но недалеко он видел растение с большими, круглыми листьями, которые вполне могли их заменить.

Палко принес оба кувшина. Маленький он наполнил свежей водой. В другом лежали только что собранные ягоды. Он вымыл ложку, старательно вытер ее платком и довольный, что удостоился чести угостить такого важного гостя, вернулся в пещеру.

Палко видел, что священник читает его книгу, и, чтобы не беспокоить его, тихо положил перед ним на стол большой лист, ложку и поставил кувшин с ягодами.

Священник поднял голову, и на его серьезном, бледном лице показалась светлая улыбка. Он взял мальчика за руку.

— Ты хочешь угостить меня?

— Да, пожалуйста, попробуйте. Вы так часто кормили меня завтраком и обедом у себя дома, а теперь я хочу угостить вас тем, что есть у меня!

— Я очень благодарен тебе, малыш. Подай-ка мне свою замечательную малину, я насыплю ее на эту зеленую тарелку.

Как же обрадовался Палко! Священник ел ягоды, пил воду. Потом достал из сумки кусок белого хлеба и угостил мальчика и Дуная.

— Я обещал тебе прочитать отрывок. Садись, а то мне скоро надо идти. Завтра ты тоже придешь сюда?

— Не знаю, вряд ли. Я должен проводить дядю Лессинга и помочь ему отнести вещи.

— Тогда я могу взять твою книгу с собой, а завтра утром или после обеда отнесу ее сюда.

Потом священник прочитал, как Господь Иисус вознесся на небо и как ангелы сказали Его ученикам, что Он вернется снова[1]. Но прежде Он обещал послать им Святого Духа[2].

— А кто такой Святой Дух? — спросил мальчик, когда они вместе покидали пещеру.

— Это Дух Господа нашего Иисуса Христа, — сказал священник задумчиво. — Его должен иметь каждый христианин. В этой книге сказано, что у кого нет Духа Христова, тот не Его[3].

— У вас Он, наверное, есть, не правда ли? — просто спросил мальчик, глядя в глаза священнику. — Вы ведь принадлежите Ему?

Если бы кто-то другой задал ему этот вопрос, то немедленно получил бы ответ. Разве он не был крещен? Разве не принадлежал к единственной дающей спасение Католической церкви? Разве он не рукоположен в священники?

— Знаешь что, Палко, на этот вопрос я отвечу тебе в другой раз, когда прочту эту книгу.

Некоторое время они шли молча.

— О чем ты думаешь? — спросил вдруг священник, взяв мальчика за руку.

— Что нужно делать, чтобы и мне Господь Иисус дал Своего Святого Духа? — робко поинтересовался Палко.

— В этой книге написано, что Отец Небесный дает Святого Духа тому, кто просит Его об этом и готов Ему повиноваться[4].

— Да, это правда, Он все давал тем, кто просил Его. И мне Он тоже дал все, о чем я Его просил. Но можно ли принять Святого Духа так же, как Господа Иисуса?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, Палко...

---

[1] Деяния апостолов 1:1–11.

[2] Евангелие от Иоанна 14:16–18.

[3] Апостол Павел пишет в своем письме христианам Рима о том, что человек, не имеющий в себе Святого Духа, на самом деле не является христианином (Послание римлянам 8:9).

[4] Евангелие от Иоанна 14:13–17.

— Марфа ведь приняла Господа Иисуса в своем доме[1]. И я, хотя не вижу Его, принял Господа в нашей хижине. Я знаю, что Он пришел и остался со мной.

Священник остановился как вкопанный и закрыл глаза.

— Нет, — сказал он через некоторое мгновение словно бы самому себе. — Духа Христова надо принять не только в свой дом, но и в сердце.

— А разве Дух Святой может жить в моем сердце?

— Да, дитя мое. Ты видишь это прекрасное заходящее солнце? А теперь посмотри на эту маленькую каплю росы. Что ты там видишь?

— Солнце. Росинка приняла в себя солнце, не правда ли, дорогой отец?

— Да, дитя мое. А теперь спокойной ночи.

И не успел мальчик опомниться, как остался один. Он тихо опустился на колени.

«Господи Иисусе, — шептал он, — попроси, пожалуйста, Своего Отца Небесного, чтобы Он и мне дал Святого Духа! Ты ведь знаешь, я хочу всегда быть Твоим! Я хочу принять Его, как та капелька росы приняла солнце. И ему Ты тоже дай Святого Духа, прошу Тебя!»

---

[1] Евангелие от Луки 10:38 и далее.

Глава 9

Маленький спутник Лессинга

На следующее утро Лессинг в сопровождении мальчика покинул горы. Мужчина нес на плечах довольно тяжелую ношу, а Палко — его одежду в узелке.

— Дядя Лессинг, а вы скоро вернетесь? — спросил мальчик.

— Не знаю, Палко, — Лессинг пытался отогнать мрачные мысли. — Когда я вернусь, принесу тебе какой-нибудь подарок. Что бы ты хотел?

— Если вам не трудно, принесите мне карандаш и маленькую тетрадку, где я смог бы кое-что записывать.

— Конечно, малыш, к тому же ты ведь часто помогал мне. Дедушка дал мне твои деньги, чтобы купить тебе костюм, а от себя я добавлю еще фуражку. Сапоги для тебя уже заказали, так что зимой ты сможешь ходить в школу и учиться тому, чего еще не знаешь.

— Вы хотите купить мне новую фуражку? Я так рад! Моя-то старая шапка совсем уже порвалась... Дедушка и так уже много на меня потратил. Если б я только мог когда-нибудь за все это его отблагодарить!

— Когда ты вырастешь, то станешь для него надежной опорой. Ты и теперь уже много ему помогаешь. Он говорил мне, что его сыновья уехали в Америку, дочери замужем... А где же твои родители? Ты, наверное, сын одного из его сыновей или дочерей?

— Ах, да что об этом говорить, дядя! — вздохнул мальчик. — Дедушка Юрига принял меня только так, ради Христа: обо мне ведь некому было заботиться. Фамилия моего настоящего деда была Рацга, но он умер два года назад. Мы пришли сюда, в горы, а потом он заболел, и так я остался у дедушки Павла.

— Значит, ты сирота? Тогда ты можешь идти со мной, я тоже одинок! — И он обнял мальчика за плечи.

— Разве у вас дома нет детей?

— Нет. Жаль, что я раньше об этом не поговорил с дедушкой. Но Лишка мог бы передать Юриге, что ты пошел вместе со мной.

На мгновение предложение показалось мальчику соблазнительным. Повидать чужие места — это так интересно. Но потом он подумал: «Что же скажет Иисус, если я уйду без разрешения дедушки? Кто будет носить ему воду и варить суп?»

— Нет, Бог с вами! Лучше возвращайтесь скорее, мы все будем ждать вас!

— Но мне-то каково будет? — рассуждал Лессинг.

Однако мальчик не сдавался. Ведь он был прав: разве можно оставить дедушку одного?

— Теперь иди домой, иначе тебя застигнет ночь, а этот узелок я и сам донесу.

Но Палко не соглашался.

— Вам и так тяжело, а я вернусь обратно бегом.

— В темноте ты можешь сбиться с пути. Луны сегодня нет.

— Не беспокойтесь обо мне, я этой дорогой ходил много раз. Дедушка Рацга любил повторять, что ребенок, найденный в горах, никогда в горах не заблудится.

— Наконец-то я вас догнал, — раздался позади них голос Лишки. — Малыш, дай-ка мне свой узелок и беги скорей обратно, пока не наступила темнота.

— Желаю вам счастливого пути, дядя Лессинг, и вам тоже! — мальчик пожал мужчинам руки и пошел обратно.

— Передавай привет дедушке! — крикнули они ему вслед.

И он исчез в горах, как маленький луч солнца.

Глава 10

В ДОМЕ ЛЕСНИЧЕГО

— Знаете, дедушка, Лессинг вчера всю дорогу был какой-то странный, — рассказывал на другой день Лишка своему приятелю Юриге. — По дороге не проронил ни слова, словно его мучает какое-то горе.

«Бедный человек, — думал Юрига. — Ему действительно есть от чего печалиться». Лишке же он только сказал, что у Лессинга дома больная жена и это его огорчает.

— Дай Бог ей поскорее выздороветь, тогда он снова сможет вернуться. Нам без него будет грустно, ведь мы к нему так привыкли...

Они не ошиблись. Без Лессинга они и вправду почувствовали себя одиноко, тем более что Палко тоже не было. Лесничий прислал за ним, чтобы он помогал священнику и служил ему в горах проводником, поскольку мальчик знал там каждую тропу.

— Не запрещайте ему идти, — упрашивал лесник, присланный с этой просьбой. — Священник вас не случайно об этом просит. Он очень любит детей, и мальчику у него будет хорошо.

Юригу интересовало, что скажет на это Палко, и старик очень удивился, когда тот обрадовался. Услышав эту новость, он прямо запрыгал от радости.

— Это прекрасный человек, — сказал он дедушке, — я его очень люблю!

Для Палко началась жизнь, какую он раньше и представить себе не мог. В доме лесничего он спал в одной комнате с паном Малиной!

Как это было замечательно! По утрам они пили молоко. Потом хозяйка клала для них в сумку разную снедь, и они отправлялись в путь. Часто Палко водил своего друга мимо глубоких пропастей, им приходилось переходить через речки или карабкаться на скалы, но священник охотно следовал за ним. Он носил с собой коробку, в которую собирал разные цветы, растения, мох, и часто хвалил своего маленького проводника, поскольку мальчик умел находить самые живописные места.

В минуты отдыха он сообщал мальчику названия разных растений и вообще рассказывал много интересного.

Когда он обратил внимание на то, что Палко уже сравнительно хорошо читает, он стал обучать его письму и арифметике.

Иногда священник ложился отдохнуть, поскольку быстро уставал. Палко тем временем собирал грибы, чтобы не возвращать хозяйке пустую сумку.

Мальчик очень радовался, что Лессинг оставил ему собаку. Дунай сопровождал их повсюду. Собака знала, когда нужно приходить, и каждое утро в определенное время появлялась у дома лесничего. Но на ночь она там не оставалась, поскольку не могла ужиться с другими собаками. Священник говорил, что собаки, как и некоторые люди, не могут поладить между собой.

Самые прекрасные минуты для Палко наступали тогда, когда священник читал ему вслух Евангелие. Он постоянно носил его при себе и читал. Правда, иногда в книге встречались слова, которых Палко не понимал. Ему очень понравились рассказы о служении апостолов[1]. Понятно, что если бы Дух Святой не сошел на них, они не могли бы творить таких

---

[1] Священник читал одну из книг Нового Завета «Деяния апостолов», в которой рассказывается о первых тридцати годах существования христианства после воскресения Иисуса Христа.

чудес. Следующая книга называлась «Послание римлянам»[1]. Из нее Палко почти ничего не понял. Священника же, наоборот, она очень заинтересовала, и, читая ее, он часто погружался в размышления. Особенно волновал его стих: «Но Бог показал нам всю силу Своей любви к нам, потому что Христос умер за нас, когда мы были грешниками»[2].

— Отец, я хотел бы это понять, мне кажется, это что-то очень важное!

— Ты прав, дитя мое. Для нас нет ничего важнее истины, что Иисус умер за нас!

— За нас? — с удивлением воскликнул Палко. — А я думал, Он умер потому, что злые люди прибили Его к кресту. Почему Он умер за нас?

Тогда священник снова открыл Евангелие от Иоанна и прочитал о Моисее и медном змее[3], пояснив, что произошло с еврейским народом на пути из Египта, как люди роптали против Бога и Моисея и как Бог послал на них ядовитых змей. Они жалили людей, и многие умирали. Но когда укушенные змеями с верой в Бога смотрели на медного змея, они исцелялись[4].

— Эти ядовитые змеи — наши грехи, — пояснял священник. — И как в пустыне на шесте подняли этого медного змея, так и Сыну Божию суждено было висеть на кресте за наши грехи.

Но поскольку Палко все же не мог этого понять, священник рассказал ему о том, что когда-то израильтяне были в Египте рабами и что Бог поручил Моисею вывести их оттуда.

---

[1] «Послание римлянам» — это письмо апостола Павла к христианам города Рима. В нем апостол объясняет основные положения своей проповеди.

[2] Послание римлянам 5:8.

[3] Священник читает Евангелие от Иоанна (3:14–15). Медный змей, поднятый вверх на деревянном шесте вождем евреев Моисеем, говорил о будущем рождении Иисуса Христа.

[4] Числа 21:4–9.

Но злой фараон не хотел отпускать своих рабов[1]. Тогда Бог разгневался и приказал ангелу убить всех первенцев египтян, от сына фараона до раба. Но чтобы этот ангел не умертвил первенцев израильтян, Бог повелел, чтобы в каждой израильской семье закололи ягненка и помазали его кровью косяки дверей. И ангел, увидев кровь, прошел мимо их домов[2].

— Видишь, Палко, как фараон не хотел отпустить евреев, так и нам пришлось бы погибнуть за наши грехи. Но Бог показал нам Свою любовь, когда мы еще были грешниками: Христос умер вместо нас. Он принял за нас смерть. Так Он стал Агнцем Божьим, взявшим на Себя грехи мира[3].

Вдруг Палко закрыл лицо руками.

— Господи Иисусе, мой любимый, добрый Иисус, — воскликнул он, рыдая, — теперь я знаю, почему Твой Отец не услышал Тебя и не спас, когда Ты звал Его[4], ведь Тебе предстояло умереть за мои грехи, как тому ягненку вместо израильтян. Вот почему Ты можешь прощать грехи — ведь Ты умер из-за наших грехов!

---

[1] Исход 3:1–5:5.

[2] Исход 11:4–12:30.

[3] Пасхальный ягненок (агнец) представляет безгрешного Божьего Сына. Ягненок умирал вместо первенца, именно поэтому Иисус Христос, Который умер за нас, назван Ягненком или Агнцем Божьим (см. Евангелие от Иоанна 1:29–36).

[4] Евангелие от Матфея 27:46; Евангелие от Марка 15:34.

Мальчик замолчал. Он опустился на землю и не видел, что в это время делал его друг. Когда он поднялся, рядом уже никого не было. На земле лежала раскрытая книга, на ее страницах остались следы слез.

С этого дня пан Малина стал еще молчаливее. И в горах, и дома он часто молился, и мальчику это очень нравилось. Просыпаясь ночью, он видел священника стоящим на коленях перед маленьким деревянным распятием. Тогда и Палко начинал беседовать со Своим Спасителем, и на сердце у него становилось легко и радостно.

В субботу, когда уже приближалась к концу вторая неделя, Палко услышал, как жена лесничего говорила мужу:

— Пан Малина приехал сюда, чтобы отдохнуть, но вместо этого ему с каждым днем становится все хуже и хуже. Мне кажется, его мучает какое-то горе. А завтра он хочет еще и проповедовать. Ему не следует этого делать.

— Знаешь, милая, он не может обойтись без проповеди, как я без ружья, а ты без поварешки. Будь он как другие, он бы не делал этого, но святой отец — человек очень порядочный и сознательный.

Позже, когда Палко и священник гуляли по лесу, мальчик вдруг спросил:

— Правда, что вас терзает какое-то горе?

— А кто тебе сказал об этом, дитя мое?

— Об этом говорили в доме лесничего. Хозяйка беспокоится о вас, вы такой бледный. Она думает, что вы больны.

— Она не ошибается, дитя мое: я болен, при смерти. И от моей болезни нет лекарства.

— Разве и Господь Иисус не может помочь? — спросил мальчик испуганно и схватил бледную руку священника своими загорелыми руками.

— Даже Господь Иисус! — повторил священник и посмотрел в глаза мальчика, полные беспокойства и сочувствия. — Правда, Он может помочь, но...

— Тогда скорей просите Его об этом! Вы же знаете, что Он исцелял каждого, кто приходил к Нему, даже того парализо-

ванного, хотя он сам и не просил Его об этом. А что, если нам теперь же попросить Его?

— Ты хочешь помочь мне молиться?

— С огромной радостью, как делали друзья того военного из Капернаума, которые говорили: «Этот человек заслуживает того, чтобы Ты ему помог»[1].

— Нет, Палко, ты не должен так молиться, поскольку я не достоин Его милости.

— Но как же вам помочь? А что, если мы попросим Его, как тот человек в Храме, который стоял в стороне и не смел поднять к небу глаза? Вы помните, как фарисей превозносил себя? [2]

— Ты прав, мой мальчик; это единственно правильная молитва для нас.

Священник об этом больше не говорил, и на этот раз они вернулись домой довольно рано.

Пан Малина пожелал, чтобы после обеда Палко проводил его домой и переночевал у него, а на другой день навестил бы дедушку и провел с ним воскресенье.

«Но как же мне, такому оборванцу, пойти с ним? — думал Палко. — Вот если бы у меня был новый костюм и фуражка!»

После обеда, помогая на кухне жене лесничего мыть посуду, он поведал ей о своем горе.

— Не беспокойся, Палко. Я об этом уже подумала и кое-что отложила для тебя из одежды своих ребят: я вижу, ты много делаешь для священника, да и мне всегда помогаешь.

Палко получил белую рубаху и синие штаны, а его пиджачок жена лесничего ухитрилась тайком выстирать. Правда,

---

[1] Мальчик говорит об исцелении Иисусом слуги римского офицера, уверовавшего в Него (Евангелие от Луки 7:1–10).

[2] Палко имеет в виду притчу о набожном фарисее и грешном сборщике податей, или мытаре (Евангелие от Луки 18:9–14). Оба они молились в Храме, но фарисей был очень гордым, а мытарь смиренно просил Бога только помиловать его. Господу больше понравилась молитва сборщика податей.

после стирки пиджак немного сел, но мальчик аккуратно расправил его на плечах. Он даже сам починил и почистил свои ботинки.

Посмотревшись в зеркальную гладь воды, Палко с трудом узнал себя. Вскоре он уже радостно шагал рядом со священником, помахивая перекинутой через плечо сумкой. А тот радовался вместе с мальчиком.

— Спасибо вам за все хорошее, и да хранит вас Бог! — пройдя немного и оглянувшись назад крикнул Палко жене лесника, смотревшей им вслед.

— Веди меня, Палко, самой короткой дорогой, как вы обычно ходите с Дунаем, — сказал священник.

— Тогда мы очень быстро попадем в село! — радостно отозвался мальчик. — Но не бойтесь, эта хорошая тропинка. Иначе я не повел бы вас по ней, ведь лесничий приказал мне идти по ровной дороге.

Священник улыбнулся.

— Если бы он знал, Палко, где только мне не приходилось лазать за тобой! Но не беспокойся, он не узнает. Самые красивые цветы растут обычно на краю пропасти. Но прежде чем мы спустимся в долину, расскажи мне что-нибудь, как тогда, когда мы с тобой впервые встретились в Стране солнца. Расскажи мне о своих родных!

Палко обрадовался, что священник больше не грустит, и охотно поведал ему, как два года назад он пришел в горы вместе с дедушкой Рацгой, как дедушка потом заболел, уехал домой и умер, а дедушка Юрига взял его к себе. Священник удивлялся, что родители мальчика позволили ему это.

Тогда Палко рассказал, как Анна нашла его в горах и, поскольку никто из родных не пришел за ним, оставила у себя.

Священник внимательно слушал.

— А когда дедушка Юрига умрет, куда ты пойдешь?

Мальчик остановился и, пораженный, смотрел своими голубыми глазами на священника.

— Я думаю, Господь Иисус и дальше будет помогать мне: ведь Он послал Анну, когда я заблудился в лесу. А когда она умерла, меня взял дедушка Рацга, потом приютил дедушка Юрига. Конечно, хижина в горах принадлежит нам лишь пока дедушка жив, а дом в селе — собственность его сыновей, там я не смогу оставаться. Но теперь я уже подрос, и кто-нибудь, наверное, согласится взять меня на службу. Если вам понадобится пастушок, я охотно пойду.

— Ко мне? — воскликнул священник. — Это хорошая мысль! Да, если я буду еще жив, а твой дедушка умрет, приходи только ко мне. Дай мне слово, что ты ни к кому другому не пойдешь!

Палко охотно пообещал. Разговор путников прервали несколько женщин, которые сопровождали их до самого дома.

Там мальчика хорошенько накормили и даже предложили принять ванну перед сном. Теплая вода быстро сняла с него усталость после дороги.

Палко едва успел помолиться, как сон уже сомкнул его глаза. Он почувствовал, как пан Малина накрыл его одеялом, погладил по голове и поцеловал. Через мгновение он уже крепко спал.

На другой день Палко проснулся с восходом солнца. Он хотел тихонько встать и выскользнуть из комнаты, но увидел, что священник, уже одетый, сидит у окна. На коленях у него лежит священная книга, но он ее не читает. Закрыв глаза, он улыбается, словно во сне. Утренние лучи озаряют его лицо.

Мальчик оделся и на цыпочках вышел из комнаты; у колодца он умылся и, причесавшись, вернулся в комнату.

Священник по-прежнему сидел возле окна, но уже открыл глаза

и теперь любовался восходом солнца. Мальчик тихо подошел к нему и опустился у его ног.

— Палко, ты уже встал? — спросил священник, опуская ладонь на его голову.

— Да, ведь уже пора. Сегодня очень красивое утро, такое же прекрасное, как то, когда воскресший Спаситель явился Марии [1]. Не правда ли, сегодня никакое горе вас не тревожит?

— Сегодня? Нет, дитя мое, сегодня я очень, очень счастлив! Тебе об этом можно сказать, поскольку ты все поймешь и порадуешься вместе со мной. В эту ночь я нашел путь в настоящую Страну солнца! Теперь я способен сказать: я обрел Дух Христов! Я принял Господа Иисуса, как некогда Марфа, как та росинка — солнце. Поблагодари вместе со мной Господа за то, что Он крестил меня и сделал Своим слугой! Сейчас я хочу еще немного отдохнуть, потому что не спал всю ночь. Но ничего. Эта ночь — самая прекрасная в моей жизни!

Вместе они встали на колени и помолились. Потом священник прилег на диване. Палко принес ему подушку.

— Вам нужно поспать хоть несколько часов, иначе как же вы сможете прочесть проповедь?

Священник прижал мальчика к груди:

— Как я смогу прочесть проповедь? Я сделаю это так, как никогда раньше. Сегодня я в первый раз в своей жизни буду настоящим свидетелем моего Господа.

Палко очень соскучился по дедушке. За последние две недели он виделся с ним всего дважды: один раз в хижине, а второй — в лесу.

— Мне тебя очень не хватает, — сказал ему тогда Юрига, — но служи этим людям усердно, и Бог вознаградит тебя за это.

Сегодня Палко собирался навестить дедушку. Он хотел уйти без завтрака и тихонько вышел из комнаты, однако старая экономка успела его заметить. Она накормила мальчика молоком и хлебом, а потом отпустила.

---

[1] Мальчик имеет в виду Марию Магдалину (Евангелие от Марка 16:9).

Глава 11

Маленький слуга Божий

Тем временем в их хижине произошло нечто особенное. Старый Павел получил письмо, но не от своих детей из Америки, а от Лессинга. Юрига обрадовался, что уже рассказал Лишке о болезни жены Мартина, поскольку теперь пришлось просить Лишку прочитать письмо. Вот что там было написано:

«Свою жену я нашел в общем здоровой, однако мать говорит, что мне нельзя уходить, так как одна она не может с ней справиться. Но вы ведь знаете: я должен вернуться, иначе потеряю много денег. Вот у меня и появилась мысль взять жену с собой. Я очень прошу вас разрешить Палко заботиться о ней! Он всегда такой отзывчивый, и я думаю, он благотворно подействует на нее. Мальчик мог бы гулять с ней и вообще всегда находиться рядом. А я не останусь у вас в долгу. Сжальтесь же над нами, двумя несчастными людьми!

Если бы Палко уступил нам свой уголок, а сам спал вместе с вами, моя жена могла бы остаться. Тогда она бы стирала, готовила еду и вообще выполняла всю домашнюю работу. Зная, что этот мальчик с ней, я был бы так же спокоен, как если бы ангел Божий охранял ее.

Вчера в книге пророка Исаии я прочел такие слова: „...И малое дитя будет водить их“[1]. Вдруг у меня перед глазами возник Палко. Я почувствовал, что он — то малое дитя, которое поведет нас к Богу.

Если бы я мог верить так, как он!»

---

[1] Исаия 11:6.

Читая письмо, Лишка часто вытирал слезы.

— Да, это действительно так: малое дитя будет водить их; он — то самое дитя.

Юрига обрадовался, что может помочь Лессингу. Места хватит — пусть она приходит, и пусть милосердный Господь благословит несчастную женщину, и присутствие Палко пойдет ей на пользу.

Если бы мальчик знал, что его ожидает дома! Он был согласен на все, кроме этого. Значит, он не сможет больше пойти к своему любимому священнику!

Только теперь, когда дедушка не разрешил ему вернуться обратно, он почувствовал, как сильно привязался к пану Малине. Юрига сказал, что в понедельник после обеда придет дядя Лессинг со своей женой и что ему придется прислуживать ей, пока мужчины будут работать. Он должен оставаться с ней в доме, помогать, а если она пойдет за грибами — сопровождать ее.

Напрасно Палко убеждал деда, что священник нуждается в нем, что он болен и некому ходить с ним в горы, что только на несколько дней вернется он в дом лесничего...

— Перестань же, наконец, твердить о своем священнике! — прикрикнул на него Юрига. — Он тебе совсем чужой, к тому же католик, а Лессинг из наших, из евангелистов[1]. Мы должны ему помочь. Ты ведь говоришь, будто Господь всегда с тобой и все слышит. Я не знаю, понравится ли Ему, что ты откажешь в помощи такому несчастному человеку, как Мартин. В понедельник утром отправишься к лесничему и предупредишь его, что больше не придешь. А теперь — ни слова!

Палко взял кувшин, чтобы принести воды. Придя к источнику, он упал на траву и горько заплакал. Размазывая слезы по щекам, он причитал: «Почему я всех должен обслуживать?

[1] Евангелисты — одно из направлений в протестантизме. В отличие от католиков евангелисты считают, что спасение дается человеку без всяких заслуг с его стороны, только благодаря вере в жертву Христа.

Ведь дядя Лессинг свою жену мог бы оставить дома. Зачем он взял ее с собой? И теперь я Тебя, Господи, не могу принять к себе. Даже Марфа не могла бы принять Тебя, если б у нее отобрали дом. Почему они лишили меня моего уголка, чтобы там поселились эти люди, а я снова вернулся к дедушке? Нет, я не согласен! Лучше я с Дунаем буду спать на улице! И потом, дедушка говорит, что священник — чужой мне человек, но это неправда! А разве дядя Лессинг наш родственник? Ничуть! Что с того, что он живет у дедушки и вместе с ним работает? Но ведь и дедушка мне не родной... Я здесь совсем один среди чужих людей!»

И мальчик снова заплакал.

— Что же ты плачешь, Палко? — раздался вдруг голос деда.

Но мальчик не дал себя утешить.

— Потому что у меня нет родных, и я все время должен скитаться среди чужих людей! — ответил он, рыдая.

Юриге стало жаль парнишку.

— Ну успокойся же, — сказал он нежно. — Присядь, я хочу тебе кое-что сказать. — Ласковый голос немного успокоил бурю в маленьком сердце. Мальчик послушался и сел рядом с дедушкой.

— Почему ты так сокрушаешься, что я не разрешаю тебе вернуться к священнику? Он богатый и найдет себе другого проводника. Лессинг, напротив, человек бедный и к тому же очень несчастный. Мы ведь читали в священной книге, что Спаситель сочувствовал таким людям и всегда помогал им, — а ты не хочешь. Этого я от тебя не ожидал!

— А почему вы называете дядю Лессинга несчастным, ведь у него все есть... — робко возразил Палко. Он чувствовал, что был неправ: Иисус бы так не поступил.

— Я могу рассказать тебе об этом, но ты должен дать слово, что никому не скажешь — ни Лишке, ни Лессингу.

— Я никому не скажу, дедушка, — и мальчик положил свою маленькую руку в мозолистую ладонь старика.

— Тогда слушай: у дяди Лессинга был маленький сын, и однажды он потерялся. Его жена так сильно горевала, что по-

теряла рассудок. Она все пытается найти ребенка. Поэтому дядя Лессинг берет ее с собой, чтобы она не заблудилась, уйдя из дома. Она и здесь будет искать своего сына, и поэтому ты всегда должен сопровождать ее.

— И помогать ей искать его! — воскликнул мальчик, вскакивая. На его щеках еще блестели слезы, но глаза уже сияли от радости и желания действовать.

Юрига обрадовался, что ему удалось убедить Палко. Теперь он вместе с этой женщиной сможет искать заблудившегося малыша. Юрига знал, что мальчик больше не пойдет к священнику, а останется дома.

— Но не забывай, — напомнил ему дедушка, — что тебе нельзя упоминать о ребенке ни при Лессинге, ни при ком-либо другом.

— Но с женой дяди Лессинга я могу о нем говорить?

— Да, с ней можно.

— Значит, это был мальчик? А большой он был? Мне же нужно узнать его, если мы с ним встретимся.

— Он был совсем маленький, в одной рубашонке.

— Бедное дитя! — сочувственно воскликнул Палко.

Они пришли к хижине. Мальчик даже не обратил внимания на то, что дедушка сам несет кувшин, настолько потрясло его услышанное.

Помогая деду приготовить большую постель, он вдруг спросил:

— Как ты думаешь, дедушка, мы сможем принять здесь Господа Иисуса?

— Конечно, сынок, как же нам не принять Его? Ему ведь принадлежит вся наша хижина!

— Я так рад!

На следующее утро ему пришлось идти в дом лесничего предупредить, что он не придет больше, и от этого ему стало так грустно... Особенно печалило его то, что он даже не сможет попрощаться со священником.

Но как же он обрадовался, когда в доме лесничего застал своего друга! Увидев мальчика, тот ласково приветствовал его:

— Здравствуй, Палко! Сегодня я встал раньше обычного, а ты приходишь за мной позже.

— Я совсем не для того пришел, чтобы идти с вами, — ответил мальчик, и в глазах у него заблестели слезы. — Дедушка велел вам кланяться и просил передать, чтобы вы нашли себе другого мальчика, а я нужен ему дома. Он сказал, что такой богатый человек, как вы, всегда наймет за деньги другого.

— Другого такого Палко я за деньги не найду, — ответил священник, гладя мальчика по голове. — А зачем ты ему нужен? Может быть, его еще можно уговорить, если я сам пойду к нему — я ведь останусь здесь до среды.

— Это бесполезно, — тяжело вздохнул Палко. Он вытер слезы и рассказал вкратце, почему теперь он нужен дома и кому ему придется помогать. При этом он не скрыл, каким несчастным почувствовал себя вначале. — Теперь же я хочу успокоить дедушку, вот только боюсь, не оскорблю ли я Иисуса?

Священник присел на срубленное дерево, а Палко, по своему обыкновению, опустился на траву возле его ног и положил голову на колени священника.

— Не оскорбишь ли ты Его? Нет, напротив, — Он, наверное, удивлен тобой! — ответил священник.

— Удивлен? Чем же?

— Ты ведь совсем недавно обещал стать Его слугой. Он считал твое решение серьезным и принял тебя. Если бы ты служил у меня, то должен был идти туда, куда я тебя посылаю, и делать то, что я приказываю.

— С какой радостью я исполнял бы все ваши поручения, но еще с большим удовольствием — повеления Иисуса!

— Правильно, Палко, ведь Он говорил: «Кто хочет следовать за Мной, пусть забудет о себе, пусть возьмет свой крест — и тогда следует за Мной»[1].

Он охотнее остался бы со Своими учениками, которых так любил, но Его Небесный Отец сказал Ему: «Возьми этот тя-

---

[1] Евангелие от Матфея 16:24. Этими словами Иисус призывал учеников терпеливо переносить трудности земной жизни ради служения Ему.

желый крест на Свои плечи и неси его на Голгофу, и позволь распять Себя на нем!» И что же Он сделал? Он повиновался.

— Значит, вы думаете, что Господь велит мне оставить вас и служить жене дяди Лессинга? Значит, это мой крест?

— Да, дитя мое, я думаю так. Возьми его с радостью на свои плечи. Господь, наверное, знает, зачем он посылает к тебе эту душу, как Он знал, зачем послал тебя ко мне!

— Так я и вправду буду у Него на службе?

— Разумеется, ты будешь Его маленьким слугой.

— Может быть, тогда Он поможет мне найти маленького мальчика! — радостно воскликнул Палко.

— Какого мальчика?

— Об этом я не могу говорить никому: ни Лишке, ни Лессингу — так приказал мне дедушка. Но о вас он не упоминал, и поэтому вам, думаю, можно рассказать.

Палко все выложил священнику и удивлялся, что тот ничего не отвечает и лишь как-то странно посматривает на него.

— Сколько же тебе было лет, Палко, когда Анна нашла тебя? — спросил он после небольшой паузы.

— Она говорила, что мне тогда исполнилось полтора года.

— А у Лессинга тоже мальчик потерялся?

— Да, но совсем маленький, в одной рубашонке.

— Да, неисповедимы пути Господни! Я думаю, Господь Иисус поможет тебе найти ребенка несчастной женщины. Служи ей усердно, и в свое время ты возблагодаришь Господа за то, что Он позволил тебе сделать это!

У мальчика на душе легла какая-то тяжесть. На мгновение он закрыл лицо руками и замолчал. Потом посмотрел на священника.

— Я так огорчен!

— Огорчен? Чем же?

— Я не понял, что Господь зовет меня, и не хотел повиноваться Ему...

— Ты повел себя так же, как нередко ведем себя мы, взрослые. Мы обещаем служить Господу, но когда Он посылает нас туда, куда нам не хочется, отказываемся повиноваться. Не го-

рюй теперь, дитя мое, это тебе не поможет. Признайся Господу в своем непослушании, попроси у Него прощения, и Он простит тебя. А потом служи Ему при жене Лессинга так же верно, как служил Ему при мне!

Священнику не пришлось повторять это дважды. Палко немедленно облегчил свое сердце, исповедав все пред Иисусом, и потом со слезами на глазах обещал служить Ему верно. Помолился и священник, чтобы Господь помог Палко привести к Нему Мартина с женой, как он привел его самого.

Потом священник поцеловал мальчика, вытер ему слезы и сказал:

— Не беспокойся, мы останемся хорошими друзьями, ведь мы слуги одного Хозяина. Если окажешься в селе, навести меня. Твой Новый Завет я верну, он тебе еще понадобится. Дома у меня есть Библия, и я собираюсь выписать еще много Библий.

Священник вынул из кармана драгоценную для него книгу, с благоговением поцеловал ее и протянул своему маленькому другу.

— Если бы она везде совершила то же, что сделала с моей душой! — промолвил он со слезами на глазах.

Они вернулись в дом лесничего. Палко простился с хозяином и его женой, которым совсем не нравилось, что дедушка забирал мальчика домой. Но священник успокоил их, сказав, что он уже и сам хорошо знает все тропинки и потому в эти три дня справится один.

Жена лесничего подарила Палко маленький свисток, чтобы звать Дуная, и блестящую крону[1]. Кроме того, она дала ему с собой такой большой узел с разными вещами, что он с трудом мог его нести.

— Если будешь проходить мимо, заходи к нам, — сказала она, — даже когда нечего продавать.

Палко охотно пообещал.

Пан Малина проводил его до самой хижины. Он пришел поблагодарить дедушку и подарил ему новую золотую монету.

Теперь дедушка не удивлялся, что Палко так полюбил священника. Он действительно оказался на редкость хорошим человеком. Старик думал, что святой отец даст парню за хорошую службу две кроны, но он дал ему десять и еще десять деду — на содержание мальчика.

Когда священник ушел, Юрига развязал узел, посланный женой лесничего.

— Послушай, сынок! Ты, я вижу, хорошо служил. Да вознаградит Господь жену лесничего за доброту, за то, что она не забыла о нас!

— Не правда ли, дедушка, теперь вам больше не нужно заботиться обо мне, я уже могу кое-что для вас заработать!

— Конечно, сынок! На эти десять крон я куплю себе на зиму новые сапоги. Я давно ломал голову, где мне достать на это денег, — и вот они! Правду говорит Священное Писание: «Стремитесь прежде всего к Царству Бога и к исполнению того, что Он велит, а все остальное Он даст вам в придачу»[2]. Похоже на то, что этот подарок послал нам Господь. Теперь я могу вас обеспечить всем необходимым на зиму. А еды, которую ты принес, хватит на две недели. Да, в Библии не зря сказано, что «Бог — это любовь»[3].

---

[1] Крона — денежная единица Австро-Венгрии.

[2] Евангелие от Матфея 6:33; Евангелие от Луки 12:31.

[3] Первое послание Иоанна 4:16.

Глава 12

Жена Мартина

Старый Павел не думал, что совместная жизнь с больной женой молодого друга будет легкой. Но из любви к Лессингу он приготовился терпеть и некоторые неудобства, лишь бы помочь ему. Он даже представить не мог, что все пойдет так хорошо.

Мартин с женой пришли под вечер. Они устали и с благодарностью съели предложенный суп. Потом они устроили постель из захваченных с собой одеял и подушек и пошли спать.

Только на другое утро Юрига поближе познакомился с женой своего друга.

«Бедное, несчастное создание, — думал он, сочувствуя супругам. — Какая эта Ева еще молодая, ей самое большее двадцать шесть лет, и такая красивая! Но кого же она мне напоминает? Бог знает, как мы тут с ней будем жить!»

Пока Ева их не беспокоила. С утра она сварила им вкусный суп и угостила Юригу и Палко принесенным с собой пирогом. Дунай, который радостно прыгал около них, тоже получил свою долю. Для Палко она припасла орехи. И когда Лессинг отдал мальчику его новый костюм и фуражку, она помогла ему одеться. Он ей сразу очень понравился. Со взрослыми она почти не разговаривала, но как только осталась наедине с Палко, тотчас обратилась к нему. У нее был приятный голос, правда, немного печальный, напоминавший шелест берез.

Зашедшему в гости Лишке тоже дали кусок пирога. Она охотно отвечала на его вопросы, но глядя на нее, он не мог удержаться от слез.

— Ты хорошо сделал, сынок, что взял ее с собой, — сказал Юрига Лессингу через неделю. — Ты оказался прав: мальчик ей понравился.

— Кому же он не понравится? — ответил Лессинг.

Теперь они спокойно могли отправляться на работу, не боясь, что Ева будет скучать. На это у нее не оставалось времени. Она перестирала все грязное белье, какое только нашла в домике, убирала, готовила еду, резала и сушила грибы, собранные вместе с Палко. А если у нее не было работы по дому, шила или штопала. Даже залатала рубаху Лишки.

Палко очень заботливо помогал Еве. Он рассказал ей о своей Стране солнца и на следующий же день после ее приезда отвел туда. Показав Еве свою книгу, мальчик стал учить ее читать. Она охотно слушала его, только иногда погружалась в печальные мысли.

Палко догадывался, что Ева думает о своем мальчике. С каждым днем он любил ее все больше. Обычно они ходили вместе, держась за руки, словно дети.

Однажды, когда она снова задумалась, Палко вдруг прижался головой к ее плечу.

— Тетя Ева, — сказал он, — вы, наверное, горюете о своем ребеночке, но не печальтесь, мы его найдем. Я уже просил об этом Господа Иисуса, и Он нам непременно поможет.

Его слова очень взволновали Еву. Она посмотрела на мальчика и обняла его. Платок упал с ее головы, и лучи солнца осветили два красивых лица, удивительно похожих друг на друга — как две капли воды.

— Ты найдешь его, Палко?

— Конечно, тетя Ева, мы обязательно найдем его, только скажите, как он выглядит.

— Он похож на тебя, только маленький.

— А он уже умел ходить? — с воодушевлением продолжал Палко, обнимая Еву своими детскими ручками. Ему так не хватало материнской ласки!

— Да, когда я держала его за руку, он ходил рядом со мной; мог немного пройти и сам.

— А как звали вашего мальчика?

— Мишко.

— Когда мы отправимся искать его, то будем кричать: Мишко, Мишко! Лучше вы его зовите, меня он может испугаться, ведь он еще маленький. Тетя Ева, — спросил он, освобождаясь от объятий, — когда же вы потеряли своего мальчика?

— Когда? — она посмотрела на него смущенно. — Этого я, Палко, не знаю. У меня в голове какая-то путаница. Она у меня часто болит, и тогда я совсем ничего не помню. Но в горах мне лучше. Здесь у меня полегче на душе, чем у нас дома.

— Знаете, вы можете остаться у нас насовсем. Зимой будем жить внизу, в селе. В нашем доме хватит места для всех. У нас есть небольшой дом с кухней и кладовой, и я думаю, мы жили бы в согласии.

— Я охотно осталась бы с тобой.

Глаза мальчика наполнились слезами. Он чувствовал, что его любят.

— Я вас очень, очень люблю! Хотя вначале не хотел служить вам: ведь для этого мне пришлось покинуть моего священника. Он многому научил меня, и я ему охотно помогал. Но и вам я служу верно, не правда ли? Я думаю, Господь останется мной доволен. И если это мой крест, то он вовсе не такой тяжелый. Но мы говорили о вашем мальчике.

— Ах, да! Дома люди говорят, что его, наверное, растерзали дикие звери. Но я этому не верю, — ответила она, опустив голову. — Я твердо знаю, что он жив, и потому должна искать его. Я не верю, что он погиб!

— И не верьте, — утешал ее Палко, — это только так говорят. Когда я был маленьким, меня тоже нашли в горах по ту сторону Вагталя[1]. Но Господь Иисус оберегал меня, так что ни один зверь меня не тронул. Его Самого злой Ирод тоже хотел убить, но Мария и Иосиф увезли Его[2].

---

[1] Вагталь — долина реки Ваг на территории Словакии.

[2] Евангелие от Матфея 2:13–18.

— Значит, тебя кто-то нашел? — воскликнула она. — Как же это было?

— Если хотите, я расскажу вам все подробно. Тетя Анна собирала грибы. Вдруг она услышала плач ребенка. Она пошла туда, откуда слышался голос, и увидела в лесу маленького мальчика. Он был в одной рубашонке, босой и просил воды. Она дала ему воды и накормила. И так как она не знала, чей это ребенок, то отнесла его домой и сообщила о своей находке властям. Но никто не явился. Тогда она приняла меня из милости, как потом и Юрига. Но тетя Ева, — воскликнул он, — может быть, и вашего Мишко кто-нибудь нашел и приютил, так что мы напрасно ищем его здесь в горах?

Женщина встала, сжала голову обеими руками и, погрузившись в размышления, тихо сказала себе: «Кто знает, где он теперь?»

— Не беспокойтесь, — утешал Палко несчастную, — Господь, наверное, знает, где он. Будем просить Его, чтобы Он помог нам найти вашего малыша. Сейчас в горах можно встретить много женщин. Спросим каждую, не находила ли она мальчика. И может быть, нам посчастливится встретить как раз ту, которая нашла его.

С этого дня Ева и Палко каждый день говорили о своем Мишко. Палко научил ее, как просить Господа Иисуса, чтобы Он открыл ей, где находится ее мальчик. Она твердо верила, что он жив и найдется. С тех пор она стала разговорчивее, и на ее прежде бледных щеках появился румянец.

Юрига все пытался вспомнить, на кого она так похожа. Все чувствовали себя в ее присутствии удивительно хорошо и старались хоть чем-то порадовать бедную женщину.

Лессинг не знал, как угодить жене. Первое время она избегала его, но потом перестала. Когда он приносил из леса осиновую колоду и, разрубив ее, начинал вырезать ложки, она с шитьем в руках садилась рядом и иногда смотрела на него так приветливо и с такой нежностью, что он ликовал в душе.

Когда Лессинг читал вслух Новый Завет, жена обычно придвигалась к нему поближе и внимательно слушала.

Лессинг уже научился верить, что Бог милостив к грешникам; он часто просил Господа Иисуса, чтобы Тот исцелил его любимую жену.

Палко рассказал ему, как священник, читая Библию, нашел путь в настоящую Страну солнца.

Лессинг тоже жаждал найти его; но он не хотел и не мог прийти туда один, без своей жены. Как же Бог примет его, когда она так несчастна и не может уверовать в Христа? Ведь это из-за его греха ее разум помутился.

Поскольку они не знали, что́ Палко уже прочитал в своей Стране солнца, то решили читать священную книгу сначала, строчка за строчкой, и постепенно она открывалась им все больше и больше. Несколько дождливых дней они совсем не могли работать, но за чтением книги не замечали, как быстро проходит время.

Лишка засиживался у них допоздна и уходил к себе только ночевать. Иногда он брал с собой и Палко, и тогда они до поздней ночи рассуждали о прочитанном.

Лессинг с каждым днем все сильнее жаждал познать путь к спасению. Он молил Бога, чтобы и его жена встала на этот путь. Он уже не пытался найти своего ребенка, но верил, что он попал в вечную Страну солнца, и надеялся встретить его там.

Глава 13

В доме священника

Хотя они жили вместе мирно и хорошо, все же Палко чего-то недоставало. Порой он так тосковал по священнику, что вздыхал: «Господи Иисусе, я очень хочу нести свой крест безропотно, но все-таки он очень тяжелый!»

Сердцем своим он знал, что в доме его никто до конца не понимает, священник же, без сомнения, понял бы все. За это время ему ни разу не удалось побывать в селе. В первое воскресенье шел дождь, а во второе дедушка вместе с Лессингом и Лишкой пошли в церковь. Когда они вернулись после обеда, Палко попросил разрешения сходить к лесничему. В благодарность за подарки он хотел отнести его жене немного грибов, собранных накануне. Он взял с собой Дуная, и они побежали по тропинке.

На душе у мальчика полегчало, словно у птицы, вырвавшейся из клетки. Дунай радовался вместе с ним.

«Теперь, наконец, я узнаю, как дела у священника», — думал Палко. По дороге он распевал песенку, которой научила его Ева. До домика лесничего мальчик добрался быстро и застал там только хозяйку.

Дедушка передает вам привет, а я принес платок, в который вы завязали вещи, и в благодарность за них немного грибов.

— Какие прекрасные грибы! Где же ты их нашел? Кланяйся от меня дедушке и скажи, что я ему очень благодарна. Присядь ненадолго, выпей кофе. Я дома одна — все повеселее будет. Тебе, наверное, тоже некуда торопиться?

— Да, некуда, — ответил Палко. — Он обрадовался, что сможет расспросить о своем друге. Поговорив немного с женой лесничего, он умоляюще посмотрел на нее:

— Скажите, пожалуйста, как чувствует себя священник?

— Пан Малина? Хорошо, дитя мое. Только он стал какой-то странный, — сказала она, покачав головой.

— Почему странный?

— В это воскресенье, так же как и в прошлое, он проповедовал как никогда! — Жена лесничего говорила с Палко как с равным, наверное потому, что он так внимательно и серьезно ее слушал.

— Да, когда я пришел к нему в то воскресное утро, он мне говорил, что собирается проповедовать как-то по-особенному. Поскольку что теперь он нашел путь в настоящую Страну солнца, где вечный свет.

— Значит, он и тебе говорил об этом? Да, в то воскресенье он сказал нам странные слова. Если бы ты не провел с ним две недели, я не стала бы тебе об этом рассказывать, ведь ты еще ребенок. Он говорил, что прежде не заботился о нас как верный пастырь, что до сих пор сам еще не пережил рождения свыше [1] и не знал, прощены ли его грехи. Раньше он только передавал нам свои знания о Господе Иисусе, не приняв Его в свое сердце. Потом он сказал, что каждый из нас тоже должен принять в свое сердце Господа и что теперь он готов показать нам настоящий путь к Нему, поскольку он сам удостоился этой благодати. И еще сказал, будто Бог усыновил его [2].

Я не могу тебе все передать, мой мальчик, но этой проповеди я никогда не забуду, как и сегодняшней. Я с трудом дождалась воскресенья — так мне хотелось узнать, какой же путь он нам покажет. Сегодня он говорил, как велик и свят Господь

---

[1] Рождение свыше — дар Божьей благодати, сверхъестественное обновление воли, мыслей и чувств человека по действию Святого Духа, в результате которого он переходит от состояния духовной смерти к жизни в Духе (см. Евангелие от Иоанна 3:3–7).

[2] Послание римлянам 8:15–23.

и какие мы большие грешники. Потом сказал, что нас ждет вечная гибель, если мы не обратимся к Богу и к Иисусу Христу.

В церкви наступила такая тишина: было слышно, как муха летает. Никто не дремал, все слушали с величайшим вниманием. У меня даже возникло впечатление, будто это говорил вовсе не наш священник — столь странные слова он произнес.

После богослужения народ на улице собрался группами; все были взволнованы, как будто уже настал великий и страшный день Суда, о котором только что говорил святой отец. В проповеди он упомянул также об одной книге, с помощью которой нашел путь к Богу и Христу. Что там написано, я точно не поняла, только запомнила, что эту книгу нужно читать строчка за строчкой.

— Вот эта книга, — сказал Палко и вытащил Библию из-за пазухи.

— Значит, эта книга у тебя? — спросила пораженная жена лесника.

Она поспешно достала очки, и когда Палко открыл первую страницу, прочла: «Читай внимательно, строчка за строчкой».

— Где же ты достал эту книгу? Ее дал тебе наш священник?

Мальчику пришлось снова повторить историю про то, как он нашел книгу. Жена лесника слушала его с удивлением. Он рассказал ей также о том, что они читали ее вместе со священником и оба приняли Господа Иисуса, как некогда Мария[1], и Святого Духа, как капля росы — солнце.

— Дитя мое, да ты говоришь, как какой-нибудь святой или как двенадцатилетний Иисус в Храме![2] — воскликнула она с удивлением. — Ты можешь оставить мне эту книгу?

Палко на мгновение задумался.

— Я бы охотно оставил, но Сам еще не дочитал ее до конца. Правда, дядя Лессинг принес из дома полную Библию, и теперь мы все вместе слушаем истории из нее. Но я еще читаю

---

[1] Евангелие от Луки 1:38.

[2] Евангелие от Луки 2:41–47.

отдельно в своей Стране солнца. А теперь, когда мы с тетей Евой уходим собирать ягоды, я и ей читаю вслух. Большую книгу брать с собой я не могу, да и не так хорошо в ней разбираюсь, как в своей... Вот что мы сделаем! — воскликнул он вдруг. — Когда священник возвращал мне эту книгу, он сказал, что выпишет много таких. Значит, эти книги есть еще.

— Он так говорил? — радостно переспросила жена лесника. — Знаешь, Палко, дедушка на тебя не обидится, если ты вернешься немного попозже. Сегодня ведь воскресенье, и он справится без тебя. Я хочу послать нашему священнику коекакие гостинцы. Не можешь ли ты отнести их ему и попросить, чтобы он достал мне такую книгу? Я готова заплатить, сколько бы она ни стоила. Ты согласен?

— Почему бы и нет! Ведь тогда я увижу священника! — воскликнул он радостно.

Мальчик видел, как жена лесника положила в корзину пару голубей, немного яиц, часть принесенных Палко грибов, кусок овечьего сыра и кусок свежего масла.

— Отнеси это и скажи, что я ему низко кланяюсь. Передай священнику, что я не могу забыть его проповеди. Пусть он помолится обо мне, чтобы и мне найти путь к Богу и не погибнуть навеки. Я согласна делать все, что он скажет. Если бы он послал меня даже в самое дальнее паломничество, я бы пошла. Я готова заказать и молебны, лишь бы только не погибнуть.

Мальчик всю дорогу размышлял над ее словами.

«Как же она это себе представляет? Господь ведь ясно сказал: „Придите все ко Мне...“[1] Марфа ведь не ходила в паломничество, и деньги ей не пришлось платить; она лишь приняла Господа Иисуса. Жена лесника, наверное, не знает о медном змее в пустыне, как и я раньше не знал, и не слышала об израильтянах в Египте, которые не умерли только потому, что вместо них умер ягненок. А Ты, Господи Иисусе, —

---

[1] Евангелие от Матфея 11:28.

тот Агнец Божий, который умер на кресте за наши грехи! Как жаль, что я не рассказал ей об этом. Но если не забуду, то на обратном пути объясню ей. Когда же у нее появится священная книга, она и сама все узнает. Теперь я оставил ей свою книгу, пусть немного почитает. Только жаль, что об этом не говорится в самом начале! Но ведь книгу надо читать строчка за строчкой, только тогда она найдет путь в Страну солнца».

Мальчик быстро добрался до дома священника. В передней его встретила служанка.

— Пан Малина ненадолго прилег, — сказала она. — Другого я бы не впустила, но тебя он велел пропускать к нему в любое время. Покажи отцу, что у тебя там в корзине, а потом передай экономке.

Палко тихо вошел в комнату священника. Он лежал на кушетке и, услышав шаги, открыл глаза.

— Здравствуй, Палко! Наконец-то ты пришел! — протянул он руки навстречу ему. — А я уже стал думать, что ты меня совсем забыл. Ну, не плачь! Я ведь знаю, что ты охотно пришел бы проведать меня.

— Да, с огромной радостью!

Палко вытер слезы и поставил корзину на стол. Потом он опустился возле кушетки на колени и сделал то, чего никогда не делал прежде: обнял священника, как обнимал тетю Еву, и прижался загорелой щечкой к бледной щеке своего старшего друга.

Это неожиданное проявление искренней детской любви так растрогало одинокого священника, что он привлек мальчика к своей груди и поцеловал в лоб.

— Почему вы лежите? Вы устали или вам нездоровится? — спросил мальчик озабоченно.

— Да, я немного устал, Палко, и еще у меня колет в груди и в боку, так что мне трудно дышать. Другим я об этом не говорил, а тебе говорю для того, чтобы ты вместе со мной просил Господа Иисуса об исцелении.

— Тогда попросим Его сейчас, а потом я расскажу вам, зачем я пришел.

— Господи Иисусе, мой добрый, дорогой Иисус, — молился мальчик, — я знаю: Ты находишься с нами! Пошли исцеление нашему дорогому священнику! Ты же знаешь, что он болен и не может читать проповеди и выполнять другую работу, а ведь он должен говорить о Твоем пути и людям в церкви, и жене лесника!

— Если Ты как Сын Божий взял на Себя все наши болезни [1], в том числе и мои, — добавил священник, — тогда ради Твоего обещания исполнить то, о чем вместе просят двое [2], — удали эту болезнь! Я так хочу трудиться и свидетельствовать другим о том свете, который Ты послал мне самому! Твой народ погибает во мраке! Многие годы я сам был слепым вождем слепых, был наемником, а не пастырем [3]. Разреши же мне хоть частично наверстать упущенное! Я еще молод; если Ты исцелишь меня, я обещаю посвятить всю свою дальнейшую жизнь Тебе! Аминь!

В комнате стало тихо, как в церкви. Наконец Палко нарушил тишину восклицанием:

— Он услышал нашу молитву и сделает так, как мы Его просили!

— Я верю этому, Палко, продол-

[1] Евангелие от Матфея 8:17, ср. Исаия 53:4.

[2] Евангелие от Матфея 18:19–20.

[3] Слепыми вождями слепых Иисус называл фарисеев (Евангелие от Матфея 15:14), руководителей израильтян; о наемнике рассказывается в притче в Евангелии от Иоанна (10:11–14).

жай молиться за меня. Ты ведь знаешь, мы оба — слуги одного Господа, так поможем друг другу.

— Вам уже немного лучше, не правда ли?

— Да, с твоим приходом мне сразу стало легче. Знаешь ли, Палко, у меня, так же как у тебя, нет близких. И когда я лежал здесь, совсем одинокий, на сердце у меня было очень тоскливо.

— Разве у вас тоже нет родителей?

— Они давно умерли.

— И у вас нет ни дедушки, ни брата, ни сестер?

— У меня было много братьев и сестер, но почти все они умерли от чахотки.

— А эта дама, которая гостила у вас, она ведь ваша сестра?

— Да, она одна у меня осталась. Но она живет далеко отсюда, у нее своя семья. И если я болею, она не может приходить и ухаживать за мной.

— А эта старушка, которая живет у вас?

— Это старшая сестра моего покойного отца. До твоего прихода я чувствовал себя таким покинутым, как Иисус в Гефсиманском саду[1]. Теперь Он прислал ко мне тебя, и я очень Ему благодарен! Но ты, кажется, что-то принес с собой?

— Да, чуть не забыл! — воскликнул Палко. — Жена лесника послала вам гостинцы, чтобы вы скорее поправились. Вот здесь пара голубей, яйца, сыр, который вам так нравится, немного черного хлеба и масло.

— Да, Палко, это все, должно быть, очень вкусно. Я еще ничего не ел с утра, поскольку не было времени. Мне нужно было прочесть две проповеди, совершить похороны и уладить другие дела. Но теперь я хочу есть. Отрежь нам по куску хлеба и положи на стол масло и сыр.

Они сели за стол. Священник ел мало, в основном угощал мальчика. Дунай тоже получил свою порцию. Потом священник попросил мальчика отнести корзину на кухню, чтобы старушка освободила ее. Палко исполнил поручение жены лес-

---

[1] Евангелие от Матфея 26:36–46.

ника и передал священнику все, о чем она просила. Мальчик и представить себе не мог, что он так обрадуется. Он встал, медленно подошел к столу, на котором лежало несколько книг, и взял одну из них.

— Слава Богу! Я выписал их много, но не предполагал, что они понадобятся мне так скоро.

Он сел за стол и на первой странице книги написал те же слова, которые нашел в книге Палко, прибавив еще несколько. Потом простер руки над книгой и помолился. Через некоторое время вошла старая женщина. Она несла корзину, в которой что-то лежало.

— Я положила туда гостинцы для Палко и его дедушки, — сказала она священнику. — Ты выглядишь очень усталым. Не лучше ли тебе прилечь? — озабоченно заметила она и приготовила постель.

— Немного позже. Сначала я хочу немного проводить Палко. Он должен идти, ведь до дома далеко.

Никогда разлука не казалась мальчику такой тяжелой; ему хотелось плакать.

— С вашего позволения я бы охотно остался, — сказал по дороге Палко, — вы ведь очень одиноки!

— Нет, так не пойдет! Твой дедушка будет беспокоиться, да и жена лесника тоже. Иди домой, но не беги, а то вспотеешь и простудишься. Я уже успокоился. Ты же знаешь, я тоже принял в свой дом Иисуса Христа. Я только потому так опечалился, что прежде не думал о Господе, но теперь уж я о Нем не забуду. Знаешь что, попроси-ка дедушку, чтобы завтра он навестил меня: нам нужно поговорить с ним об одном важном деле, — добавил священник на прощание.

Было темно, когда Палко вернулся. Дедушка с Лессингом уже искали его. Он рассказал им, куда ходил, и его не стали ругать. Он чувствовал себя усталым и сразу лег спать.

— Что это священнику от меня понадобилось? — размышлял Юрига. — Как ты думаешь, Мартин?

— По-моему, он хочет уговорить вас отпустить Палко к нему, — мрачно ответил Лессинг. — Такие господа вечно что-

нибудь выдумывают. Палко мне говорил, что священник взял с него слово после вашей смерти пойти на службу только к нему. Может быть, он хочет вас спросить, не согласитесь ли вы отпустить его еще при жизни, поскольку другого такого мальчика ему не найти. Но я вас очень прошу ни за что на это не соглашаться. Правда, Палко мне чужой, но я не представляю, как буду жить без него. Кажется, я не смог бы своего пропавшего ребенка полюбить сильнее, чем его.

— Не беспокойся, — ответил Юрига со слезами на глазах, — этого я не позволю. Что я сам без него стану делать? Часто мне кажется, что именно он приведет меня к Господу. И это будет мне наградой за то, что я его приютил.

Лессинг уже собирался расспросить Юригу о том, что ему рассказал Палко по дороге в село. Дома он часто об этом думал, а, вернувшись, забыл. Но тут проснулись его жена и мальчик.

— Пойдем спать, — шепнул Юрига, — не будем их беспокоить.

Глава 14

Мишко

На другой день рано утром Юрига отправился в путь. У него были в селе и другие дела. Но сначала он решил зайти к священнику. Он хотел раз и навсегда отговорить его от мысли забрать Палко.

В передней его встретила заплаканная служанка. На вопрос Юриги, что случилось, она ответила:

— Прошлой ночью пан священник тяжело заболел.

— Что ты говоришь?! Только вчера мой мальчик был у него!

— Значит, Палко ваш мальчик? Святой отец его очень любит. Еще вчера он провожал его до подножия горы. Когда я встретила его потом в саду, он сказал, что просил вас прийти к нему сегодня, и велел сразу провести к нему. Но теперь я не знаю, сможет ли он принять вас, надо спросить. Только сейчас от него ушел доктор.

— А что с ним случилось? — спросил удивленный Юрига.

— Ночью у него пошла горлом кровь. Его бедная тетя плачет. Она говорит, это их наследственная болезнь. Все его братья и сестры, за исключением самой старшей, уже умерли — свое заболевание они унаследовали от матери.

Юрига ждал в прихожей, пока его смогут принять. Наконец пришла служанка и сказала, что священник хочет поговорить с ним, но попросила долго не задерживаться.

«Чего же он от меня хочет, если даже в такое время приглашает к себе?» — думал Юрига, стоя у постели больного.

— Хорошо, что вы пришли, — слабым голосом произнес священник (речь явно давалась ему с трудом). — Палко рас-

сказал мне, что его нашла дочь Рацги и что жена Лессинга ищет своего пропавшего мальчика. Спросите Лессинга, когда он потерял ребенка, и расскажите ему все, что вы знаете о Палко. Я думаю, он и есть сын Лессинга. Не заставляйте бедную женщину и дальше страдать.

Священник замолчал на мгновение. Он тяжело дышал и устало закрыл глаза. Но потом заговорил снова:

— Это все, что я хотел вам сказать, больше не могу. Как видите, я тяжело болен. Если Господь мне не поможет, то скоро наступит конец. Разрешите Палко пожить у меня. Мы друг друга горячо любим, ведь он привел меня к Господу. Вчера, когда он пришел, мне сразу стало легче. Вы еще успеете им нарадоваться, разрешите мне побыть с ним хотя бы перед смертью!

— Я немедленно пошлю его к вам, пан священник, — промолвил Юрига, с трудом сдерживая слезы.

Он покинул дом пана Малины словно пораженный внезапной слепотой. Старик не замечал, что люди кланяются ему и с удивлением смотрят вслед. Перед глазами он видел только бледное, искаженное болью лицо и слышал ласковый умоляющий голос: «Разрешите мне побыть с ним хотя бы перед смертью!»

«Несмотря на свою болезнь, он еще заботится о Палко и о нас, — думал Юрига, подходя к горе. — Значит, им двигало желание помочь нам, и особенно Лессингу. Надо же, он едва мог говорить от слабости и все же пригласил меня, а мы не хотели разрешить мальчику побыть у него!»

«Как же это я сразу не догадался, когда Лессинг рассказывал о дальних горах, что речь идет о Палко! — продолжал думать Юрига. — Я-то считал, будто они потеряли своего мальчика в этом или в прошлом году. Почему же я никогда не говорил ему, что Палко мне не внук? И Мартин ведь спрашивал, чей сын этот парнишка: кого-то из моих сыновей или одной из дочек... Если бы священник до этого не додумался, мне бы такое никогда не пришло в голову. Значит, Бог не напрасно устроил нашу встречу! Сегодня же Лессинг должен узнать, что

он не погубил своего сына. Как часто я ломал голову, думая, кого мне напоминает эта несчастная женщина... Да мальчик похож на нее как две капли воды!»

Дорога домой показалась Юриге необычайно короткой. От радостной вести, которую он нес Лессингу, старик чувствовал себя помолодевшим.

«Но как же я расскажу ему об этом?» — переживал он, приближаясь к хижине. Там было тихо. «Мальчик с Евой, наверное, ушел собирать грибы... — подумал он. — С Евой? Да ведь это его родная мать!»

Хорошо, что он не застал ее, а то не обошлось бы без слез.

Лессинг что-то мастерил рядом с домом.

— Уже вернулись? — спросил он. — Ну, чего же хотел от вас священник?

— Послушай, — ответил Юрига дрожащим голосом, — этому человеку тебе нужно низко поклониться. Я нашел его тяжело больным: ночью у него пошла горлом кровь. Он сказал мне, что Палко привел его к Господу и что мы еще успеем им нарадоваться. И попросил, чтобы мы разрешили мальчику побыть у него хотя бы перед смертью. Да, сынок, я исполню его просьбу. Мы ему очень, очень многим обязаны, и я даже не знаю, сможем ли мы когда-нибудь его отблагодарить.

— И это все за те несчастные десять крон, которые он вам подарил? — недовольно пробурчал Лессинг.

— Не говори так... Отложи-ка на минутку работу. Я хочу кое о чем тебя спросить.

С недоверчивым и обиженным видом Лессинг послушался. Он отложил в сторону топор и сел рядом с Юригой на траву. Что это ему пришло в голову сегодня бездельничать?

Павел тем временем так странно смотрел на Лессинга, что тот уже хотел спросить старика, зачем он на него уставился.

— Мартин, в каком году пропал твой ребенок?

Лессинг вздрогнул. Он не ожидал, что будет затронута эта больная тема.

— А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Да так просто. Я вот думаю о том, что твоя жена ищет здесь в горах своего ребенка... Но узнала бы она его, если б теперь встретила?

— Нет, как она может его узнать! — забыв про все остальное, воскликнул Лессинг дрогнувшим голосом. — Ведь она ищет того маленького полуторагодовалого мальчика в рубашонке. А теперь ему должно быть около девяти лет.

Юрига помолчал некоторое время, потом продолжил.

— Однажды ты спрашивал, чей Палко сын: моего сына или моей дочери? Тогда наш разговор прервали, а теперь я расскажу тебе, как попал ко мне этот мальчик.

И Юрига поведал о странной судьбе Палко, о том, как Анна Рацга нашла красивого маленького мальчика, босого и в одной рубашонке. Он видел, что волнение овладевало Лессингом все больше и больше, но не дал ему прервать свой рассказ.

Когда он закончил, Лессинг вскочил на ноги и схватил старика за руку.

— А почему вы мне теперь говорите об этом? — вымолвил он хриплым дрожащим голосом.

— И ты еще спрашиваешь? Неужели ты еще не догадываешься, кто твой сын и где ты должен искать его?

— Палко? Да это невозможно! — воскликнул Лессинг. Он плакал и смеялся одновременно, будто потерял рассудок.

Юрига некоторое время молча смотрел на него. Потом снял шляпу, попросил Бога послать Лессингу сил и отправился искать мальчика. Старик вспомнил о священнике и о том, что обещание, данное умирающему, нельзя нарушить. Увидев Дуная, он обрадовался: значит, Палко с Евой недалеко. И Павел не ошибся.

— Послушай, милая, — обратился он ласково к молодой женщине, — оставь пока свои травы. Лучше приготовь нам что-нибудь поесть: Палко нужно идти в село.

Они оба послушались, и не прошло и получаса, как Палко был готов исполнить поручение дедушки.

— Дедушка, а вы были у священника? — робко спросил мальчик.

— Да, малыш. Он тяжело болен и очень скучает по тебе. Я обещал ему на некоторое время отпустить тебя. Нам придется обойтись самим.

— О, дорогой дедушка! — радостно воскликнул мальчик и обнял старика. Тот тоже прижал его к груди.

— Ну теперь иди и ухаживай за паном священником как можно лучше!

Мальчик уже собрался уходить, но тут ему преградила дорогу Ева.

— Куда ты уходишь? Куда вы его посылаете? — испуганно спросила она.

— Пусти его, он скоро вернется! — ответил Юрига.

— Палко, ты меня покидаешь?

— Нет, тетя Ева, нет! — воскликнул мальчик, и слезы заблестели у него в глазах.

— И вчера ты куда-то уходил. Я так боюсь, что ты больше не вернешься, как мой Мишко.

— Я вернусь! Только один раз разрешите мне сходить к священнику, ведь я ему очень нужен. А потом я навсегда останусь у вас.

— Ну беги, Палко, — крикнул Юрига, который не мог равнодушно смотреть на внутреннюю борьбу мальчика, отражавшуюся на его лице.

Старик не хотел, чтобы Лессинг, вернувшись, застал здесь Палко. Сначала ему необходимо свыкнуться с мыслью, что его сын жив и что это как раз тот, кого он так горячо любит.

Мальчик поспешно удалился.

— А теперь, дочь моя, приготовь обед мужу, он скоро вернется! — попросил Юрига встревоженную Еву.

— Почему вы отослали Палко? — спросила она печально. — Разве вы не знаете, что я не могу без него жить?

— А зачем держать мальчика здесь, ведь ты все равно его не любишь?

— Я его не люблю? Кто вам это сказал? — воскликнула она.

— Если бы ты его любила, то перестала бы искать своего Мишко!

— Отдайте мне Палко! — стала вдруг она упрашивать Юригу.

— Я отдам тебе Палко, но с условием, что ты примешь его на место своего Мишко — он пропал безвозвратно. А если я отдам тебе Палко, ты прекратишь бесполезные поиски Мишко?

— Да, Павел, — немного подумав, согласилась она. — Пока Палко у меня, я почти не тоскую и не плачу по Мишко.

— А вот и Мартин! Ступай, накорми его.

«Бедный человек», — подумал Юрига, глядя на его бледное лицо и заплаканные глаза.

— Мартин! — крикнула ему жена. — Павел отдает нам своего Палко! Но теперь он послал его по делу.

Лессинг обнял жену и прижал к груди.

— Это хорошо, Ева, что он отправил Палко, но когда он вернется, мы его больше никуда не отпустим. А тому челове-

ку, к которому он пошел, мы обязаны столь многим, что не в силах и отплатить. Пусть же это сделает за нас Палко.

Когда Ева пошла за водой, мужчины обнялись.

— Поскольку Рацга умер, позвольте мне хоть вас отблагодарить за все то добро, что вы сделали для моего мальчика, да и для меня, несчастного. И спасибо, что отослали его из дома. Наверное, я не скоро привыкну к мысли о том, что это мой сын, перед которым я так виноват...

Глава 15

С пустыми руками, но...

Мечта мальчика исполнилась: он снова гостил у своего любимого священника. Однако теперь все было иначе, чем раньше. Они больше не гуляли по горным тропинкам и не лазали по скалам. В первые дни они даже не могли поговорить, и все же Палко очень радовался и благодарил Господа Иисуса и дедушку за возможность сидеть у постели священника. Сначала доктор даже хотел выслать мальчика из комнаты больного, полагая, что он будет только нарушать его покой. Но пан Малина сказал на это:

— Оставьте Палко — это мой маленький друг. Скажите, что нужно делать, и он все исполнит. Остальные шумят, а его почти не слышно.

Так он смог остаться. И позже доктор убедился, что это действительно хорошо.

Палко и вправду делал все. Да и обязанностей было не так уж много: время от времени подать кусочек льда, открыть или закрыть окно. А если нужно было сделать что-то более трудное, он шел на кухню и просил помочь.

Охотнее всего он сидел у постели больного. Когда мальчик чувствовал, что боль усиливается, он складывал свои маленькие руки и просил Господа помочь его другу.

Священник тоже много молился о том, чтобы Господь исцелил его и он мог бы еще послужить Ему.

— Но почему же Господь не отвечает? — недоумевал Палко. — Ведь Он слышит наши молитвы, в этом я твердо уверен!

Священник попросил мальчика почитать ему Священное Писание. Это были странные слова...

— Я строил на зыбком основании, из дерева, сена и соломы, — тихо говорил он, — все это сгорит. Как бесполезно прошла моя жизнь! Я занимался напрасным трудом. Сам-то я теперь спасен, но словно из огня, как обгорелая головешка [1]. Не ожидает меня там ни награда, ни венец. О, если бы мне дали возможность еще жить и работать! Если я теперь умру, что Господь сделает со мной, негодным рабом?

Больной закрыл глаза, и две крупные слезы покатились по его горящим щекам.

И у мальчика на глазах показались слезы.

«Словно из огня... Он спасен, но словно из огня. Да, эта тяжелая болезнь — огонь, ужасный огонь!» — размышлял мальчик.

— Ах, Палко, я чувствую себя совсем слабым, — сказал священник однажды вечером.

У него снова пошла горлом кровь. Врач оставался у его постели всю ночь. Утром больной был бледен, как полотно, и совсем ослаб. Но когда мальчик подошел к его постели, он приветливо улыбнулся ему.

— Не грусти из-за меня, малыш! Мне уже стало легче. Я больше не чувствую боли, и в боку не колет, так что я могу говорить.

— У вас больше ничего не болит? Значит, Господь услышал наши молитвы, и теперь все будет хорошо.

— Да, Палко, Он нас слышит. Прошлой ночью моей жизни угрожала опасность, но теперь мне стало лучше. Сегодня утром через Свое Слово Он сказал мне нечто чудесное. Прочти из Второго послания Тимофею, четвертая глава, восьмой

---

[1] Священник пересказывает отрывок из письма апостола Павла христианам города Коринфа (Первое послание коринфянам 3:10–15) о строительстве дома из разных материалов. Говоря об этом, апостол имеет в виду добросовестность или, наоборот, неосновательность тех или иных христианских учителей.

стих: «А теперь меня дожидается приз — венок праведности, который вручит мне Господь в тот День, а Он праведный Судья. И Он вручит его не только мне, но и всем, кто с любовью дожидается Его возвращения». Я думаю, что венок праведности как милосердная награда ради Христа даруется всем тем, кто любил Господа и верно служил Ему. Если бы Он исцелил меня, я бы с готовностью служил Ему. Так уж меня воспитали, что я искал спасения в делах. Но теперь, если Господу угодно призвать меня, я не хотел бы предстать перед Ним с пустыми руками.

Священник говорил совсем тихо, и Палко пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать.

Потом он попросил мальчика прочитать ему вслух из шестьдесят первого Псалма первые восемь стихов.

— «Только в Боге успокаивается душа моя: от Него спасение мое», — повторял он тихо. — «Только Он — твердыня моя и спасение мое, убежище мое: не поколеблюсь более»[1]. О, как это хорошо, Палко! С Ним я смогу устоять.

Начиная с этого дня все увещевания врача были напрасны. Никто не мог отговорить пана Малину принимать у себя прихожан и беседовать с ними. Весть об этом передавалась от одного к другому, и иногда за день приходило до десяти человек.

— Вы сами убьете себя, если будете говорить так много, — слышал Палко предостережения доктора.

— Скажите мне правду, сколько еще я смогу прожить, не разговаривая ни с кем? — Священник схватил доктора за руку.

— Этого я точно сказать не могу, — ответил тот уклончиво.

— Может быть, несколько недель, если соблюдать осторожность?

— Да, а в противном случае только несколько дней.

— Да будет воля Божья! Тем более я должен приготовиться.

Это были важные минуты для всех окружающих, и они навсегда запомнили их.

---

[1] Псалтирь 61:2–3.

— Молись, Палко, чтобы Господь дал мне силы указать им правильный путь к вечной жизни, — несколько раз повторял он мальчику.

Палко молился, и Господь чудесным образом помогал Своему умирающему слуге.

— Мне, вашему умирающему пастырю, вы можете верить: вам не обрести вечной жизни благодаря праведным делам, и святые угодники не помогут вам попасть на небо! Христос спас вас, умерев на Голгофе! Он — Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира! Мои грехи Он уже снял с меня, снимет и ваши, если вы обратитесь к Нему!

Так священник наставлял народ.

На следующей неделе пришла большая партия Библий, которые он раздал всем желающим.

— Не позволяйте никому отнять их у вас! — говорил он. — Это вечное Слово живого Бога. Читайте эту книгу строчка за строчкой, верьте ей и живите по ней! И Бог укажет вам путь к вечной славе, как Он указал его мне. Я принял Иисуса в свое сердце. Я умираю еще молодым, но все же... Если бы вы знали, как я счастлив!

Это было очевидно каждому, и люди удивлялись, поскольку никто из них никогда не видел такого счастливого умирающего.

Но лучше всех это понимал Палко. Когда они оставались одни, он тихо садился у постели больного, и тот даже во сне держал руку мальчика в своей. Он молчал, но его лицо сияло неземным счастьем.

— Палко, я даже не могу осознать, что скоро увижу Того, Которого мы, не видя, так возлюбили!

— Если бы я мог уйти вместе с вами! — вздохнул мальчик.

— Нет, служи Ему на земле столько, сколько Он дозволит! Как бы я был счастлив, если бы мог посвятить Ему всю мою жизнь! В свое время ты последуешь за мной и тогда расскажешь мне, читали ли эти люди Божье Слово и приняли ли они его. Но теперь сохраняй верность нашему Господу до конца!

Глава 16

Торжественный момент

Уже вторую неделю Палко находился у своего дорогого друга. Тем временем его сестра приехала, чтобы ухаживать за братом. Вместе с ней прибыл новый священник, которого прислали заменить заболевшего.

— Поскольку теперь я уже не один, отправляйся, дитя мое, немного подышать родным горным воздухом и проведать своих, — сказал священник Палко. — Но в понедельник приходи снова. Передай поклон всем в доме лесничего, а также твоему дедушке. Передай привет нашим горам, которых я уже больше никогда не увижу своими телесными глазами. А если посетишь свою Страну солнца, то подумай о Вратах Неба и о том, что скоро я войду через них в настоящую Страну солнца, которая находится там, за облаками.

Все присутствующие заплакали, услышав эти слова, не плакал только Палко.

Но тем сильнее плакал он потом, когда шагал по скошенной поляне к тому месту, где они впервые встретились и где он рассказал священнику о Библии.

Как печально, что его дорогой друг больше никогда не придет сюда, и он не сможет сесть здесь у его ног! Как мрачно и печально было сегодня в горах! Коса срéзала все цветочки, и ни один из них больше не радовал глаз. Птицы умолкли, исчезли бабочки, порхавшие с цветка на цветок.

Даже солнце скрылось за темными тучами. Снова приближалась гроза, но Палко этого не замечал. Он шел и плакал.

Неожиданно мальчик увидел, что почти там же, где раньше, только немного выше, появилась радуга, действительно очень похожая на врата. Он поднял полные слез глаза к этим вратам. Как же они прекрасны! И как хорошо должно быть по ту сторону!..

Палко чувствовал, что когда эти ворота закроются за его дорогим священником, он больше никогда не вернется. Тогда он будет там, у Господа Иисуса. Да, Он примет его к Себе, чтобы Его слуга был с Ним и видел всю Его славу, как они читали об этом вчера в Евангелии от Иоанна [1].

— О дорогой Иисус, возьми и меня к Себе! — молился мальчик, прижимая сложенные в молитве руки к груди. — Что же я буду делать здесь один, когда он уйдет? Дедушка уже стар, и если он умрет, как умер дедушка Рацга, к кому я пойду? Меня обещал взять к себе священник, но куда мне идти теперь? Поверь мне, дорогой Спаситель, я не хочу оставаться здесь, если он умрет. Что будет с другими, мне не интересно, меня же больше ничто не радует. И если теперь я что-то узна́ю из священной книги, кому я это расскажу? Он теперь обо всем сможет спросить у Тебя Самого, и Ты объяснишь ему, но кто объяснит мне, если его больше не будет?

Над головой покинутого ребенка сверкала молния и гремел гром.

Когда-то священник рассказал мальчику о пророке Илии, которого Господь так сильно любил, что послал за ним с неба огненную колесницу и огненных коней — чтобы привезти к Себе [2]. Палко казалось, будто он слышит стук колес и Врата Неба уже открываются для колесницы, отправленной за его дорогим священником. Но потом показалось солнце, ворота стали исчезать, и скоро всю Страну солнца залили лучи настоящего светила. Только из небольшой тучки еще сыпались редкие капли дождя.

---

[1] Евангелие от Иоанна 17:22–24.

[2] Книга царств 2:11.

На мальчике был новый костюм, который он носил в доме священника, и чтобы укрыться от дождя, он бросился к пещере. Добежав до нее, он увидел, что там ходит какой-то незнакомый человек, никогда прежде ему не встречавшийся. Казалось, он что-то ищет.

Палко на время забыл о своем горе, так его все это заинтересовало.

— Что вы здесь ищете, дядя? — спросил Палко.

Незнакомец быстро обернулся. Палко поздоровался, и мужчина дружелюбно ответил на его приветствие.

— Ты спрашиваешь, что я ищу? Ты не знаешь, кто бывает в этой пещере?

— Кто здесь бывает? — переспросил Палко с удивлением. — Однажды здесь побывал дядя Лессинг, потом раза три наш священник, но он больше никогда не придет сюда, — добавил он печально. — И еще я — это моя пещера.

— Твоя пещера? — с улыбкой спросил незнакомец.

Палко рассмотрел его внимательнее. Это был молодой человек в одежде мастерового.

— С каких же пор эта пещера твоя, и кто тебе ее дал?

Какое-то время мальчик, смутившись, молчал, но потом поднял белокурую голову и сказал:

— В священной книге написано: «...все ваше»[1]. Священник сказал: это означает, что Бог весь мир отдал людям. Я выпросил у Него эту пещеру, и Он мне ее отдал.

— Ты, я вижу, умный мальчик, — засмеялся молодой человек. — Четыре года тому назад мы с моим хозяином тоже жили в этой пещере около четырех недель, но не догадались выпросить ее у Бога.

— Вы жили здесь? — удивился Палко. — И что вы здесь делали?

— Мой хозяин заболел, и врачи отправили его в горы. К тому же он хотел быть наедине со своим Богом. С собой он

---

[1] Первое послание коринфянам 3:21–22.

взял меня (я в то время последний год ходил в учениках у одного из его друзей), и мы поселились здесь. О нас тут никто не знал, поскольку мы никогда не разводили огня. Питались мы молоком, хлебом и фруктами, а продукты приносили из окрестных деревень. И жилось нам очень даже неплохо. Моему хозяину с каждым днем становилось все лучше. Я думаю, если бы ему не пришлось вернуться обратно в город к своим книгам, он жил бы и сегодня. Но теперь он уже в сырой земле.

Я теперь — мастеровой, хочу немного свет повидать. По пути зашел сюда, чтобы узнать, что случилось с той книгой, которую мой хозяин оставил на столе перед уходом. Но ее здесь больше нет. Значит, кто-то нашел книгу и унес с собой. Наверное, он читал ее строчка за строчкой, как было написано на первой странице.

У мальчика вся кровь прилила к голове.

— Да вот она! — сказал он, вытаскивая книгу из-за пазухи. — Значит, ваш хозяин оставил ее здесь специально?

— Покажи-ка... Да какая она потертая! Ты, наверное, нашел ее здесь?

Они присели у входа, и Палко стал рассказывать.

— Видите, мы читали ее строчка за строчкой, стали через это верующими в Господа Иисуса Христа и нашли путь в настоящую Страну солнца. Не правда ли, ваш хозяин тоже знал этот путь?

— Да, он знал его, как редко кто знает, — вздохнул юноша.

— И он умер? Наверное, он тоже покинул вас на огненной колеснице и теперь уже видит Иисуса и ту чудесную Страну солнца. И если священник теперь умрет, они там встретятся. Я попрошу его передать вашему хозяину от меня привет и огромную благодарность за то, что он оставил эту книгу и научил, как ее читать.

Незнакомец незаметно смахнул слезу.

— Не правда ли, и вы знаете этот путь? — спросил Палко.

— Я? Нет, мой мальчик! Если бы я послушался его, как ты, — мой хозяин и мне подарил такую книжку, — тогда я нашел бы этот путь. Но я перестал ее читать, — ответил молодой человек.

— Как же вы могли? — спросил удивленный Палко. — Но теперь вы жалеете об этом, правда? И теперь вы снова начнете искать этот путь? Подумайте только, что случилось бы с вашим хозяином и что делал бы сейчас мой дорогой священник, если бы они не открыли пути, ведущего к Иисусу! А теперь я должен идти к дедушке. Я попрошу дядю Лишку, чтобы он пустил вас переночевать. Тогда вы сможете всем нам рассказать о своем хозяине. Дедушка и дядя Лишка часто ломали голову, кто бы мог оставить эту книгу в пещере. Верно там написано: не бывает ничего тайного, что не стало бы явным [1].

— Мой хозяин как-то сказал, что Сам Бог говорит о Своем Слове: «...слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его»[2], — ответил юноша, задумавшись.

Так беседуя, они пришли к хижине и прошли бы мимо нее, если бы Дунай с радостным лаем не выбежал навстречу своему маленькому повелителю.

— Хорошо, Дунай! Я ведь знаю, что ты меня любишь. Я тебя тоже люблю. Но перестань прыгать, ты запачкаешь мой костюм. Ты, видно, никогда не изменишься.

---

[1] Евангелие от Марка 4:22; Евангелие от Луки 8:17.

[2] Исаия 55:11.

Дунай послушался и побежал в хижину, словно желая доложить хозяйке о приходе Палко. Какая это была радость!

И мальчик стал веселее, видя, с какой любовью его встретили.

Лессинг ушел; в хижине были только дедушка, дядя Лишка и тетя Ева. Мужчины очень удивились, узнав, кого встретил Палко в Стране солнца.

Жена Мартина предложила гостю ужин, а Лишка — ночлег. И парню пришлось поведать, как они жили со своим хозяином, кем он был — одним словом, все, что он знал про этого человека. Рассказ очень взволновал присутствующих. Найденная в пещере книга стала им еще дороже.

Когда на столе уже появился ужин, Юрига вдруг сказал:

— Палко, у дяди Лессинга, наверное, очень много вещей. Сбегай к хижине Лишки и помоги хотя бы топор донести.

Мальчик тотчас вскочил. Он готов был делать все, о чем ни попросит его дедушка, поскольку сегодня тот относился к нему особенно приветливо. И не только дедушка, но и дядя Лишка вел себя ласково. Палко не мог найти объяснения происходящему, но ему стало весело. Он чувствовал, что все-таки не один, даже если священник умрет.

Дедушка попросил незнакомца, когда вернется Лессинг, рассказать и ему о своем хозяине.

— Да, Палко, пойди-ка встреть его, — сказал и Лишка и тайком вытер слезы.

Мальчик отправился к хижине Лишки. Но не успел он пройти и половины пути, как увидел Лессинга, идущего ему навстречу. Казалось, он был погружен в глубокие раздумья.

— Добрый вечер, — поздоровался мальчик.

— Палко, ты уже вернулся! — воскликнул Лессинг, и топор выпал у него из рук.

— Да, я здесь, — и мальчик положил свою руку в большую мозолистую ладонь Лессинга.

— Я хотел вам помочь нести вещи, но у вас ничего нет.

— У меня тяжелая поклажа, я оставил ее в хижине Лишки. — Лессинг держал мальчика за руку, и так они пошли вперед.

— Дядя Лессинг, — начал мальчик, которому от молчания Лессинга стало как-то не по себе, — что с вами? Вы больны, или у вас какое-то горе?

— А почему ты так думаешь?

— Потому что вы все молчите. Не сердитесь на меня, но вы сегодня такой странный. И остальные ведут себя необычно.

— Знаешь что, Палко, — ответил Лессинг, присаживаясь на обросший мхом выступ скалы, — посидим здесь немного, я устал. Я расскажу тебе, что случилось со всеми нами, пока тебя не было дома.

Голос его задрожал.

— С вами что-то случилось? Я сразу об этом подумал.

— Да, дитя мое, случилось. Что ты скажешь на это — я нашел, наконец, своего Мишко!

— Да? Что вы говорите! — радостно воскликнул пораженный Палко. — Где? Когда? Пожалуйста, расскажите мне, как это произошло! — попросил он.

Лессинг еле смог сдержаться, охотнее всего он обнял бы мальчика и прижал его к груди. Но он лишь тяжело вздохнул.

— Да, я хочу изложить тебе все по порядку. Видишь ли, если бы ты не рассказал священнику о том, как Анна Рацга нашла тебя, и о том, что моя жена ищет своего сына, я б до сих пор не знал, где мой бедный мальчик. Тебе ведь известно, что священник пригласил нашего дедушку к себе. Тогда-то он ему все рассказал, а Павел передал мне, и я, после семилетних поисков, нашел наконец своего Мишко. Но ты прав, тебе следует узнать, как я его потерял.

Палко охотнее всего не слушал бы столь печальный рассказ. Дядя Мартин рассказывал о себе такие ужасные вещи и выглядел очень унылым. Бедная тетя Ева! Вот почему она была больна: бедняжка лишилась рассудка от ужасного горя. А по-

том история показалась ему очень знакомой: какая-то тетя нашла Мишко в горах и приняла к себе. «Точь-в-точь, как случилось со мной», — подумал он. И тот мальчик перешел от одного дедушки к другому. Добрые люди приютили его из милости. Вдруг Лессинг замолчал, как бы не зная, что рассказывать дальше.

— Дядя Мартин, а ваш мальчик все еще находится у второго дедушки? — спросил наконец мальчик.

— Да, Палко, — ответил Лессинг, тяжело вздыхая.

— А почему вы не берете его к себе, чтобы бедная тетя Ева перестала его искать?

— Палко, я не знаю, захочет ли он принять меня после того, как я причинил ему столько зла. Хотя теперь я, конечно, не сделаю ему ничего плохого — с тех пор я больше не выпил ни капли водки. Здесь, в горах, я обрел Иисуса Христа, и Он простил мне все, как тому мытарю в Храме [1]. Но я еще не загладил своей вины перед сыном. Он знает, что я отнес его далеко в горы, что из-за меня ему пришлось долго скитаться по чужим людям и жить без материнской ласки. Если у меня он почувствует себя несчастным и начнет меня сторониться — что тогда? У дедушки он счастлив: ведь к нему он уже привык. А я для него чужой, хотя и люблю его горячо.

— Не думайте так! — воскликнул Палко, схватив Лессинга за руку. — Возьмите его к себе. Господь Иисус все устроит и поможет вашему Мишко полюбить вас. Мы с тетей Евой так много молились о том, чтобы Он помог нам найти его. Я так и знал, что кто-нибудь приютил вашего мальчика. И раз Господь уже услышал нас, Он и остальное устроит. Не беспокойтесь, дядя Мартин!

[1] Евангелие от Луки 18:10–14.

— А если бы это касалось тебя, Палко? Ты не стал бы меня бояться? — спросил вдруг Лессинг. — Согласился бы ты оставить дедушку и пойти к нам?

Мальчик покраснел, потом тяжело вздохнул и на минутку задумался.

— Ты не стал бы избегать меня, Палко? И мог бы хоть чуточку любить меня? — спрашивал Лессинг, привлекая мальчика к себе.

— Нет, дядя Мартин, я не стал бы избегать вас, ведь я вас люблю.

— Ты любишь меня, Палко, хотя знаешь, какой я нехороший человек?

— Не говорите так, мне больно это слушать, — попросил мальчик и закрыл рукой рот Лессинга. — Однажды я читал священнику вслух Библию, и там в одном месте было сказано: «А такие среди вас были! Но вы омыты, вы освящены, вы оправданы именем Господа Иисуса Христа и Духом Бога нашего!»[1] Пан Малина рассказывал мне, что Господь все простил тому мытарю, который пришел к Нему, и что этот мытарь с того дня стал новым человеком[2].

— Но подумай, Палко, мог бы ты все простить мне, если бы был моим сыном?

— Простить? Что именно? — спросил удивленный мальчик.

— Разве тебе не пришлось из-за моих грехов скитаться по чужим людям без отца и матери?

— Я мог бы простить вам это, дядя Мартин, но...

Мальчик вскочил на ноги и встал перед Лессингом.

— Почему вы все это говорите мне? Разве я ваш сын?

Лессинг закрыл лицо руками и молчал.

— Дядя Мартин, — Палко опустился рядом с ним на колени и прижался к его плечу, — разве я ваш сын?

— Да, малыш, ты мой сын!.. Как же мне тяжело об этом рассказывать!

---

[1] Первое послание коринфянам 6:11.

[2] Евангелие от Луки 19:1–10.

Выговорив наконец эти слова, он вскочил, обнял мальчика и стал целовать его лоб, губы, глаза, щеки.

— Мой сын, мой милый сынок...

— Не плачьте, дядя Мартин! — просил мальчик, прижимаясь к нему. Новые чувства переполняли его юное сердце.

— Не называй меня больше дядей. Я твой отец, твой папа. Дай мне хоть раз услышать это слово, скажи: «Мой папа».

— Папа... Мой дорогой папочка, — произнес мальчик, и горячие слезы потекли по его щекам.

Теперь ему не нужно было беспокоиться о своей дальнейшей судьбе: у него появились свои папа и мама. О, как все же добр Господь Иисус!

Юрига и другие с трудом дождались их. Но когда Мартин с Палко, держась за руки, вошли в хижину, старый Павел понял, что они вернулись как отец и сын, и его старое сердце возликовало от радости.

Молодой незнакомец рассказал внимательным слушателям много хорошего о своем бывшем хозяине. Они, наверное, навсегда запомнят его слова, но и он вряд ли забудет то, что услышал от Лессинга и Юриги о потерянном и вновь найденном ребенке.

— Видишь, Палко, — сказал он радостно, — это как в той сказке, которую ты мне рассказывал: принц тоже нашел в горах и Страну солнца, и своего отца. Так случилось и с тобой.

Глава 17

Чудесный вход в Страну солнца

Осень в этом году наступила необыкновенно рано. Преждевременные заморозки убили последние цветы, умолкли птицы. Ласточки уже улетели в теплые края и унесли с собой лето. Только стаи крикливых ворон кружились над горами, потерявшими свой красивый летний наряд. Некоторые деревья еще сохраняли листву желто-красного цвета, другие стояли совсем голые, а всю землю под деревьями покрывал пестрый ковер из упавших листьев.

Среди этих тихих, одиноких гор шагал маленький Палко Юрига (люди по-прежнему называли мальчика так, хотя уже давно знали его настоящее имя). Когда на прошлой неделе резко похолодало, Палко вместе с остальными перебрался в село. Во время этого переселения дедушка то ли потерял, то ли забыл сверло. Парнишка отправился искать его и скоро нашел.

В горах стояла тишина. Все хижины опустели, вокруг не было видно ни души. Зато зайцы смело скакали среди кустов, и белки прыгали с дерева на дерево.

Но мальчик их не замечал. На его смуглом лице появилось такое серьезное выражение, что он мог бы позировать для картины, изображающей дитя из Тысячелетнего царства мира, — то самое дитя, которое будет пасти волков, львов, барсов, яг-

нят и козлят[1]. Произойдет это во время правления великого Князя мира, Которого станут славить все народы. Под Его владычеством люди перестанут воевать, а свои мечи и копья они перекуют на сохи, чтобы лучше обрабатывать землю. Поскольку эту новую землю больше не оросит человеческая кровь, люди соберут небывалые урожаи, и повсюду будет господствовать Божья воля[2].

О чем же думал Палко? У него было о чем поразмышлять. Мысленно он вновь переживал все события, случившиеся с весны до осени.

Мог ли кто-то предсказать ему, что он обретет родного отца — да такого, что любой мальчик позавидует! И что у него будет дедушка, который перестанет сквернословить и рядом с которым сможет находиться Иисус Христос! Мог ли кто-то предположить, что он найдет и маму, да притом такую добрую, какой не найти на всем свете! Теперь уже ничто не напоминало о ее прежней болезни: Господь услышал их молитвы, и она поправилась.

А на прошлой неделе мальчик познакомился с еще одним очень добрым человеком — своей бабушкой, матерью Мартина. Какая славная бабушка! Снова у него появился тот, кому он мог рассказывать о пути в Страну солнца.

Отец провел дома три недели и все сдал в аренду, а потом, прихватив с собой некоторые домашние вещи, вместе с матерью переселился к дедушке Павлу. Мальчику не пришлось покидать его — все они решили остаться со стариком до конца его дней и ухаживать за ним.

Раньше дедушка сдавал угол квартиранту, но тот купил себе домик, так что у них появилось достаточно места. Они отремонтировали и прибрали старый дом, а бабушка вместе с мамой все основательно вымыли; дом настолько преобразился, что его было трудно узнать. Палко помогал

---

[1] Исаия 11:6.

[2] Здесь говорится о предсказанном в Библии Тысячелетнем царстве мира под владычеством Иисуса Христа.

всем — как мужчинам, так и женщинам. Он был всеобщим любимцем.

Бабушка привезла с собой прялку и долгими зимними вечерами собиралась прясть. Мать же хотела сшить всем одежду, а для сына вышить еще и красивую рубаху. Палко обещал по вечерам и в другое свободное время читать им вслух. Он решил также понемногу учиться ремеслу.

И так хорошо становилось у мальчика на душе при мысли о том, что у него теперь есть отец, который заботится о нем... До чего же добр Господь Иисус!

«Все это сделал Ты, Господи Иисусе! Если бы мы не нашли Тебя, у меня ничего этого не было бы!»

Палко никак не мог понять: как он мог раньше жить без Иисуса Христа? «О чем бы мы теперь рассуждали, если бы у нас не было священной книги?» — думал он.

Вспомнив об этой книге, он ускорил шаги и направился к пещере. Уходя отсюда, Палко оставил там свою книгу. Но потом дедушка сказал ему:

— Напрасно ты это сделал. Зимой ведь в пещеру никто не зайдет. А если Господь даст нам дожить до следующей весны, ты снова сможешь отнести ее туда. И когда кто-нибудь, не знакомый со Словом Божьим, найдет ее там, он получит такое же великое благословение, какое получили мы.

Теперь он вошел в пещеру, взял книгу и, как бы прощаясь, оглянулся вокруг. Тяжело ему было расставаться с любимым местом! Хотя на лужайке уже почти не цвели цветы, все же вокруг было очень красиво. После нескольких мрачных осенних дней сегодня вновь показалось солнце. Мальчику этот уголок стал очень дорог — ведь здесь находились чудесные Врата Неба (сейчас их скрывали облака), которые затворились за его любимым священником.

Самому ему теперь жилось хорошо, однако при мысли о священнике на душе у него возникало странное чувство. Часто ему казалось, что Господь все же услышал молитву Своего раба. Хотя он не поправился, но все же многим успел рассказать о своем Боге, и жизнь его погасла, как светильник на ал-

таре Господнем. В тот памятный понедельник, когда Палко вернулся в дом своего друга, он очень обрадовался, что мальчик нашел родителей.

Священник пригласил к себе родителей Палко, а также дедушку Павла. Пан Малина долго беседовал с ними, и потом они все вместе помолились Богу. Дедушка и поныне не может забыть той молитвы.

— Вы евангелист, а я — католик, — сказал священник, прощаясь. — Но тем, кто принял Его, Он дал право быть Божьими детьми. Они едины во Христе Иисусе, и на небе, куда я теперь иду, не будет никаких различий. Оставайтесь верными Ему, чтобы нам снова увидеться там, наверху.

Во вторник и в среду ему как будто стало лучше: он вставал и даже ходил по комнате. Все радовались этому.

Новый священник помог ему дойти до церкви, и пан Малина помолился там около алтаря. Потом долго беседовал с тем священником на латыни. Было похоже, что он его о чем-то просит. Палко понял смысл беседы лишь тогда, когда его друг заговорил по-словацки:

— Обещай мне, дорогой брат, не отнимать у них то, что я им дал. Именно это научило меня благословенно умереть.

Палко видел, что пан Малина протянул руку, и тогда новый священник преклонил колени для молитвы.

На другой день он снова захотел побыть на свежем воздухе. Погода стояла хорошая, и врач вывел его в сад. Там он сидел в кресле, тепло одетый. На маленьком столике перед ним стоял завтрак. Позже, когда его сестра убирала со стола, священник сказал:

— Теперь Палко может рассказать мне что-нибудь; потом я хочу немного полежать здесь, на свежем воздухе, и подремать.

— Хорошо, дорогой, — ответила сестра и поцеловала его в лоб. — Я пока приберу и проветрю твою комнату да сменю постель.

— Пусть Господь воздаст тебе и твоим детям за эту любовь ко мне! — сказал он, растрогавшись.

Когда они остались одни, священник взял Евангелие и попросил:

— Палко, прочитай мне что-нибудь о нашей Стране солнца!

И мальчик прочел о том удивительном городе, где нет нужды ни в солнце, ни в луне, и о реке воды жизни [1]. Священник объяснил ему прочитанное и, вздохнув, заметил:

— Ах, дорогой Палко! Из всего того, что мы увидим, придя в эту Страну солнца, самым прекрасным будет Тот, Кто сидит на престоле славы — Иисус, Агнец Божий!

Потом он сложил руки и закрыл глаза, как обычно поступал, когда молился. Палко опустился рядом с ним и прижал голову к его коленям. Но поскольку молитва на этот раз продолжалась необыкновенно долго, мальчик поднял глаза. Склонив голову на грудь, больной мирно спал. Он лишь глубоко вздыхал время от времени.

У мальчика на душе сделалось как-то странно: торжественно и печально одновременно. Он едва осмеливался дышать, чтобы не разбудить священника. Вначале его лицо как будто омрачало какое-то горе, но потом на нем заиграла улыбка, словно он видел чудесный сон.

Палко услышал шаги. Подняв голову, он увидел второго священника и дал ему знак подойти поближе.

Тот подошел. Но едва он наклонился над креслом, как испуганно вскрикнул.

Палко не хотел верить, но это была правда: его дорогой друг навсегда ушел в ту страну, о которой они так часто мечтали вместе.

И теперь, вспоминая об этом, мальчик не мог сдержать слез. Все эти события и слова так глубоко врезались в его память, что он никогда уже не сможет их забыть.

— Зачем же я плачу? — сказал он вдруг сам себе. — Ему ведь там хорошо!

---

[1] Откровение 21:10–22:1.

Доктор объяснил, что у него произошло внутреннее кровоизлияние, и смерть наступила мгновенно. Но Палко этому не поверил.

«Господь Иисус пришел и взял его к Себе. Теперь он уже увидел все, о чем мы читали в Библии. И Его Самого, сидящего на престоле Агнца. И того незнакомца, благодаря которому мы получили священную книгу (наверное, он поблагодарил его за меня)». Палко посмотрел на небо. «А что, если бы Господь Иисус пришел, чтобы и меня взять к Себе, и я тоже смог бы отправиться туда, в настоящую Страну солнца?»

ТРИ ДРУГА

Глава 1

У дяди Филиана

Вряд ли найдутся на свете друзья, так искренне любившие друг друга, как эти трое, отданные на воспитание старому пастуху Филиану! Их звали Петр, Андрейка и Фидель.

Отца и мать Петра, одного за другим, унесла лихорадка. После смерти родителей деревенская община отдала сироту в пастухи. Мальчик пас скот, принадлежащий помещикам Гемерским. Приют он нашел у родственника своего дедушки Филиана. В его доме Петр чувствовал себя совершенно счастливым.

Андраша фон Гемерского, а попросту Андрейку, к старому пастуху отправил доктор, свято веривший, что целебный горный воздух, овечье молоко и сыр помогут ребенку выздороветь. Родители Андрейки расстались, едва ему исполнилось два года. Сначала мать заботилась о сыне, но затем отдала его на попечение чужим людям и уехала. Говорили, что бывшая госпожа Гемерская знаменитая певица. Смутные, неясные воспоминания вставали перед мальчиком, когда он думал о своей матери. А однажды к нему приехала яркая красивая женщина и привезла огромную коробку конфет, белогривую лошадку-качалку, маленькую медную трубу и много-много других восхитительных подарков. Потом Андрейке сказали, что это была его мама. Но больше она сына не навещала. И хотя мальчик жил в замке и ни в чем не нуждался, его здоровье с каждым днем ухудшалось. Маленький Андраш таял, словно свечка.

Вот тогда-то доктор и посоветовал отправить Андрейку в горы. К дому пастуха пристроили комнату, из замка принесли роскошную кровать с мягкой постелью, во дворе поставили скамейку, на которой мальчик любил отдыхать.

От ребятишек ни на шаг не отходил веселый молодой пес Фидель. Только поздно вечером, когда Андрейка нырял в теплую постель, а Петр забирался на сеновал, Фидель расставался с детьми... Ведь и ему тоже хотелось поспать.

Филиан, которого дети называли «дядя», был высоким, крепким человеком с обветренным морщинистым лицом, густыми, не тронутыми сединой волосами и неожиданно молодой белоснежной улыбкой. Его черные орлиные глаза зорко и строго смотрели на мир. Когда он хмурился, казалось, что тяжелая грозовая туча повисла над горами... Этой грозы боялись не только мальчики и пастухи, но и бесстрашные пастушеские собаки. Нелегко было рассердить дядю, но если это случалось — горе виновному! Даже Андрейке, сыну владельца замка, не спускал он шалостей. Мальчик не привык слушаться, и старик научил его этому трудному искусству, хотя не кричал на него и не наказывал.

Когда к Филиану привели Андрейку, доктор сказал:

— Мальчику необходимо есть черный хлеб и пить парное молоко, а он любит только сладкое... По утрам пусть умывается холодной водой, хотя ему это и не по душе. Прошу вас, забудьте, что он Гемерский, — речь идет о его здоровье.

— Ничего-ничего, — ответил старый пастух и на его лице, подобно молнии, сверкнула улыбка, — уж с этим несмышленышем я как-нибудь справлюсь.

И он справился. Сначала мальчик робел и не осмеливался возражать Филиану, а теперь... Да Андрейке просто в голову это не могло прийти! Ведь старик стал для него самым близким человеком.

Днем дети были предоставлены сами себе, но когда наступал вечер и Филиан возвращался с пастбища, они садились подле него и все-все ему рассказывали. Фидель клал мохнатую голову на колени хозяина, преданно глядя на него умными глазами и шумно вздыхая. Ведь ему тоже очень хотелось поделиться своими впечатлениями... Пес был задирист, по-щенячьи любознателен и непоседлив. Целыми днями Фидель носился по пастбищам и лесам, играл с Петром и Андрейкой, частенько дрался со старыми собаками Белкой и Цараем.

* * *

Когда дядя узнал, что мальчики собираются спать на сеновале, он удивленно поднял брови. Дети испугались, но старик только попросил Андрейку постелить себе полотняную простыню и укрыться потеплее.

Глава 2

Дьявольский совет

Наступил воскресный полдень. Праздничная тишина царила в светлом, залитом солнцем лесу. По заросшей дороге, держась за руки, быстро и уверенно шли маленькие друзья. Мальчики принарядились: старый пастух не любил, когда нарушали святость воскресенья. Все, кто мог, должны были идти в церковь, хотя до нее и приходилось добираться около двух часов. А вот сам Филиан, как правило, оставался дома: когда-то ему на ногу упало дерево, и с тех пор дядю часто мучили боли. Но сегодня, едва рассвело, он собрался и ушел в церковь... Перед уходом Филиан велел детям выучить наизусть стихи из Евангелия, и теперь, спеша ему навстречу, они экзаменовали друг друга. Вдруг Петр замолчал и дернул Андрейку за рукав, показав на огромное дерево, лежащее поперек лесной тропинки. На нем в глубокой задумчивости, словно какая-то неимоверная тяжесть давила ему на плечи, сидел Филиан.

— Послушай-ка, — тихо сказал Петр. — Думаю, нам лучше уйти. Видишь, дядя чем-то очень расстроен.

Но Андрейка не согласился.

— А вдруг нам удастся его развеселить?

Дети растерянно смотрели на Филиана. Подойти к нему или нет? И тут у них под ногами хрустнула ветка. Вздрогнув, дядя поднял голову.

— Петр, Андрейка! — окликнул он их. — Что вы делаете в лесу?

Мальчики нерешительно приблизились.

— Вас встречаем.

— И зачем же?

Грубоватый голос пастуха звучал сегодня как-то странно.

Дети смущенно переглядывались. Наконец Петр робко сказал:

— Не сердитесь, дядя, но мы за вас беспокоились.

— Что с вами? Вы так печальны... — с нежной заботливостью спросил Андрейка, заглядывая в глаза старику.

Петр испуганно посмотрел на друга, посмевшего задать этот вопрос. А если дядя рассердится?

— Думаешь, я печален? — Филиан ласково погладил прелестную светловолосую головку ребенка.

Андрейка быстро взглянул на него.

— А разве я не прав?

— Что правда, то правда, мой ангел, мне было очень грустно. Какие вы молодцы, что решили встретить своего старого дядю Филиана! Ну ладно, а теперь прочитайте мне по памяти стихи из Евангелия. Вы их выучили?

Мальчики по очереди рассказали притчу о богаче и бедном Лазаре [1].

— Дядя, — спросил Петр, — почему богач не помог Лазарю?

— Потому что у него было каменное сердце. Даже собаки добрее его. Запомните это, мои милые, и не обижайте ни птиц, ни зверей. Не забывайте: они лучше нас. А теперь идемте!

Филиан взял Андрейку за руку, дал Петру песенник, и они пошли домой. Сквозь ветки деревьев просвечивало солнце, пахло клевером. С пастбищ доносилось звяканье колоколь-

---

[1] Евангелие от Луки 16:20–31.

чиков, слышался нетерпеливый лай Белки и Царая, раздавались щемящие звуки флейты, на которой играл молоденький пастушок Стево. Ее грустной песне вторило эхо. Но дядя по-прежнему был угрюм: он остался равнодушен и к чарующей мелодии старой словацкой песни, и к звонким детским голосам.

После ужина Филиан, Петр, Андрейка и Фидель, как обычно, сидели перед хижиной. Мальчики не решались прервать горькое молчание своего старшего друга, хотя им очень хотелось услышать что-нибудь интересное. Старый пастух знал немало занимательных историй, и когда у него было хорошее настроение, с удовольствием их рассказывал. Первым не выдержал Андрейка.

— Дядя, пожалуйста, расскажите нам что-нибудь! — попросил он несмело. Его большие глаза смотрели на Филиана с настойчивой мольбой.

Старик, точно пробуждаясь от долгого мучительного сна, вздрогнул.

— Сегодня днем, в лесу, вы спросили, почему я грущу, — неспешно начал он свой рассказ. — Это очень печальная история, мои милые. Ни днем ни ночью не дает она мне покоя...

— Расскажите, дядя, — горячо попросили ребятишки, а Фидель, который во всем должен был принимать участие, умоляюще положил свою лобастую голову на колени хозяина.

— Ну хорошо, мои славные, я расскажу вам то, о чем всегда молчал, — сказал тихо Филиан. — Моя мать умерла, когда мне было пять лет. Отец погоревал с год, а потом привел в дом другую женщину — миловидную молодую вдову с маленьким сыном Иштваном. И вот что странно, Андрейка, как посмотрю на тебя — будто его вижу. Сколько лет прошло, а как живой

стоит он предо мной: красивый милый мальчик в круглой шапочке, словацком плаще, рубашке с разноцветным узором и широких штанишках. А надо вам сказать, дети, что мои старшие братья и сестры умерли в младенчестве. Один я остался у отца с матерью. И когда появился Иштван, стал он мне вместо брата. И любил же я его!.. Даже родные братья не могут так любить друг друга! Мы были ровесниками, на этом наше сходство кончалось. Я сильный, он — слабый; я озорной, он — кроткий; я некрасив, он хорош собой. Но вопреки всему, мы искренне привязались друг к другу. Родители не могли нарадоваться на нас. Они не боялись оставлять Иштвана со мной, зная, что я о нем позабочусь, и охотно позволяли ему присматривать за мной. О, если бы это продолжалось вечно! — голос старика задрожал, но, справившись со своим волнением, он продолжил: — Недаром в народе говорят: где черт не сладит, туда бабу пошлет. Так и случилось. Однажды к нам в дом пришла родственница отца, твоя прабабушка, Петр. Отозвав меня в сторонку, она жадно начала расспрашивать: любит ли меня мать, ласков ли отец, не обижает ли Иштван. Выслушав, старуха запричитала, заохала, назвала меня бедным сиротинкой. «Что ж, милок, — ехидно сказала она, — коли появилась мачеха, родной отец становится отчимом». А потом добавила, что отец любит меня меньше Иштвана. Недолго погостила у нас эта женщина. Ушла так же внезапно, как и появилась... Но с ее уходом исчезла и моя любовь к брату. Похитила ее старая ведьма.

Я уже говорил вам, что был непоседлив и проказлив. Бедный мой отец, ему часто приходилось меня наказывать. Иштван же все понимал с полуслова. Тихий, исполнительный мальчик. О каких наказаниях могла идти речь? Но я не хотел ничего знать... Постоянно вспоминал слова старухи: «Неужели ты не понимаешь, глупенький, отец его не наказывает, потому что любит больше, да и мать за него всегда заступится». А я? Не было никого, кто мог бы взять меня под свою защиту. Хотя мать постоянно за меня молилась. Хорошая, добрая женщина. Но я хотел, чтобы она любила меня еще сильнее, даже силь-

нее, чем родного сына. Мои злоба и зависть росли с каждым годом. Подрастали и мы. И вот Иштван и я стали такими же большими, как вы, Андрейка и Петр. Ну а теперь я расскажу вам о том, что до сих пор терзает меня, что обрекло меня на невыразимую душевную муку.

Филиан помолчал, а потом, словно собравшись с духом, продолжил.

— Видите вон ту гору? — спросил он угрюмо.

Мальчики кивнули в ответ.

— Там, у ее подножия, когда-то стоял наш дом. А теперь посмотрите на этот луг. Он как раз освещен солнцем. Неподалеку от него жили ткачи, которым мы часто сдавали шерсть. К их дому вели две тропинки: одна шла по высоким скалам, другая — через долину. Второй путь был короче, но опаснее: здесь находилось зловонное, гиблое болото, по которому даже местные жители боялись ходить в одиночку. Между кочками, там, где стояла ржавая вода, торчали поросшие мхом валуны. По ним-то и надо было идти. Тот, кто хорошо знал дорогу и обладал ловкостью, хоть и с трудом, но мог перебраться на другой берег.

Ну так вот, однажды родители послали нас к ткачам. Туда мы шли через скалы, как нам и велели, отдали шерсть и весело побежали назад, и тут Иштван протянул мне яблоко, которым угостила его жена ткача. Однако я заметил у него еще одно. Его перед уходом сунула брату мать. В моих же карманах было пусто. Дело в том, что я убежал из дома ни с кем не попрощавшись. Но ведь и жена ткача почему-то ничего мне не дала. Я так разозлился, что бросил яблоко на землю. Мне стало жалко себя, я чуть не заплакал. «Выходит, старуха права, — думал я, — никому я не нужен, никто со мной не считается. Все любят только Иштвана... и так будет всегда». Я с трудом сдерживал клокотавшую во мне злобу. Да, мальчики, верно говорят: ходит по свету дьявол и нашептывает нам, что думать и делать. Правда ли это — не знаю, но в одном уверен точно: он тогда вселился в меня и дал чудовищный совет. Только сатана мог такое внушить.

— Послушай-ка, Иштван, — сказал я, — что-то мне не хочется идти через горы. Долго...

— Но нам строго-настрого запретили приближаться к болоту, — сопротивлялся брат.

И тогда я выдумал, что у меня болит нога, что я поранил палец, уколовшись шипом терна. Сжалившись, Иштван согласился идти через долину. «Родители все поймут и не станут нас ругать», — поразмыслив, сказал он. По мягкой траве, словно по зеленому пушистому ковру, мы быстро добрались до болота. «Ну, Иштван, теперь прыгай с камня на камень!» — бросил я ему и побежал вперед. Он не отставал. И вот наконец последний камень. Я был выше и сильнее, мои длинные ноги благополучно перенесли меня на другой берег. Прекрасно зная, что брату это не по силам, я крикнул, чтобы он шел по кочкам. Послушавшись, Иштван удачно преодолел две из них, но третья ушла у него из-под ног. Испугавшись, он перебрался на камень. «Стой где стоишь! — приказал я. — А я к леснику за помощью». И бросился прочь! Я мчался во весь дух, но... не к сторожке лесника. «Не оставляй меня, я боюсь!» — плача, звал Иштван. Но я не оглядывался... И вдруг раздался душераздирающий вопль: «Мама, мамочка!»

О, этот крик мне не забыть! — горячо воскликнул дядя Филиан. — Я услышу его перед смертью. Он будет преследовать меня даже в вечности. Я был маленьким, но злым мальчиком, а в тот момент — бесчувственным, как камень. «Иштван утонул в болоте, — говорил я себе. — Теперь ему никто не даст яблок, люди будут любить только меня». Подобно Каину, убившему своего брата и скрывавшемуся от Бога [1], я все бежал и бежал... Но вдруг мое сердце пронзила невыразимая, дикая боль; тот же голос, что недавно советовал утопить брата, шептал: «Тебя нельзя идти домой. Что ты скажешь родителям, когда они спросят об Иштване?»

---

[1] Каин был сыном первых людей на земле, Адама и Евы. Из зависти он убил своего брата Авеля (Бытие 4:1–16).

В изнеможении я бросился на землю и отчаянно зарыдал. О, это были огненные слезы! Долго, очень долго я не мог остановиться... Но вот на небе одна за другой зажглись звезды, и тяжелый свинцовый сон сморил меня. На рассвете лес ожил, то тут, то там застучали топоры дровосеков. Меня нашли, посадили на телегу и отвезли домой. Я находился в каком-то странном оцепенении и не сразу вспомнил, что же произошло вчера. Вбежав в дом, я замер на пороге. Комната была залита солнцем. На отцовской кровати...

Филиан не мог продолжать, его душили слезы.

— Дальше, дядя, что же было дальше? — теребили его мальчики.

— На кровати, освещенный лучами солнца, мирно, словно ангелочек, спал наш Иштван. Рядом с ним сидела матушка... Комната закружилась у меня перед глазами, и я потерял сознание. А когда очнулся, рядом были отец и мать.

— Он не утонул?! — ликующе спросили дети.

— Нет. Но слушайте дальше. Как я вам уже говорил, Иштван провалился в болото. Поблизости не было ни души, никто, кроме меня, не слышал криков брата. И тут, откуда ни возьмись, появилась Белка. Эта собака, как ваш Фидель, не отходила от нас ни на шаг. В тот день мы ушли без нее, но она все-таки побежала за нами. Сам Бог послал ее в то мгновение, когда кочка ушла из-под ног Иштвана и он, потеряв равновесие, рухнул в трясину. Верная Белка вытащила его, приволок-

ла на берег и начала отчаянно лаять и выть. На лай прибежал лесник. Он отнес Иштвана к ручью, смыл с него грязь и отвез домой. Ну а утром вернулся я... Родители не могли сдержать радости, увидев меня целым и невредимым. Они полагали, что я утонул. Матушка, вытирая краешком передника слезы, целовала и обнимала меня беспрестанно. Я убедился, что меня любят, но все равно не чувствовал себя счастливым. Уж очень боялся: а вдруг всплывет правда? Милые мои родители, они давно отошли в мир иной и теперь уже все обо мне знают, а я не могу попросить у них прощения... Ну что вам еще рассказать, мальчики? Иштван меня не выдал, и сердце мое покинула ненависть. Я больше не завидовал ему и не ревновал к отцу и к матери. Но как же мне было тяжело! Я знал, что недостоин родительской любви. А на бедную Белку вообще смотреть не мог... Меня грызло раскаяние: собака спасла Иштвана, а я хотел его утопить. Потому-то я всегда и говорю: не причиняйте вреда животным, они лучше людей и не гневят Господа. Надо мной же и поныне тяготеет Его гнев. Ну, голубчики, довольно! Идите спать!

Хотя мальчикам не терпелось о многом расспросить старика, они послушно отправились спать. Но долго еще не смолкали их звонкие голоса. Дети оживленно обсуждали злоключения Иштвана: как он шел по зыбкому болоту, как кочка ушла у него из-под ног, как он чуть не погиб, как его спасла отважная собака.

— А знаешь, Петр, теперь я еще больше жалею дядю, — задумчиво сказал Андрейка. — Милый, добрый дядя Филиан. Его мучают воспоминания. Как же он страдает! Господь сердится на него.

— Интересно, где сейчас Иштван? — перебил его друг. — Он, наверное, такой же старый, как дядя.

— Может быть, дядя Филиан расскажет нам об этом в другой раз.

Глава 3

Новый друг

Всю неделю у Филиана было много работы, и дети по мере сил помогали ему. Во вторник к Андрейке пришел доктор. Мальчик с восторгом сообщил ему, что теперь вместе с Петром спит на сеновале.

— Правильно, мой хороший, тебе это не повредит, — проговорил доктор, устремив на Андрейку пристальный взгляд. — Твой отец — венгр. Он человек знатный. Эти земли принадлежат ему. Но вот твоя мать... Хотя она и родилась в Америке, в ее жилах течет словацкая кровь. Я верю, в один прекрасный день и Татры, и эти горы снова будут словацкими. Ты станешь здесь хозяином. Помни, ты живешь там, где жили твои деды. Учи язык предков и люби родную землю[1]. Нигде на всем свете тебе не будет так хорошо, как в этих горах.

Мальчики не понимали, о чем говорил этот славный человек, но чувствовали, что он желает им добра.

Вечерело. Солнце позолотило верхушки деревьев и уже опускалось за гору. Доктор, которому не хотелось возвращаться домой в темноте, решил переночевать вместе с мальчиками на сеновале. Утром дети пошли его провожать. По дороге Андрейка расспрашивал о своем отце. Он узнал, что господин

[1] В то время Словакия входила в состав Австро-Венгрии, власть в ней принадлежала венгерской аристократии и крупной буржуазии. Государственным языком являлся венгерский, а словацкий было запрещено изучать в школах.

Гемерский в Париже и этим летом, вероятно, не приедет. Мальчик облегченно вздохнул: он боялся, что отец не разрешит ему жить с дядей и Петром. Дойдя до развилки, доктор ласково попрощался с ребятишками и попросил их побыстрее вернуться домой, иначе Филиан будет беспокоиться. Но дети еще долго стояли на дороге и махали ему вслед. Когда доктор исчез за поворотом, они забрались на скалу, надеясь увидеть его оттуда. Но дорога была пуста. Зато по другую сторону скалы Петр и Андрейка заметили необыкновенной красоты долину, а на ней — маленький деревянный домик, стоявший около звонкоголосого горного ручейка. Небольшие окошки, черепичная крыша, яркие ставни... Мальчики пришли в неописуемое восхищение. Стево иногда рассказывал им о ведьмах, которые живут вот в таких сказочных домиках. Перед домиком на солнышке нежился большой белый пес. Будь с детьми глупый Фидель, не обошлось бы без ссоры. Затаив дыхание, Петр и Андрейка смотрели вниз... Вдруг распахнулась дверь и... нет-нет, это была не страшная злобная ведьма, а маленький мальчик, чуть-чуть постарше наших друзей. Увидев его, белый пес запрыгал, словно щенок. Мальчик погладил собаку и засмеялся. А потом они вместе направились прямо к той скале, где стояли Петр и Андрейка. Пес первым заметил их и настороженно замер. Собака была немолодая и умная.

Ребятишки молча смотрели друг на друга. Мальчик, судя по одежде, — короткий плащ, высокие сапоги и круглая шапочка, — был нездешний.

Приветливо поздоровавшись, незнакомец спросил Петра и Андрейку, что они здесь делают. Друзья рассказали, как они провожали доктора, как поднялись в горы и увидели этот ска-

зочный домик. Затем Андрейка, смущаясь и робея, поинтересовался, кто живет в этом удивительном домике.

— Я и мой отец, — ответил мальчик. — Мы приехали сюда из Тренчина [1] неделю назад. У моей мамы умер дядя. Близких родственников у него не было, вот она и унаследовала этот домик. Сначала отец хотел его продать, но вместе с ним родители получили участок хорошего леса. Деревья пригодятся для нашего ремесла. Потому-то отец и решил задержаться здесь ненадолго. Обработает лес и возьмет его с собой.

— Это твоя собака?

— Да, это наш Дунай. Он не хотел оставаться дома, и нам пришлось взять его с собой. Мы ему даже билет на поезд купили.

— Неужели его пустили в купе? — недоверчиво спросил Андрейка.

— Да нет, конечно. Дунай ехал в специальном вагоне. Но ему там совсем не понравилось. Когда мы пришли за ним, он от радости чуть меня не сбил с ног, так ему не терпелось вырваться на свободу. Правда, Дунай?

Пес поднял голову и слабо пошевелил хвостом; казалось он улыбается.

— А у нас тоже есть собака. Правда, совсем молодая, — застенчиво сказал Андрейка.

— Но когда она подрастет, будет такая же большая, — убежденно добавил Петр.

Помолчав, Андрейка спросил:

— А куда вы идете, мальчик?

— Ах, мне очень хочется взобраться на эту скалу и посмотреть, что же там, за ней. В Тренчине, около нашего дома, тоже есть скала. И знаете, когда стоишь наверху, кажется, будто находишься

---

[1] Тренчин — один из самых древних городов Словакии, расположенный на реке Ваг.

в Стране солнца[1]. А иногда, после грозы, на небе появляется алмазная радуга... О, тогда можно подумать, что это небесные врата, которые Иаков видел во сне[2]. Раньше я так и считал. Но теперь знаю: небеса открыты везде. Господь Иисус Христос может прийти к нам всегда. Знаете ли вы о Нем?

— О ком? — изумились друзья.

— О Сыне Божьем, Иисусе Христе!

Мальчики отрицательно покачали головами.

— Не знаете? Ну что ж, тогда я расскажу вам о Нем!

— Пожалуй, у нас в запасе есть еще часик, — быстро произнес Петр, которому новый знакомый пришелся по душе. — Сядем-ка вон там, на вершине скалы.

— Хорошо, мальчики, я расскажу вам, как впервые попал в Страну солнца и какую книгу там нашел, — начал их новый друг. — Она и сейчас у меня. Но давайте сначала познакомимся. Меня зовут Палко, а когда-то звали Мишко. Но это длинная история.

— Я Петр, а это — Андрейка. Между прочим, раньше у него тоже было другое имя, венгерское, но дядя Филиан сказал: «Пока его произнесешь, язык сломаешь». Хотя Андрейка тоже отличное имя!

— Да, имя красивое. Так звали ученика Иисуса Христа, который привел к Нему мальчика с пятью хлебами и двумя рыбами[3]. Об этом тоже говорится в моей книге.

Между тем дети добрались до вершины. Палко сел на большой круглый камень, достал книгу, заботливо обернутую бумагой, и начал читать.

---

[1] Мальчик имеет в виду Новый Иерусалим из книги Откровение Иоанна Богослова (21:9–22:5).

[2] Внук прародителя еврейского народа Авраама, Иаков, однажды увидел во сне лестницу от земли до неба, по которой спускались и поднимались ангелы (Бытие 28:12–17).

[3] Палко говорит об апостоле Андрее и об одном из чудес Иисуса Христа, когда Он накормил множество людей пятью караваями хлеба и двумя рыбами (Евангелие от Иоанна 6:8–13).

Андрейка и Петр готовы были слушать его хоть до утра, но тут, откуда ни возьмись, появился Фидель, и мальчики вспомнили о дяде. Что-то скажет старый пастух, если они не придут вовремя? Друзья поспешили вниз, за ними побежал Палко. Петр и Андрейка решили показать ему свой дом. Очень уж им хотелось, чтобы этот удивительный мальчик побыстрее их навестил.

Когда Филиан пришел обедать, мальчики взахлеб стали рассказывать старику о новом друге. Дядя слушал их не перебивая. А потом сказал, что будет только рад, если этот мальчик их навестит. Дети надеялись, что Палко придет в следующее воскресенье.

Глава 4

Признание

Есть такая словацкая поговорка: «Горы тянутся к горам, а люди к людям». Казалось бы, совсем недавно вошел Палко в жизнь дяди Филиана, Андрейки и Петра, а они уже не могли обойтись без него. Но больше всего от отсутствия Палко страдал старый пастух. Видеть, слушать этого ребенка стало для него потребностью. Он часто вспоминал тот светлый воскресный полдень, когда раздвинулась живая изгородь и, словно портрет в рамке, появился мальчик в перекинутом через плечо плаще и круглой шапочке. Рядом с ним шла добродушная белая собака. А вот другая картина: Палко сидит перед хижиной и читает своим друзьям священную книгу. В эти минуты мальчик напоминал отрока Иисуса, находящегося в Храме среди книжников [1]. Как хорошо объяснял Палко Слово Божье! Никогда еще оно так не захватывало и не увлекало Филиана. Конечно, у старика была книга с проповедями на каждый день и Библия, но с тех пор как по вечерам Палко Лессинг взялся читать им ее, с глаз Филиана постепенно спадала пелена. Он отчетливо начал понимать Писание.

И вот снова наступило воскресенье. Мальчики ушли в церковь. А Филиан остался дома. Задумавшись, он сидел перед хижиной. У его ног лежал Фидель, не пожелавший на этот раз сопровождать Петра и Андрейку. Вдруг пес навострил уши и,

---

[1] Двенадцатилетний Иисус объяснял ученым и священникам в Иерусалимском храме Писание, и они удивлялись Его мудрости (Евангелие от Луки 2:42–47).

вскочив, исчез в кустах. Старый пастух не шелохнулся... Он не чувствовал ласкового ветра, не видел ясного неба, не слышал, как стучит дятел и как кто-то разговаривает с Фиделем. Вдруг рядом с ним раздался юный веселый голос, который так любил Филиан.

— Доброе утро, дядя! Почему вы такой грустный? А где же остальные?

Лицо старика просветлело.

— Добро пожаловать, Палко! Знал бы, что ты придешь, не отослал бы Андрейку с Петром в церковь.

— Всюду Божий дом, — кротко ответил Палко.

— Ты принес Библию, о которой вчера говорил?

— Да. Дядя Филиан... — мальчик замялся. — Отец на несколько дней уехал домой. Он велел спросить, не могу ли я пока пожить у вас. Примите ли вы меня?

Выразительные глаза ребенка просительно смотрели на Филиана.

— Само собой, мой хороший. Мы будем рады, если ты поживешь у нас, — мягко ответил старик и, помолчав, поинтересовался: — Палко, а зачем твой отец поехал домой?

— Он повез лес. Но не весь. Остальное потом сплавит по реке до Тренчина. Вот, дядя, Библия.

— Это и есть та самая книга священника Малины?

— Да. Мне она очень дорога. В ней написано по-латыни и по-словацки. Когда я ее читаю, всегда вижу его перед собой. Сейчас я покажу вам, что он написал в то последнее для него воскресенье. У вас есть время?

— Разумеется, сынок. Читай!

— Вам, конечно, это будет понятнее, дядя Филиан, ведь вы старше, — очень серьезно сказал Палко и начал читать вслух: «Я упустил много времени, моя жизнь безвозвратно потеряна... — голос мальчика звучал так благоговейно, словно он читал Священное Писание. — Даже если захочу, я не в силах ничего исправить — слишком поздно. Души ушли в вечность, и там они обвиняют меня за то, что я не сказал им о спасении. Они не вернутся обратно. Мне не дано попросить

у них прощения. О, какие чудесные слова: благодатью вы спасены... Это Божий дар[1]. И к этому священному дару я устремляюсь, Бог мой, Спаситель мой! Я знаю: Ты простил меня, Ты взял на Свои плечи кару, которую я заслужил, и понес ее! Я обнимаю Твой крест, Твои ноги, пронзенные за меня, и благодарю, о, я благодарю Тебя! Однажды в вечности я восхвалю Твое Святое Имя — Иисус! Буду восхвалять Его вечно!» Так верил священник Малина, дядя, — с трепетом прошептал Палко.

Филиан, склонив голову, тихо плакал.

— «Даже если захочу, я не в силах ничего исправить... души ушли в вечность, и там они обвиняют меня...» — повторял Филиан сквозь слезы. — Как раз это и мучает меня, Палко, и вся моя честная жизнь мне не поможет...

Мальчик сидел, подперев свою кудрявую головку руками, и внимательно смотрел на старика.

— Не хотите ли вы рассказать, дядя, что вас так мучает? — произнес он с глубоким сочувствием. — Это ведь не тот грех... Не та история с Иштваном? Он же не утонул. Если меня что-то угнетает, я признаюсь в этом, и мне становится легче. Как говорит апостол Иаков: «...Сознавайтесь друг перед другом в своих грехах и молитесь друг за друга, чтобы Господь исцелил вас. Много может молитва праведника!»[2] Правда, я только мальчик, но мне известно, каково это, когда болит душа и тебе не с кем поделиться своим горем. Вдруг Господь поможет мне понять и утешить вас.

Филиан, взглянув на него, вытер набежавшие слезы.

— Ты прав, Палко. Давно я хотел поделиться с кем-нибудь своей бедой. Хорошо, что мне придется рассказать это именно тебе. Господь дал тебе больше мудрости, чем мне, старику, как и юному Самуилу, который был мудрее Илия[3].

---

[1] Послание ефесянам 2:8.

[2] Послание Иакова 5:16.

[3] О священнике Илие и пророке Самуиле рассказывается в первых главах Первой Книги царств.

Старик сел на свое любимое дерево, а Палко устроился рядом с ним на мягкой траве. И дядя начал свой рассказ.

— Петр тебе уже рассказал, каким я был в детстве, так что нет нужды повторяться. С той печальной истории минули годы. Я по-прежнему рос рядом с Иштваном. С чистой совестью могу сказать: мы искренне любили друг друга. Я не забыл, что брат скрыл от родителей мой постыдный поступок, и был ему благодарен за это. Он не уставал говорить о том, как сильно любят меня отец и мать. Все шло хорошо, и, возможно, всегда бы так продолжалось, но тут умерла сестра матушки и в нашем доме появилась ее дочь Ивка. Это была тоненькая как стебелек девочка. Нежная и красивая... Меня она поначалу дичилась, а вот с Иштваном чувствовала себя легко и свободно. Лишь после того, как я ее защитил от злющей собаки, она стала мне доверять... Прошло еще несколько лет, мы подросли, возмужали и... Знаешь, мой хороший, может, ты меня сейчас и не поймешь... Словом, не было для нас с Иштваном на всем свете девушки лучше Ивки. Ее черные глаза казались мне красивее звезд. Нигде в мире не цвели такие восхитительные розы, как на ее щеках.

Старый пастух вздохнул, украдкой смахнул слезы и продолжал:

— В то время многие мои земляки уезжали в Америку на заработки. Я часто пытался понять: почему ради мамоны [1]

---

[1] Мамона — здесь символ корыстолюбия и жадности (Евангелие от Матфея 6:24).

люди отправляются в опасное путешествие? Ведь у нас, хоть мы и бедны, было так хорошо. Наши горы и долины я считал раем. Впрочем, на земле нет рая, а небо слишком высоко. В тот день, вернувшись с пастбища, я увидел отца и мать, сидящих перед домом. Они, как обычно, говорили о нас. «Ты считаешь, что один из наших сыновей должен уехать в Америку?» — долетел до меня голос матери. «Говорят, что там люди быстрее встают на ноги. Ты сама видишь, мы бьемся как рыба об лед и все равно с трудом сводим концы с концами», — вздохнул отец. «И кто же должен уехать?» — «Я вот что думаю: пусть один из них останется дома и возьмет в жены Ивку. У тебя будет помощница. Ну а другой на несколько лет поедет в Америку. Когда он накопит немного денег и Бог благополучно вернет его домой, наши дети смогут вместе вести хозяйство. Я бы не хотел, чтобы после того, как мы умрем, они разошлись в разные стороны...»

— Выслушав отца, матушка вздохнула, — продолжал дядя. — А я... Мне казалось, что в мое сердце вонзили нож. Конечно, она надеялась, что Иштван останется с ней и женится на Ивке. В ту ночь я не сомкнул глаз. Сильная душевная боль жгла меня, что-то похожее я испытал мальчиком, но сейчас мучился во сто крат сильнее. Не выдержав, я выбежал из дома и до утра как неприкаянный бродил по горам. На рассвете, лишь только взошло солнце и запели первые птицы, я повернул назад. Когда я подходил к дому, навстречу мне выбежала Ивка. И тогда я сказал себе: эта девушка будет принадлежать только мне. Незачем мне ехать в Америку! Что до Иштвана... Да я на него вообще не мог смотреть спокойно, хотя он и не давал повода злиться! На следующий день мы с Ивкой пошли на далекий луг косить траву. Я начал настойчиво умолять ее выйти за меня замуж и упрашивал до тех пор, пока не получил согласия. И тут я заметил Иштвана, стремительно удаляющегося через луг к лесу. Оказывается, он слышал наш разговор.

Утром один из нас должен был идти в город. Вызвался Иштван. Мать просила его остаться, говоря, что он не здоров. И в самом деле, брат побледнел, осунулся, щеки у него ввали-

лись, точно после тяжелой болезни. Я, конечно, мог пойти, но не захотел. К тому же отец приготовил для меня какую-то работу.

«Проводи меня», — попросил Иштван, и я пошел с ним. Поднявшись высоко в гору, мы остановились на развилке. С минуту мы с Иштваном молча смотрели друг на друга. «Мать рассказала мне о планах отца, — наконец начал брат. — Кто-то из нас двоих должен уехать в Америку. Само собой, ты останешься. Я видел вас вчера там, на лугу... Отец требует, чтобы один из нас женился на Ивке. Что ж, она твоя. В детстве я так мешал тебе, что ты чуть не погубил меня. Не переживай: я не стану на твоем пути. Когда я уеду, матушке будет очень плохо. Умоляю, не сердись на нее за это, ведь у нее нет никого, кроме меня. Я с ней не попрощался: хотел избавить от муки расставания. Прошу, не завидуй мне больше. Я оставляю тебе все: родину, родителей, Ивку. Она не может принадлежать нам обоим. Как же мне было вчера тяжело! Вряд ли ты сумел бы вынести эту боль... Мне казалось, я опять тону, но то болото, в которое ты толкнул меня на этот раз... Какое оно глубокое! Матушка печалится, говорит: я болен, плохо выгляжу... Но здесь мне не суждено поправиться, скорее уж там, на чужбине. Пожмем же друг другу руки и расстанемся как братья».

Молча я протянул ему руку, — продолжал Филиан. — Иштван взял свои вещи и торопливо стал спускаться вниз. Я подошел к краю скалы, чтобы еще раз взглянуть на него. И увидел, как мой брат поднял прекрасное, полное глубокой печали лицо и посмотрел на наш дом. По его щекам катились слезы. Мне захотелось броситься к Иштвану, обнять его, сказать, что я все ему оставляю и сам вместо него отправлюсь на чужбину... Но у меня не хватило мужества. И я позволил ему уйти. Навсегда. Больше мы его не видели.

Старик вновь заплакал, ему вторил Палко.

— Дядя, чем же все закончилось, — наконец спросил мальчик. — Что сказала бедная матушка? Вы передали ей слова Иштвана?

— Ах, мой хороший, мне не пришлось этого делать. Иштван сам обо всем позаботился. Видишь ли, в городе жил двоюродный брат матушки. Три дня спустя он принес вещи, которые должен был купить Иштван, а еще отдал письмо... В нем мой брат слезно просил родителей не гневаться за то, что он, не попрощавшись, уехал в Америку. Он ни единым словом не обмолвился, что в болото печали его толкнул я. Это было прекрасное письмо, Палко. Мы его долго хранили... Когда матушка находилась на смертном одре, она попросила меня положить письмо с ней в гроб.

Я изо всех сил старался заменить бедной женщине сына. После смерти отца она часто благословляла меня. Но это не приносило мира в мое сердце... А дело вот в чем: брат матушки сам собирался в Америку и даже купил билет на пароход. Однако у него что-то не заладилось, и поездку пришлось отложить. Тогда Иштван упросил дядю продать ему этот билет... Пароход же так и не прибыл к месту назначения — пошел ко дну где-то в Атлантике... Видишь, Палко, я все же утопил моего брата. Если бы он не убегал от меня, то остался бы жив. Он умер, и кровь его вопиет перед лицом Божьим [1]. Но Бог меня наказал, Палко... Бог меня наказал... Недолго я наслаждался семейным счастьем. Узнав о гибели Иштвана, Ивка начала чахнуть прямо на глазах и сразу после рождения сына умерла. В предсмертной горячке она призналась, что сильно любила моего брата, и я понял: ее убила тоска. Теперь они оба в мире ином, а я остался здесь совершенно один.

Старик замолчал. Тяжело далось ему это признание. Палко ласково коснулся его руки:

— А ваш сыночек, где же он?

— И его взял к себе Господь. В тот же год, когда умерла Ивка, мой мальчик простудился и занемог. Лихорадка унесла его за три дня. Теперь я все рассказал тебе, Палко, но вряд ли ты меня понял.

---

[1] Филиан хочет сказать, что страдания жертвы побуждают Бога к отмщению (Бытие 4:10).

— Да нет же, дядя, я вас понимаю! Вы мучаетесь из-за того, что погубили Иштвана. Я знаю, это тяжкий грех. Но разве вы не можете, как священник Малина, пасть к подножию креста и обнять ноги Иисуса? С верою принять прощение как Божий дар? В Библии есть стих: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, а я первый из них...»[1] Дальше можно добавить: «...я тоже большой грешник, но верю, верю, о Агнец Божий, что Ты умер за меня, и я приношу свое сердце к подножию креста, чтобы Твоя святая кровь омыла его».

— Пожалуйста, оставь мне эту книгу, хочу почитать ее в тишине, — попросил Филиан. — Может быть, Господь смилуется и простит мою великую вину. А теперь продолжай с того места, где мы остановились. А потом я принесу мой песенник и мы что-нибудь споем.

---

[1] Первое послание Тимофею 1:15.

Глава 5

Хорошая мысль

«Не забывайте о гостеприимстве, ведь были люди, которые принимали у себя ангелов, даже не зная об этом»[1]. Плоды своего гостеприимства пожинал не только дядя Филиан, но и Петр с Андрейкой. С приходом Палко Лессинга словно Божье благословение воцарилось в хижине пастуха. Палко во всем помогал своим друзьям и содержал их дом в полном порядке.

— Господь Иисус, — говорил этот удивительный ребенок, — всегда рядом с нами. Нам не дано знать, когда Он зайдет к нам в гости и где захочет сесть, поэтому в доме всегда должен быть порядок.

Стево научил Палко играть на флейте, и теперь тот частенько исполнял тренчинские песни. Когда Палко с другими детьми бегал взапуски на полянке, он резвился больше всех. Но если мальчики просили почитать вслух из его любимой книги, Палко сразу становился необычайно серьезным. В такие минуты он сидел среди своих товарищей, как двенадцатилетний Иисус в Храме. Присутствие Палко благотворно повлияло и на Петра, который бывал иногда упрям и непослушен, из-за чего Филиану приходилось его наказывать.

— Почему ты злишь дядю? — увещевал Палко друга. — Скажи обо всем Господу Иисусу, поведай Ему, что сатана искушает тебя, и Иисус освободит тебя от этого недостатка.

---

[1] Послание евреям 13:2.

Андрейка был мягче и благоразумнее, он во всем полагался на Палко. Мальчик верил в то, что Господь Иисус находится среди людей, а потому следует всегда быть аккуратным и чистым. Но главное — нужно подарить Спасителю свое сердце. Так у Иисуса Христа стало одним маленьким учеником больше, и снова исполнилось то, о чем Иисус когда-то молился: «Отец, Владыка неба и земли! Благодарю Тебя за то, что Ты открыл простым и малым сокрытое от мудрых и разумных! Да, Отец, такова была Твоя благая воля!»[1] Когда Андрейка прочитал в Библии о страданиях и смерти Господа нашего Иисуса Христа[2], его невинное сердечко сжалось: мальчик осознал, что Иисусу пришлось страдать и за его грехи.

Вместе с Палко Андрейка помолился, чтобы Господь Иисус простил ему его грехи. Он впустил Иисуса в свое сердце. Этот маленький мальчик уже хлебнул немало горя: его душа исстрадалась от того, что ни отец, ни мать о нем не заботятся. Иногда, когда никто не видел, Андрейка горько плакал. А еще он часто размышлял о своей дальнейшей судьбе. Неужели ему попрежнему придется скитаться по чужим семьям? И тут появился Палко Лессинг и рассказал о добром, прекрасном Иисусе, Который любит его, брошенного Андрейку, хочет всегда пребывать с ним и никогда его не покинет. Так этот кроткий ребенок нашел дивного Друга — Иисуса Христа, и во всем старался быть послушным Ему.

— Что же мы будем делать без Палко? — спрашивали пастухи дядю Филиана. — Кажется, и солнце стало ярче светить с тех пор, как он у нас поселился.

— Да, он благочестивый мальчик, — отвечал им Филиан. Старику и самому очень не хотелось расставаться с Палко — пожалуй, именно он больше всех в нем нуждался. Не потому ли дядя вздохнул с облегчением, когда из Тренчина пришло письмо. Отец Палко сообщал, что сможет вернуться лишь через шесть недель, и просил на это время оставить сына у себя. Прочитав

---

[1] Евангелие от Матфея 11:25–26.

[2] Об этом написано в Евангелии от Иоанна (гл. 18 и 19).

письмо, Андрейка и Петр запрыгали от радости, но больше всех был счастлив Филиан.

В один из ласковых летних вечеров, когда все сидели во дворе, на тропинке, ведущей к дому пастуха, показался доктор. Фидель, радостно повизгивая, приветствовал старого знакомого. Дунай, лежавший у ног своего маленького хозяина, с любопытством поднял голову. Но мальчики и дядя Филиан были так увлечены, что не заметили гостя. Палко читал им вслух из своей книги об одном богатом господине — начальнике мытарей, который еще не знал Иисуса: «Войдя в Иерихон, Иисус проходил по его улицам. В городе был человек по имени Закхей, главный сборщик податей, человек богатый. Ему очень хотелось посмотреть на Иисуса, какой Он из себя, но он не мог увидеть Его из-за толпы, потому что был маленького роста. Тогда он, забежав вперед, залез на тутовое дерево, чтобы увидеть Иисуса, когда Он будет проходить мимо. Иисус, подойдя к тому месту, поднял на него глаза и сказал:

— Закхей! Скорее слезай! Я должен у тебя сегодня остановиться.

Тот поспешно спустился вниз и с радостью принял Иисуса. Видя это, все стали возмущаться и говорить:

— Остановиться у такого грешника?!

Закхей стал перед Господом и сказал:

— Господь, обещаю: половину имущества отдам бедным, а с кого взял лишнего, верну в четырехкратном размере.

— Сегодня пришло спасение в этот дом, — сказал Иисус. — Ведь и он сын Авраама. А Сын Человеческий пришел, чтобы найти и спасти то, что пропало»[1].

---

[1] Евангелие от Луки 19:1–10.

— Дядя Филиан, — вдруг молвил Палко, прервав чтение. — Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Поступите, подобно Закхею! И к вам Господь Иисус обращается со словами «сегодня пришло спасение в этот дом». Это сказано о вашем сердце и обо всех обитателях этого дома. Ведь Закхей с радостью принял Иисуса, и можете представить его ликование, когда Господь Иисус простит ему все грехи!

Доктор изумленно смотрел на незнакомого мальчика. Но еще больше он удивился, когда дядя, не сказав ни слова, ушел в хижину. Но тут к доктору подбежали Петр и Андрейка, подошел и Палко. Доктор объяснил детям причину своего внезапного прихода: он ищет временное жилье для одной пациентки, которая нуждается в тишине, свежем воздухе и солнце.

— Послушай-ка, Палко, — после некоторого раздумья обратился к товарищу Петр, — ведь ваш домик сейчас пустует. Твой отец вернется лишь через шесть недель. Мне кажется, больной там будет удобно.

Доктор вопросительно взглянул на Палко:

— Как ты думаешь, твой отец согласится сдать нам этот домик на несколько недель?

— Разве он может не согласиться? — Глаза мальчика сияли. — Разве Господь Иисус не сказал: «...был болен — и вы ходили за Мной»[1]? Если вам домик понравится, я дам ключ. Пусть госпожа приезжает.

Было уже поздно, и доктор сказал, что посмотрит на домик Палко завтра. После того как дети ушли на сеновал, он еще долго о чем-то беседовал с Филианом.

Перед сном старик, как обычно, пошел проведать ребятишек. Филиан задумчиво склонился над Андрейкой. Выглядел мальчик не-

[1] Евангелие от Матфея 25:36.

плохо, даже чуть-чуть загорел. Здоровый горный воздух и простая пища помогли ему окрепнуть. Заметно было и то внутреннее счастье, что вложил в сердце этого ребенка Господь Иисус. Так отчего же Филиан жалел его?

* * *

Дождь, пошедший ночью, к утру прекратился. На траве и листьях деревьев дрожали капельки росы, сверкавшие на солнце, словно россыпи алмазов. Земля стала праздничной. Все в природе славило Творца! Высоко в небе звенел жаворонок. Над горами курился легкий туман, и они напоминали величественный алтарь. День разгорался все ярче и веселее. Никто не удивился, когда Палко, шедший во главе маленькой компании, запел. Чистым серебристым голосом песню подхватил Андрейка:

Радость, радость непрестанно!
Будем радостны всегда!
Луч отрады, Богом данной,
не погаснет никогда.
Бог нас Сам ведет за руки,
помогает нам в борьбе,
нас хранит от бед и муки,
нашей внемлет Он мольбе.
По следам пойдем Христовым,
будем льнуть к рукам Его,
чтоб под бременем суровым
не остаться без Него.
Радость веры, жизнь дающей,
пусть, как солнце, в нас горит!
Любит грешных Всемогущий,
много благ Он нам дарит.

Доктор знал эту песню с детства и с удовольствием подпевал детям.

— Посмотрите, как все сверкает вокруг! — радовался Палко. — В каждой капельке росы искрится радуга. Это краешек

одеяния Иисуса. В тихом ветре мы ощущаем Его дыхание. Он совсем близко! Он с нами! Мы не видим Его, потому что не сумели бы вынести присутствия Его славы. Каким великим человеком был Моисей! Но даже он не мог вынести Его присутствия [1]. Здесь, на земле, мы должны своей жизнью прославлять и умножать Его славу! Мне кажется, что сегодня мы делаем то, что угодно Господу Иисусу. Мы ищем дом для одного из Его больных детей. Кто знает, может, и здесь проявится милость и слава Господа!

Доктор добродушно рассмеялся.

— Палко, да ты, оказывается, мудрец! А это, наверное, и есть твой домик?

— Да! — подтвердил мальчик.

Дунай уже крутился у дверей.

— Если вам здесь понравится, мы принесем дрова, воду и цветы. В домике очень чисто.

— Вот что, Палко, пожалуй, твой дом подойдет для моей пациентки, — сказал доктор, осмотрев все внутри и снаружи. — Я велю привезти кое-что из мебели, на полу мы постелем пушистый ковер: больная не должна простудиться. Вашу кровать и стол перенесем в кухню, там будет спать служанка. Окна, правда, маловаты, но зато их три! Да и солнечного света предостаточно. А что за красота вокруг! Какое разнотравье! Как высоки горы! Как густ и целителен воздух! Опять же: есть колодец; жаль только, скамейки нет.

— А мы попросим дядю прислать Стево, и он смастерит скамеечку, — предложил Андрейка. — Ну а я вместо него могу пасти стадо.

Доктор ласково погладил золотистые волосы ребенка.

— Что ж, я охотно посмотрю, как ты с этим справишься.

— А ему и не надо пасти стадо, — заметил Палко. — Это отлично делают Белка и Царай, они очень умные собаки.

---

[1] Бог явился Моисею в пламени пылающего куста, но он не смел взглянуть на Господа (Исход 3:2–6).

— Ну ладно, потом решим, что еще нам потребуется. В любом случае скамейка необходима. А теперь я хотел бы выпить воды.

Палко принес красивую кружку с узором и такой же кувшин. Друзья сели у ручейка и стали смотреть на долину. Доктор достал сыр и хлеб. Он никого не забыл, даже Дунай и Фидель получили свою долю.

Доктор видел, с каким аппетитом его маленькие спутники уплетали эту простую пищу.

— Палко, — обратился он к мальчику, — ты говорил о дровах... Не стоит их приносить. Я велю привезти воз дров. Но если вы нарвете цветов, это будет мило с вашей стороны. И еще: больная должна каждый день пить кислое молоко. Пока она очень слаба, а потому я попросил бы вас носить ей молоко. Когда же она окрепнет, сама станет ходить к вам. Ну как, договорились? Хотите мне помочь?

Дети с радостью согласились.

— А теперь, мальчики, я расскажу вам немного о своей пациентке. Долгие годы эта женщина не спала по ночам. Бессонница измотала ее, подорвала здоровье. Немало страданий выпало на долю этой несчастной... Если вы поможете мне развеселить ее, я буду вам только благодарен.

— А она говорит по-словацки? — спросил Палко.

— О, об этом я как-то не подумал. Хотя нет... погоди, однажды я слышал, как она говорила по-чешски с торговкой апельсинов. Надеюсь, вы поймете друг друга. Ну что, поможете мне?

— Конечно! — хором ответили мальчики. — Если дядя Филиан разрешит.

Дети возвращались домой в приподнятом настроении. Доктор попрощался с ними у скалы и просил передать дяде мелко исписанный клочок бумаги. Прочитав его, Филиан поручил Стево смастерить скамейку и разрешил мальчикам носить больной женщине молоко и цветы.

Глава 6

Веселые помощники

И вот опять пришло воскресенье. Но на этот раз в церковь никто из обитателей пастушьей хижины не пошел. Утром они все вместе прочитали главу из Библии, спели гимн и помолились, а затем каждый отправился по своим делам. Филиан получил приглашение от управляющего замком. Мальчики хотели сходить в домик Палко, но ключ остался у доктора. И все же им не терпелось узнать, привезли дрова или нет. Как же они изумились, когда увидели, что окна дома широко распахнуты, а на подоконнике сидит большая белая кошка. И какая же красавица! Мягкая, бархатистая шкурка, огромные круглые глаза, на шее — розовая ленточка с позолоченным колокольчиком. Хорошо, что с ребятишками не было собак: Фидель увязался за Филианом, а Дунай бегал по лесу.

— Неужели здесь кто-то уже поселился? — удивился Андрейка.

— Само собой. Видишь — кошка, — ответил Палко.

Они тихо обошли вокруг дома. Во дворе лежала поленница дров. Посовещавшись, дети решили сходить за цветами, а тем временем, может, кто-нибудь и проснется. Когда час спустя мальчики вернулись с огромными букетами, они заметили, что дверь дома открыта, а из трубы идет дым.

В ту же минуту на пороге появилась полная пожилая женщина в черном платье и кипенно-белом чепчике. Ее добродушное лицо казалось озабоченным. Взгляд словно говорил: «С чего же мне начать? Что же мне делать?»

— Наверное, ей что-то нужно, — догадался Палко.

Дети подошли поближе и поздоровались. Женщина ответила по-чешски. Увидев в руках мальчиков охапки цветов, она просияла.

— Вы, по-видимому, служанка той больной дамы? — попытался завязать разговор Палко. — Мы обещали доктору принести цветы. Они слегка поникли, но в воде отойдут.

— Спасибо, мальчики. Моей хозяйке будет очень приятно, — на лице служанки заиграла благодарная улыбка.

— Вы здесь недавно, ничего не знаете. Если вам понадобятся вещи или продукты, которых нет в горах, — заботливо сказал Палко, — только дайте знать, и мы охотно поможем.

— О, я с радостью приняла бы вашу помощь. У нас все есть, кроме соли и масла: забыли в поезде. Мы приехали на день раньше — вот господин доктор и не смог нас встретить, а я здесь еще не осмотрелась.

— Не расстраивайтесь, соль и масло мы вам сейчас принесем! Сбегаем домой. Это недалеко, — ответил Петр, — да и кислое молоко уже должно быть готово. Пойдем, Андрейка!

— Молоко? — удивилась служанка.

— Да, это мы будем приносить его вам по утрам, — объяснил Андрейка. — Но мы должны идти, а то не успеем вернуться вовремя.

— А я останусь, — сказал Палко. — Это домик моего отца. Думаю, что смогу быть вам полезен.

— Ах, вот что! Это ваш домик? Тогда мне действительно могут понадобиться твои советы. Но как тебя зовут, мальчик?

— Палко Лессинг, а это мои друзья — Петр Филиан и Андрейка Гемерский.

Услышав фамилию Андрейки, женщина, вздрогнув, переспросила:

— Как-как?

— Андрейка Гемерский. Вон те три пастбища — видите на склоне гор? — принадлежат его отцу. Господин доктор устроил Андрейку к дяде Филиану для того, чтобы он немного окреп. Андрейка был очень слабеньким и болезненным, но теперь поправляется. А как ваша хозяйка? Спала ли ночью?

— Ах, моя хозяйка! — вздохнула служанка и добавила печально: — Если бы она знала... Не могу сказать, спала ли она ночью, зато сейчас спит сном младенца. Давно этого не было. Ну пойдем, Палко. Только тихонечко.

Кухню от комнаты отделяли сени, и потому шум не мог потревожить больную. Палко увлеченно взялся за уборку. Из кухни, которая теперь напоминала базар, они вынесли сундуки, чемоданы, одеяла, одежду и разместили все в чулане — о его существовании женщина даже не догадывалась. Что-то из вещей положили на полки, которые смастерил отец Палко, что-то развесили по стенам. Вынули из сундука посуду и кухонную утварь. Чашки и тарелки Палко поставил в шкафчик, большие и маленькие чугунные сковородки повесил над очагом. Потом достал веник и подмел пол. Осталось только постлать на столе белоснежную скатерть, сбегать за ключевой водой и поставить цветы в кувшин.

Когда все было убрано, пришли мальчики, запыхавшиеся и разгоряченные. Андрейка нес пузатый плетеный кувшин с узким горлышком и молочник, у Петра за плечами висел тяжелый узел.

Тут как раз в кухню вернулась служанка, ходившая проведать больную, и глазам своим не поверила: на столе лежал черный хлеб, стояли новая солонка и кувшин с молоком, в одной из мисок находился свежий овечий сыр, в другой желтело мас-

ло. В печке весело плясал огонь. На скамье перед окном сидели Петр и Андрейка, перед ними стоял Палко.

— Как, дети, вы уже здесь?! — воскликнула женщина. — Как же много вы всего принесли!

— Только то, что вы просили, — ответил Петр. — В кружке кислое молоко, а в кувшине — свежее. Андрейка подумал, что если кислое молоко не понравится вашей госпоже, вы сварите ей кофе. А еще он взял масло и сыр. Не беспокойтесь, Андрейка имеет на это право, когда он вырастет — станет здесь хозяином.

Петр с гордостью посмотрел на своего товарища. А женщина... Мальчики удивились, увидев на ее глазах слезы. Смахнув их, она поцеловала маленьких помощников.

— Ты прав, мой хороший, сегодня я сварю кофе, и мы позавтракаем вместе. А там, глядишь, и моя госпожа проснется.

Пока женщина варила кофе, мальчики узнали, что ее зовут Моравец, но лучше к ней обращаться «тетя». Родилась Моравец в далеком Эрцгебирге[1], в точно таком же домике. Позже отец и мать увезли ее в Америку, там она и вышла замуж. Но, к несчастью, ее муж и дочь умерли, и вот уже десять лет она верой и правдой служит госпоже, ухаживает за ней как за родной.

Мальчики и глазом моргнуть не успели, как перед ними уже стояли красивые чашки, полные ароматного кофе, и лежали большие куски пирога. Едва они закончили завтракать, как из комнаты раздался звон колокольчика. Моравец побежала на зов.

— Пожалуй, нам пора, — сказал Петр.

Андрейка вопросительно взглянул на Палко. Тот возился с кошкой. Она сидела около мальчика и, как белка, передними лапками брала из его рук намоченные в кофе кусочки пирога.

— Не оставим же мы грязную посуду! Тетя все делает одна, ей надо помочь, — ответил Палко и побежал с тазом за водой.

---

[1] Эрцгебирг — город в Саксонии.

Петр, подумав, пошел за дровами. Без дела остался только Андрейка. Он сидел на кухне и играл с кошкой, и тут дверь комнаты приоткрылась. Сначала мальчик услышал голос тети, а затем... Кровь хлынула к сердцу Андрейки. Ему показалось, что этот чистый, теплый голос доносится из далекой таинственной страны воспоминаний... Кошка, вырвавшись из рук, подбежала к двери, толкнула ее лапкой и шмыгнула в комнату. Но Андрейка так глубоко задумался, что ничего не заметил. Лишь когда в кухню вернулись мальчики, он стряхнул с себя оцепенение. Палко быстро перемыл посуду, а Петр помог вытереть; закончив уборку, дети тихонько выскользнули из дома.

Глава 7

Узнавание

С давних пор известно, что время то летит, как птица, то ползет, как черепаха. Семь дней... Как много можно пережить за одну неделю и как быстро она проходит! Иногда думаешь: неужели все миновало?

Так и Андрейка Гемерский, бодро шагавший по лесу, спрашивал себя: не приснилось ли ему все? Да нет, это было! В домике Палко поселилась таинственная женщина. Мальчик не единожды приносил ей молоко, но почему-то ни разу ее не видел. На его вопросы Моравец отвечала, что хозяйка спит. Ей, мол, нужен покой... Но Андрейка никак не мог понять, почему незнакомка спит тогда, когда приходит он? С Петром молодая женщина уже разговаривала и даже подарила коробку конфет. Да и Палко уже читал ей свою книгу. Он сказал, что госпожа так же красива, как его мама. Только Андрейка ее не видел. Как же он молился об этой встрече! Вот и сегодня утром мальчик горячо просил у Господа, чтобы ему наконец удалось на нее взглянуть. Ну хотя бы поздороваться... Последнее время молодые пастухи и особенно Стево не уставали напоминать, что он — сын хозяина. Когда Андрейка спрашивал, можно ли взять сыр и масло для пациентки доктора, ему отвечали: «Бери, здесь все твое!» Эта мысль очень понравилась мальчику. «Это все наше! Если Палко имеет право говорить „наш дом“, то отчего он не должен говорить: наши пастбища, наши земли, наши леса! Значит, эта женщина приехала к нам, хотя и живет у Палко», — говорил себе Андрейка.

Мальчик так глубоко задумался, что и сам не заметил, как очутился у развилки, откуда одна тропинка вела к скале, а другая — к маленькому домику в долине. Воздух был чист и свеж, в небе порхали резвые облака, с пастбищ доносилось веселое звяканье колокольчиков. «Ягнята резвятся», — улыбнулся Андрейка и, решив передохнуть, побежал к скамейке. Но она оказалась занята... Даже феи из сказок Стево не могли соперничать с женщиной, на которую смотрел сейчас мальчик. О, как же она была хороша! У Андрейки замерло сердце... Неизъяснимый трепет охватил его. Взгляд незнакомки был устремлен вдаль, тонкая белая рука покоилась на подушке.

Мальчик поставил кувшин на землю. Молитвенно сложив руки, он смотрел на это милое бледное лицо. И снова ему почудилось, что кто-то взял его в свои нежные объятия и унес в далекую страну воспоминаний... Молодая женщина все еще не замечала ребенка. А жаль! Сегодня Андрейка так хорошо выглядел! В субботу доктор подарил ему замечательный наряд, почти такой же, как у Палко: рубашка с широкими рукавами, узкие штаны, высокие сапоги, круглая шапочка и вязаная куртка. Петр тоже получил обновку — национальный словацкий костюм. Андрейка обрадовался, что теперь ничем не отличался от своих товарищей. Вчера в церкви многие прихожане с интересом посматривали на детей.

Если бы только незнакомка взглянула на него! О, он бы ей обязательно понравился! «Да это же она живет в хижине Палко! — мелькнуло вдруг в голове мальчика. — Кто еще мог сидеть на скамейке? А вот и белая кошка. Значит, госпожа уже встала». Что же это?.. Неужели он опоздал? Молоко ведь нужно еще подогреть, когда же она будет завтракать?!

Андрейка нерешительно переминался с ноги на ногу и наконец, набравшись храбрости, поздоровался. Чистый звонкий голосок, прозвучавший рядом, заставил женщину вздрогнуть. Она изумленно посмотрела на робко приближавшегося ребенка.

— Доброе утро, — сказал Андрейка и вежливо поклонился. — Я принес вам молоко, но, наверное, немного опоздал.

Пожалуйста, не сердитесь, я очень торопился!

— Ты принес мне молоко? — удивилась госпожа. Она встала и взяла из рук мальчика кувшин. — Но он слишком тяжел для тебя!

— Нет-нет, что вы! — застенчиво возразил ребенок, с восхищением глядя на молодую женщину.

Как же Андрейка был счастлив! Наконец-то он ее увидел. Она заговорила с ним и даже взяла его за руку!

— Как тебя зовут?

— Андрейка.

— Ты тоже живешь на пастбище?

— Да, у дяди Филиана. Мне там нравится.

Прелестная улыбка скользнула по губам молодой женщины; протянув мальчику руку, она повела его к домику. Госпожа была не высока, изящна, с гибкой талией и безукоризненной осанкой.

— А почему ты принес молоко? Где Петр и Палко? — спросила она, пытаясь разговорить смущающегося Андрейку.

— Мы ходим по очереди.

— По очереди? Но я тебя еще не видела!

— Я прихожу уже третий раз. Просто в это время вы всегда спите.

— Вот как? Значит, я проспала встречу с тобой? Что ж, в таком случае сегодня я тебя долго не отпущу. Отдохнем и позавтракаем вместе. Согласен? А вот и Моравец!

Молодая женщина радостно подошла к тете и отдала ей кувшин.

— Смотри, кто сегодня принес нам молоко. Вы, конечно, уже знакомы. Кажется, только я одна не видела этого мальчика. Вот что, надо хорошенько накормить моего гостя.

Служанка пообещала выполнить все приказания хозяйки. Но когда тетя брала кувшин, у нее почему-то дрожали руки.

Как же обрадовался Андрейка, что Господь ответил на его молитву! Петр разговаривал с госпожой на кухне, а его она повела в комнату! Там было очень красиво: плюшевый диван, кресла, мягкие пушистые ковры, картины, часы, зеркала, — почти как в замке Гемерских. Он сидел с ней на диване и рассматривал в большой книге великолепные виды городов.

— Неужели вы побывали во всех этих городах? — осмелился спросить мальчик.

На лицо женщины легла тень печали.

— Да, Андрейка. Но теперь я хочу одного: навсегда остаться в этих горах, забыть о существовании злого мира, никогда больше его не видеть.

Их беседу прервала тетя Моравец, принесшая завтрак. Госпожа и ее маленький гость сели за красиво сервированный стол. Прежде чем приступить к еде, Андрейка помолился. А потом, от радости, переполнявшей его сердечко, добавил: «Благодарю Тебя, дорогой Иисус, что Ты услышал мою молитву».

Молодая женщина уже поднесла стакан с молоком ко рту, но, услышав слова Андрейки, поставила его обратно и, словно пристыженная, опустила голову. На ее длинных ресницах заблестели слезы.

После завтрака госпожа завела с Андрейкой разговор и между прочим спросила, о чем же тот просил Иисуса. Мальчик признался, что он страстно мечтал ее увидеть... До такой степени, что даже завидовал своим товарищам... И вот его сокровенное желание исполнилось. За это он и благодарил Господа. Но тут внимание ребенка привлек си-

ний бархатный альбом с фотографиями, лежавший на низеньком столике. Получив разрешение, Андрейка бережно взял его в руки. С фотографий на него смотрело прекрасное лицо его собеседницы. Почти везде она была снята в странных, необычных нарядах. На одном из снимков на ней была мантия и корона. Подпись гласила: «Мэри Славковская в роли Марии Стюарт». Долго рассматривал Андрейка альбом...

— Почему тебя так заинтересовали эти снимки, дружок? — спросила молодая женщина, гладя его кудри.

— Это вы? Значит, вы играли в театре?

Госпожа пораженно взглянула на ребенка.

— Неужели ты что-то знаешь о театре? Разве ты там когда-нибудь был?

— Нет, — лицо мальчика омрачилось.

— Что с тобой, Андрейка? — тревожно спросила женщина.

— У моей мамы, наверное, тоже есть такие фотографии.

— У твоей мамы? — переспросила она. — Разве твоя мама не крестьянка?

— Нет! — Глаза Андрейки засияли. — Моя мама знаменитая певица. Но я ее, наверное, никогда больше не увижу... Она меня давно забыла. Я совсем один, хотя мои родители живы. Долго горевал я об этом. Но с тех пор, как с нами Палко, и я впустил Иисуса Христа в свое сердце, я не чувствую себя таким одиноким и покинутым, потому что знаю: Иисус любит меня... Он со мной.

Андрейка испуганно замолчал: он увидел, что госпожа внезапно побледнела; ее рука, нежно обнимавшая его за плечи, бессильно опустилась, из груди вырвался глубокий стон...

— Тетя, тетя! — отчаянно закричал мальчик.

В комнату вбежала Моравец. Она помогла хозяйке лечь, сунула ей под голову подушку, положила на лоб холодный компресс и протерла виски уксусом. Через несколько минут больная пришла в себя. Поняв, что ее госпоже больше ничего не угрожает, служанка взяла ребенка за руку и увела на кухню. На его испуганные вопросы она отвечала, что хозяйка еще очень слаба и нуждается в покое. Андрейке пришлось расска-

зать, о чем он говорил с молодой женщиной. Выслушав мальчика, Моравец вздохнула и погладила его по голове. А потом прошептала: «Это должно было случиться. Ну что ж, чем раньше, тем лучше!» Когда Андрейка засобирался домой, она не стала его удерживать.

— Вот что, дружок, — сказала тетя. — Пусть после обеда к нам придет Палко. Он обещал хозяйке показать дорогу до дома Филиана. С завтрашнего дня она сама будет приходить за молоком, так велел господин доктор.

— Но она же больна, — забеспокоился мальчик.

— Это уже не болезнь. Это слабость. Госпоже необходимо ее побороть.

Не бывает в этом мире радости без капли горечи. Если бы его встреча с молодой женщиной не закончилась так странно, Андрейка пришел бы домой гордым и счастливым. Но жизнь распорядилась иначе. Филиан, возвращаясь с пастбища, услышал, как в лесу кто-то горько плачет. Каково же было его удивление, когда он увидел Андрейку. Старик посадил мальчика на закорки и направился к дому.

— Я, наверное, сказал госпоже что-то очень плохое, дядя. Вот только не знаю, что. Ей стало дурно из-за меня, — в отчаянии восклицал Андрейка.

— Ну что ты, милый, не плачь. Ты сказал то, что Господь вложил в твои уста. Все уладится.

Филиан принес заплаканного, измученного переживаниями мальчика в свою комнату и уложил в постель. Он долго сидел рядом с ребенком, держа его за руку. Наконец малыш уснул. Грустно взглянул на него Филиан, покачал головой и тихо вышел. А спустя полчаса пастухи увидели празднично одетого дядю: прихрамывая, он шел по направлению к скале. Стево и его приятели решили, что старик собрался в город.

А в это время в домике Палко царило смятение. Задыхаясь от волнения, глотая горькие, горячие слезы, молодая женщина жалобно говорила служанке: «Он был здесь, мой маленький дорогой сыночек, а я и не знала! Он сам принес мне этот тяжеленный кувшин... Он так мечтал меня увидеть, а увидев,

не узнал... Но ведь и я не узнала своего Андрейку! Он думает, что мать его давно забыла... Это неправда! Все красоты мира не смогли заменить мне его! Его, мое потерянное сокровище! Отец! О, если бы ты знал, что стало с твоей дочерью! Ты учил ее словам молитвы, но она их забыла!.. Я изменила своему супругу! Я дурная мать! Отец, все, от чего ты меня предостерегал, — случилось...»

Теперь молодая женщина плакала уже навзрыд, вцепившись побелевшими пальцами в руку своей служанки. Но тут в сенях раздались чьи-то шаги, и Моравец вышла. Вернувшись, она спросила, может ли хозяйка принять старого Филиана, который хочет поговорить с ней по крайне важному делу. Через минуту пастух уже сидел в комнате.

— Я пришел к вам, госпожа Славковская, — начал он строго, — чтобы сказать: вы больше не должны причинять зло Андрейке. От доктора я знаю, вы — его мать, а мой господин — его отец. Так почему же этот нежный, жаждущий любви ребенок никому не нужен? Не о нем ли поется в одной песне: «Ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата. Почему ж моя судьба, как полынь, горька?»

Госпожа Славковская умоляюще дотронулась до руки пастуха:

— Что же мне делать? Ведь у меня его отняли и присудили Гемерскому. Мой адвокат сделал все от него зависящее, и тем не менее мы проиграли.

— Но будете ли вы его любить и заботиться о нем так, как это подобает настоящей матери, если мой господин вернет его вам?

— Буду ли я?! О, я не заслуживаю того, чтобы меня спрашивали об этом! Да, я пожертвую всем, только бы мне его отдали. Ведь он любит меня, недостойную.

И госпожа Славковская в отчаянии закрыла лицо руками.

— Да, это правда. Он любит вас так сильно, как может любить только дитя. Потому-то я и пришел сюда. Сегодня Бог дает вам возможность получить обратно ваше сокровище. Дело в том, что ваш бывший муж задолжал кредиторам

огромные деньги. Управляющий получил тайное указание: продать имение. Если у вас есть средства, — а по словам доктора вы богаты, — срочно купите поместье. Когда ваш адвокат известит господина Гемерского, что вы приобретаете имение и переводите его на имя мальчика, он отдаст сына вам. Хозяин всегда говорил: имение перейдет к Андрейке, его первенцу. Об этом знает вся округа. К тому же при грамотном управлении поместье будет доходным. Оно стоит тех денег, что за него просят.

— Ах, Филиан! — Молодая женщина растроганно посмотрела на старика, ее лицо просветлело. — Как же я вам признательна за совет! Чем я могу отплатить? Не знаю, хватит ли у меня денег, но ведь есть еще драгоценности. Нет-нет... Я сумею заплатить за имение; у меня даже останется небольшая сумма. Между прочим, я не так уж несведуща в сельском хозяйстве, как вы думаете. Я же дочь фермера, дядя Филиан. Но кто поможет мне купить имение? Мой адвокат уехал.

— А мы обратимся к господину доктору. Вы поедете вместе с ним к управляющему и обо всем договоритесь. Как только имение окажется в ваших руках, начинайте хлопотать о мальчике. Но Андрейке вы должны сказать всю правду сегодня, нечего ему больше мучиться. Приходите после обеда, Палко вас проводит.

Филиан встал.

— Я не хотел встречаться с вами сегодня, любезная госпожа, ведь вы еще слабы, но покупать имение нужно немедленно. А тут еще Андрейка: как же горько малыш плакал! Он думает, что вы упали в обморок из-за него. Мальчик такой нежный. Его нужно не только закалять, его сердцу требуется материнская ласка... Ну что ж, прощайте. Господь да пребудет с вами!

— Дядя Филиан! — госпожа Славковская преградила ему путь. — Вы знаете, почему я развелась с Гемерским? Или вы думаете, я ушла от него, потому что была певицей?

— Доктор сказал, что мой господин поступил с вами несправедливо. Остальное меня не касается. У каждого из нас

достаточно собственных грехов. Бог видит нас и знает о нас все. «Никого не осуждайте — и вас Бог не осудит...»[1]

Обычно грубый голос Филиана смягчился. Он поцеловал женщине руку и вышел.

* * *

— Дядя Филиан! Вы уже вернулись из города? — раздался рядом знакомый голос.

Перед пастухом стоял Палко. В руках мальчик держал узелок с грибами.

— Я не был в городе, Палко. А что ты здесь делаешь?

Филиан присел на старый мшистый пень. Мальчик лег рядом на мягкие моховые подушки.

— Сын лесника попросил меня отнести Стево письмо. Стево очень обрадовался: письмо было от его матери. Она выздоровела, слава Господу!

— Я тоже рад, она славная женщина. Если у сына нет матери, у него нет и родины, — задумчиво произнес Филиан. — Где это ты нашел такие грибы?

— Правда, красивые? Они мне тоже понравились. Иошко приготовит их нам на ужин.

— Правильно, но самые лучшие отбери и отнеси после полудня тете Моравец. Она обрадуется.

— Дядя, а мне действительно надо привести госпожу? Не слишком ли это далеко для нее? — озабоченно спросил мальчик.

— Вы пойдете медленно.

— А если она все-таки не сможет идти?

— Сможет. Я только что ее видел.

Филиан немного помолчал, что-то обдумывая.

— Палко, я хочу тебе кое-что сказать. Если Господу будет угодно, ты поможешь мне в одном трудном деле?

— Конечно, стоит вам только попросить

---

[1] Евангелие от Матфея 7:1.

— Тебе ведь известно, что хозяин этих пастбищ — отец Андрейки.

— Да, я это знаю.

— А та прекрасная госпожа, — он указал по направлению дома Лессинга, — его мать.

— Что?! — воскликнул Палко, вскакивая. — Что вы сказали? Она его мать? Почему же они не вместе? Почему Андрейка не с ними?

— Потому что они развелись. У господина Гемерского уже несколько лет другая жена.

Мальчик опустился на колени перед старым пастухом.

— Разве Иисус Христос позволяет так поступать? Ведь в Библии написано, что разводиться нельзя[1].

— Знаешь, Палко, на свете происходит немало такого, чего не хочет Бог. Я знаю, это грех, но уж что случилось, то случилось. Андрейкина мама до замужества жила в Америке. Она была певицей. Очень известной. И надо тебе сказать, она была необыкновенно хороша собой. Госпожа Славковская и сегодня прекрасна. Гемерский женился на ней и привез в Европу. Его родителям избранница сына пришлась не по нраву, ведь у нее нет ни капли дворянской крови. Они встретили ее сурово, да и муж не оказывал молодой женщине должного внимания. Насколько я знаю нашего господина, он не из тех, кто станет защищать свою жену. А возможно, Гемерский пожалел, что не остановил свой выбор на какой-нибудь графине... Что уж там произошло между ними, не знаю. Но однажды она забрала мальчика и уехала. В то время Гемерские жили в Будапеште. Денег у Андрейкиной мамы оставалось немного, а она должна была содержать себя и ребенка. Вот ей и пришлось вернуться в театр. Гемерский подал на нее жалобу в суд: мол, она его покинула и не пожелала вернуться. Начался процесс, брак расторгли. Решением суда Андрейку оставили с отцом. Пока мальчик находился на попечении людей, которых выбрала мать,

---

[1] Евангелие от Матфея 19:3–9.

он слышал о ней только хорошее. Но когда отец отдал его в другой дом... Палко, Андрейке наговорили о матери много дурного. Да это и понятно. Вот почему мальчик начал сомневаться в ее любви, и все же он стремится к ней... Тоскует... Потому-то я и пошел к госпоже Славковской. Я дал ей совет, как вернуть сына, а еще попросил сегодня же признаться во всем Андрейке. Я рассказал тебе эту историю, мой милый, для того, чтобы ты подготовил своего маленького друга к сегодняшнему свиданию. Объясни ему, кто к нам придет.

В лесу стояла звенящая тишина. Старик внимательно посмотрел на задумавшегося мальчика.

— Ну что, я могу на тебя рассчитывать, Палко?

— Да, дядя. Но сначала я должен попросить сил у Господа Иисуса, ведь это нелегкая задача. Как хорошо, что Андрейка уже принадлежит Иисусу! Он и своей матери поможет найти путь к Нему.

— Ты умный мальчик, Палко, — сказал пастух и погладил с робкой лаской кудрявую головку мальчика.

— Дядя Филиан, — снова заговорил Палко, — а когда же вы мне скажете, что полностью принадлежите Господу Иисусу?

Умоляющий нежный голос ребенка вызвал у мужчины слезы.

— Что тебе на это ответить, мой хороший... С тех пор как я поступил подобно Закхею, с моих плеч будто свалилась огромная тяжесть. Порой мне кажется, что Сын Божий действительно живет во мне, и когда я читаю Библию, чувствую: Он обитает в моем сердце и открывает мои слепые глаза. Не знаю, что еще надо сделать.

— Ах, дядя! — воскликнул Палко, прыгая от радости. — Да вы Его уже приняли! Он снял с вас грехи и взял их на Себя.

— Что ты говоришь, мальчик?! — изумился Филиан. — И это все?

— Да, это все. Мы просто должны Ему довериться. Вы ведь знаете, что Он говорит: «Придите ко Мне, измученные тяжкою ношей! Я дам вам отдых! Наденьте на себя ярмо Моих заповедей и у Меня учитесь: потому что Я мягок и кроток серд-

цем, и вы наконец отдохнете, ведь заповеди Мои просты и ноша Моя легка!»[1] Вы к Нему пришли, дядя Филиан, и Он вас успокоил!

— Я верю в это, мой мальчик; я верю и думаю так же, как Закхей. Христос пришел взыскать и спасти погибшее[2]; и Он искал меня, погибшего грешника, и я позволил Ему найти меня.

И когда старик и мальчик преклонили колени, радость и великое ликование было на небе, поскольку человек принял в свое сердце Иисуса Христа, ибо написано: «Тем же, кто принял Его, Он даровал право быть детьми Бога»[3]. Так ангелы записали новое имя в Книгу Жизни.

Первый раз Филиан от всего сердца молился Богу, Отцу своему. Он благодарил Иисуса Христа за Его смерть, за искупление и прощение, а еще за то, что Он прислал к ним Палко.

— Мне больше не нужно о вас молиться, — сказал Палко, поднимаясь с колен. — Но теперь я буду еще старательнее молиться об Андрейкиной маме, чтобы и она нашла Иисуса и доверилась Ему.

Мальчик взял дядю за руку, и они продолжили свой путь. На развилке Филиан свернул к пастбищу, а Палко — в сторону пастушьей хижины. Он напевал какую-то песенку, и эхо вторило ему с гор.

Все послеобеденное время ушло на уборку дома. Мальчики скоблили и подметали до тех пор, пока не осталось ни пылинки. Андрейка принес цветы, и дети сплели из них длинную гирлянду. Филиан прикрепил ее над дверью.

— Ну, мне пора, — сказал Палко, когда все было готово. — Андрейка, пойдем-ка со мной. Тут неподалеку я видел красивые-красивые цветы, ты их можешь нарвать.

— Правильно, как раз вовремя, — поддержал дядя, — идите вместе.

---

[1] Евангелие от Матфея 11:28–30.

[2] Евангелие от Матфея 18:11.

[3] Евангелие от Иоанна 1:12.

Андрейка охотно пошел с Палко. Мальчики весело побежали в лес, нашли цветочную поляну и нарвали чудесный букет.

— Давай немного отдохнем, — предложил Палко. — Андрейка, я хочу тебя кое о чем спросить: ты помнишь свою маму?

— Мою маму? — загрустил Андрейка. Он не ожидал этого вопроса. — Я почти не помню ее, Палко. Знаю лишь, что она была очень красивая и чудесно пела.

— А если бы она неожиданно пришла к тебе, ты бы обрадовался?

— Пришла ко мне? — широко открыв глаза, Андрейка смотрел на друга. — Она ведь не может сюда прийти, я принадлежу отцу, а не ей.

— Скажи-ка, Андрейка, что о твоей маме говорила женщина, у которой ты жил?

— Что моя мамочка любила театр больше меня и потому покинула нас.

— И ты в это поверил? — нахмурился Палко.

— Нет! Ведь я ее очень-очень любил.

— И не верь! Дядя Филиан мне все рассказал... В семье твоего отца ее не любили. Им не нравилось, что она простолюдинка. Ей пришлось уйти из дома и вернуться в театр. Надо же было на что-то жить... Твой отец привез ее издалека, уехать домой без денег она не могла. Что же ей оставалось делать? Я не знаю, что такое театр. Но если она там только пела, в этом нет ничего плохого. Знай она Господа Иисуса, как мы с тобой,

Он бы посоветовал ей что-нибудь другое. Он бы помог ей. И если твоя мама совершила дурной поступок, то в один прекрасный день, когда она познает Господа и попросит прощения, Он ей все простит. Мы должны рассказать ей о Нем.

— Мы? Но ведь она далеко отсюда!

— Не верь этому, Андрейка. Господь Иисус уже прислал ее к нам. Та госпожа в домике — твоя мама.

— Моя мама?! — вскочил удивленный Андрейка. — Да-да, это она! Она так похожа. И этот голос!.. Вот почему мне казалось, что я слышу знакомую сказку, когда говорил с ней и смотрел на нее. Я ее почти узнал. Но она... Она меня не узнала, — голос мальчика задрожал, и его глаза наполнились слезами.

— Как же она могла узнать тебя в этом крестьянском наряде?

— Ты так думаешь? — спросил Андрейка, немного успокоившись. — Палко, я пойду с тобой, она ведь не знает, что я ее Андраш.

— Она знает, Андрейка. Она все знает.

— Палко, миленький, возьми меня с собой; ведь я ее так огорчил, она чуть не умерла!

— Конечно, мы пойдем вместе! Это угодно Господу Иисусу.

Глава 8

Возвращение пропавших

Нет, никогда Андрейка не забудет этой встречи: дверь дома внезапно распахнулась, и на пороге показалась красивая женщина в нежно-голубом летнем платье. Она выронила из рук круглую соломенную шляпу и с криком «Мой Андрейка!» побежала к нему. Он бросился ей на шею со словами: «Мамочка, моя мамочка!» Мама опустилась перед ним на колени, обхватила, прижала к себе. Они еще долго плакали, а вместе с ними и Палко.

— Ах, мамочка, я так тебя люблю! Правда, я твой и ты меня больше никогда не бросишь? — спрашивал Андрейка, заливаясь слезами и покрывая поцелуями лицо матери.

— Да, ты мой! — утешала она его. — Я тебя никому не отдам! Но, Андрейка, нам надо спешить. Пойдем, голубчик, к дяде Филиану. Он позаботится о том, чтобы мы остались вместе.

Андрейка никогда не забудет, как они шли к пастушьей хижине, как радостно их встретили Филиан и Петр. О, это был великолепный день! Мама и ее служанка остались у них на ночь. Дядя что-то обсудил с Моравец, и Стево принес из домика Палко подушки, простыни, одеяла. Весь вечер Андрейка не отходил от своей мамочки ни на шаг.

Старый пастух рассказывал о хозяйстве, о своей жизни. Поужинав на свежем воздухе, они спели псалом и помолились по желанию дяди Филиана. Палко читал вслух притчи

из Евангелий от Иоанна и от Луки о добром пастыре, о женщине, потерявшей одну драхму, о блудном сыне, покинувшем доброго отца. Как же плохо ему жилось на чужбине, пока он в конце концов не вернулся к отцу! Затаив дыхание, все от мала до велика слушали Палко. Было очень тихо. Только огонь, потрескивая, разговаривал сам с собой. На небе уже появились первые звезды, полная багровая луна освещала вершины гор и пастбища. Временами с овчарни доносилось тихое звяканье колокольчиков. Вдруг Филиан поднял голову и заговорил каким-то странным прерывистым голосом:

— Пропавшая и найденная овца — это я, дорогие мои. Милостивый Бог простил все мои грехи. Господь Иисус искал меня и нашел, и я предался Ему. Поблагодарим Его за это.

И он с жаром начал молиться. Никто из присутствующих еще не слышал подобной молитвы. Эти минуты Андрейка тоже никогда не забудет.

Час спустя все стихло. Только Филиан, как обычно, обходил свои владения. Около деревянной пристройки он внезапно остановился. На скамейке, завернувшись в шаль, сидела госпожа Славковская. Обхватив руками колени, она смотрела на звездное небо, словно желая проникнуть в тайну этой красоты. Пастух смущенно кашлянул, давая знать о своем присутствии. Увидев его, молодая женщина указала на место подле себя, приглашая присесть. Старик повиновался.

— Дядя Филиан, вы сказали, что вы — пропавшая и найденная овца, — заговорила она. — А вот я одновременно и женщина, потерявшая свою драхму, и блудная дочь.

В ее голосе слышалась печаль.

— О чем вы говорите, госпожа? — спросил Филиан.

— Когда Палко читал о блудном сыне, о том, как великодушен был его отец, я вспомнила, как жестоко поступила с моим добрым и любящим отцом. И поэтому со мной случилось то, что должно было случиться.

Губы ее задрожали.

— Откройтесь мне, госпожа! Я стар и много повидал на своем веку. Я все пойму.

— Хорошо, дядя Филиан, я вам все расскажу. Вы спасли и заступились за мое несчастное дитя. Вы заботились о нем, как родной отец.

* * *

Вы, конечно, знаете, что я родилась за океаном, в Америке. Мои дедушка и бабушка приехали туда из Богемии[1] совсем юными. Это были благочестивые люди, во всем полагавшиеся на Бога. Они очень много работали, и Господь благословил их труд. Дедушка и бабушка смогли купить маленькую ферму, у них родились дети: Адальберт и Агнесса.

Но время шло. Дети выросли. Сын захотел учиться, и родители не стали препятствовать его желанию. Итак, Адальберт уехал, а дедушке пришлось нанять работника. Так в их дом вошел мой будущий отец. Дедушка и бабушка сразу полюбили своего земляка как родного. Однажды дедушка тяжело заболел. Решив, что его дни сочтены, он позвал моего отца и попросил, если для этого нет никаких препятствий, взять в жены Агнессу. Ему легче будет умереть, зная, что он передал близких в надежные руки. К тому же старик догадывался о любви своей дочери к этому доброму и красивому юноше. Мой отец попросил дать ему время на раздумье. Прямо из комнаты больного он пошел к Агнессе и долго-долго о чем-то беседовал с ней. Позже мама говорила, что отец рассказал ей о какой-то грустной истории, произошедшей с ним на родине. Так или иначе, но она согласилась стать его женой и никогда в этом не раскаялась. Мой отец был очень добр к матери. А дедушка выздоровел и еще долгие годы жил и работал вместе с зятем. Счастье улыбалось им, и вскоре они купили себе большую ферму.

Я была единственным ребенком у моих родителей. Дядя Адальберт, который к тому времени женился и стал профес-

---

[1] Официальное название Чехии (без Моравии) в 1526–1918 гг.

сором, посоветовал им отправить меня к нему, в Нью-Йорк. По его мнению, лишь там я могла получить хорошее образование. Дедушке это предложение понравилось, и с тех пор я жила дома только летом, а остальное время — в городе. Дядя открыл у меня огромный талант к пению, да и мои учителя это подтверждали. Без ведома родителей я стала брать уроки вокала, а дядя их оплачивал. Мне очень нравилось петь. Но еще большее удовольствие доставляли аплодисменты, которыми меня осыпали на школьных выступлениях. Тем временем на ферме произошли колоссальные перемены. Когда меня вызвали к умирающему дедушке, я с трудом узнала родной дом. Оказывается, неподалеку от него, в горах, проходили евангелизационные собрания. Их посещала и моя семья. Все мои близкие уверовали и признали Иисуса Христа своим личным Спасителем. Мне никогда не забыть спокойной кончины дедушки и того, с каким самообладанием перенесла эту тяжелую утрату бабушка. Тогда-то первый раз в жизни я убежала от отца и матери. Мои дорогие родители организовали домашнюю церковь, где пели псалмы в честь Христа, свидетельствуя о Нем, о Его искуплении. Но я не хотела петь эти песни. Я задыхалась дома...

С глубокой печалью отпустил меня мой добрый и любящий отец. Но он надеялся, что после окончания школы его единственная дочь вернется к нему. Всеми своими помыслами родители были со мной, все свои сбережения они откладывали для меня. Но мне нравилось в Нью-Йорке у дяди. Мы были с ним очень близки. Он тоже не желал идти тем узким путем, который вел к вечному блаженству.

После смерти дедушки прошло полгода. Школа осталась позади. Моей мечтой был оперный театр. Но родители не хотели об этом даже слышать. Я просила, заклинала, упрашивала, проливала слезы, но все было напрасно. Отец относился ко мне с ангельской добротой, в то время как у матери и бабушки терпение уже иссякло. Но я никак не могла уговорить его разрешить мне стать певицей, он оставался непреклонен и тверд, как скала. И тогда я ослушалась своего отца...

— И что же вы сделали? — спросил дядя Филиан.

В ответ раздались горькие рыдания.

— Покинула родной дом, оставив письмо, в котором объясняла, что люблю мир и хочу жить в нем. Я писала, что стремлюсь к почестям и славе и не намерена оставаться на ферме. Мой дорогой отец приехал за мной в Нью-Йорк. Он умолял меня вернуться, но я была непреклонна. «Когда мир с его суетой, тщеславием и пустотой станет для тебя мыльным пузырем, когда твое сердце испытает разочарования и отчаяние, вспомни, что у тебя есть отец, и вернись домой! А сейчас наши дороги расходятся! Да, мы идем по узкому пути, но он ведет на небеса. Ты предпочла широкую дорогу. Это путь в пропасть, доченька. Наши молитвы защитят тебя, подобно огненной стене. Однако тебе придется испытать немало страданий из-за того, что наши молитвы помешают тебе идти выбранным путем». Это были его последние слова. Ах, дядя Филиан, я предпочла широкий путь. Вскоре ко мне пришло признание. Передо мной, простой фермерской дочкой, распахнулись двери высшего света. Меня носили на руках. Подобно блудному сыну, я позабыла своего отца. Тут появился Гемерский, и я, не раздумывая, последовала за ним. Ради любви я была готова пожертвовать всем, даже славой! Он обещал, что, став его женой, я смогу продолжать петь. Пока мы жили в Америке и Италии, Гемерский не нарушил своего слова. Но когда мы приехали на его родину, муж запретил мне выступать на сцене. А потом все случилось так, как предсказывал мой дорогой отец. Но об этом я не хочу говорить... Согласитесь, дядя Филиан, я и есть блудный сын.

— Блудный сын вернулся домой, госпожа, а вы пока не сделали этого.

— Что правда, то правда, я все еще не вернулась домой. Мне было стыдно предстать перед отцом обманутой, бедной и покинутой. После развода я обратилась к дяде с просьбой о помощи, и он прислал небольшую сумму денег со строжайшим наказом: вернуться к мужу или помириться с родителями. Но я не желала раскаиваться. Мне казалось, что люди поступили

со мной дурно, что они причинили мне зло и я ни в чем неповинна... Надо было как-то жить дальше, и я вернулась в театр, но уже с разбитым сердцем. Обо мне опять заговорили. Мир снова лежал у моих ног, однако теперь я осознала всю его порочность и безнравственность. Отец оказался прав: я не могла грешить, как другие, и поэтому мне приходилось много страдать. В конце концов я не выдержала... Жизнь моя обернулась горьким разочарованием. Мое здоровье пошатнулось, я ушла со сцены и начала искать сына. Мне хотелось еще раз взглянуть на него перед смертью. Вот и все!

— О нет! — улыбнулся дядя Филиан, вставая. — Вы ошибаетесь, госпожа. Эта история закончится тогда, когда дочь вернется сначала к своему Небесному Отцу, а потом и к земному. Тот, Который принял меня, примет и вас. Но нам пора спать, вам нужен отдых. Помните, может, как раз в эту секунду ваш земной отец, там, за океаном, молится о вас. А Небесный Отец так возлюбил нас, что послал к нам Своего Единственного Сына [1]. Спокойной ночи!

Луна уже стояла высоко над хижиной пастуха и освещала ее спокойным ласковым светом. Похолодало. На чистом небе сияли крупные белые звезды. Все вокруг погрузилось в глубокий и безмятежный сон.

---

[1] Евангелие от Иоанна 3:16.

Глава 9

Отголоски прошлого

Утром приехал доктор. Не успел Андрейка оглянуться, как экипаж увез его мамочку, дядю Филиана и доктора в город к адвокату. Перед отъездом старый пастух попросил Палко сходить со своими маленькими друзьями в лес, где ничто не помешает молитве за успех предпринимаемого дела. Дети верили, что Господь обязательно услышит ее.

Было далеко за полночь, когда дядя Филиан вернулся домой. Мальчики уже спали. На следующий день старик сообщил им, что все прошло удачно, но результат переговоров станет известен только через неделю.

Ах, что это была за неделя! Подобного мальчикам еще не доводилось переживать. Они каждый день навещали с Андрейкой его маму, да и она приходила к ним в гости. И если госпожа Славковская засиживалась допоздна, то с радостью оставалась ночевать, а Моравец шла домой одна. Ее охотно провожал Петр — ведь тетя всегда угощала его чем-нибудь вкусненьким. Андрейка спал рядом со своей мамочкой, и это было так чудесно! Она садилась на край его постели и, рассказывая чудесные истории, гладила и целовала сына, пока тот не засыпал, убаюканный ее нежным голосом. Зато утром он будил ее, ласково обнимая и целуя. Потом, если позволял дядя Филиан, Андрейка провожал маму домой. По дороге он показывал ей пастбища. Они осматривали стада и беседовали с пастухами. Его мать обходилась со всеми так приветливо и чутко! А как благотворно действовали на нее эти про-

гулки! С каким аппетитом она потом принималась за еду! Как сладко спала, утомленная дорогой, но подкрепленная чистым горным воздухом!.. Андрейка радовался, что его мама испытывает искреннее расположение к дяде Филиану. В свою очередь старый пастух относился к ней как к госпоже — с почтением, но при этом окружил заботой и любовью, как родную дочь.

В субботу Андрейка должен был навестить маму. На этот раз на обед пригласили и его товарищей, даже Дунаю и Фиделю позволили прийти в домик Палко. Белая кошка их больше не боялась, и собаки, заметив это, потеряли к ней всякий интерес.

Мальчик радостно вбежал в комнату и вдруг испуганно замер. Его любимая мамочка сидела за столом с письмом в руках и... горько плакала. Ах, как она горько плакала! Конечно, она попыталась улыбнуться, когда Андрейка подбежал к ней, обнял и поцеловал, но затем слезы вновь неудержимым потоком хлынули из ее глаз.

— Мамочка, почему ты плачешь? — тревожно спрашивал мальчик. — О ком ты плачешь?

— О себе, мой голубчик. Я очень-очень скверная.

Разве мог Андрейка согласиться с этим? Ему казалось, что его мама — ангел. И тут мальчик вспомнил, как вчера они прочли такие слова: «...все согрешили и все лишены сияния Божьей славы. И все оправданы даром, по Его доброте, через Иисуса Христа, выкупившего их на свободу. Бог предназначил Ему стать жертвой, кровью которой будут очищены все поверившие Ему. Бог явил Свою справедливость, простив грехи, совершенные в прошлом...»[1] А еще Палко сказал, что до тех пор, пока человек не осознает себя грешником, Господь Иисус не может приблизиться к нему, так как врач нужен не здоровым, а больным[2]. А дядя Филиан добавил, что только Дух Святой способен показать это. Значит, Святой Дух уже начал

---

[1] Послание римлянам 3:23–25.

[2] Евангелие от Марка 2:17.

действовать в сердце его мамочки. Уже скоро она встретит Спасителя!

— Но почему, мамочка, ты думаешь, что ты нехорошая? — робко спросил Андрейка.

— Потому что у меня добрый отец, а я его так огорчила. Видишь, сегодня впервые, после стольких лет разлуки, я написала ему письмо.

— Ты же попросила у него прощения?

— Да, мой хороший, попросила. Вот только сможет ли он простить меня за столь большую вину?

— Отец простил блудного сына [1], потому что любил его, — очень серьезно ответил мальчик. — Разве твой отец не любит тебя, мамочка?

Молодая женщина печально вздохнула. Больше она не плакала.

— Поверь, мамочка, если ты вернешься к нему, он тебя примет.

— Посмотрим, что-то он ответит на мое письмо.

— Скажи, ведь твой отец — мой дедушка?

— Да, мой дорогой. Если Господь позволит и ты будешь всецело принадлежать мне, мы поедем к нему, и ты поможешь мне вымолить прощение. Тебя он поймет лучше: вы оба любите Господа Иисуса, вы оба Его овечки.

— О, дедушка тоже любит Господа Иисуса! — обрадовался Андрейка. — Тогда он обязательно тебя простит!

Но тут им пришлось прервать разговор: Моравец позвала их к столу. После обеда дом наполнился смехом, разговорами и суетой. Андрейка не мог нарадоваться на свою мамочку. Выглядела она теперь лучше, даже повеселела. Молодая женщина

---

[1] Евангелие от Луки 15:11–32.

взялась обучать детей всяким увлекательным играм. А потом пошла с ними к скале, и тут Палко в очередной раз рассказал, как нашел свою Страну солнца. Вспомнил и о том, как в детстве потерялся и воспитывался у чужих людей, как Господь Иисус позаботился о нем и снова привел к любимым родителям. Госпожа Славковская расспрашивала Палко о его матери. Мальчик рассказал, что, скорбя по своему сыну, она лишилась рассудка, а потом чудесным образом выздоровела.

Наступил безмятежный летний вечер. Заря окрасила его в легкие розовые тона. Солнце, уходя на покой, озаряло последними лучами тихую долину и людей, задумчиво сидевших у огня.

— Говорят, вы очень хорошо поете, — нарушил молчание Палко, обращаясь к матери Андрейки. — Ради вашего пения люди приезжали с другого конца земли. Мы бы тоже хотели услышать ваш чудесный голос. Пожалуйста, спойте нам что-нибудь.

— Ах, Палко, — ответила она, покачав головой, — тебе вряд ли понравятся мои песни. Да и потом, вы все равно не поймете слов, ведь я пела на английском и итальянском и очень редко на вашем родном языке. А еще мои песни совсем не подходят к этим мирным горам и этому святому вечеру. Но подожди, дай подумать...

Стояла такая мертвая тишина, что было слышно, как растет трава; только за лесом, в лугах жалобно пела флейта. Госпожа Славковская молчала, опустив голову, как будто что-то припоминая.

— Я вспомнила одну словацкую песню. В ней говорится о тонущем корабле. Хотите, я вам ее спою?

— Да, да, — попросили мальчики хором.

В это время к ним подошел дядя Филиан и сел рядом. Какое чудо, что Творец одарил человека голосом! Никакой инструмент не может сравниться с ним! В голосе

слышится звон металла, дуновение ветра, журчание ручейка, рокот пенящихся волн.

И вот над спящей долиной раздались звуки грустной словацкой песни:

Кто может противостоять,
кто в состояньи устоять
против ужасной мрачной мощи,
что темной, бурной, страшной ночью
корабль гнет, и рвет, и топит?
Его в могилу, в бездну гонит.
Корабль трещит, ко дну идет.
Его конец зловещий ждет...
Ему нет помощи, спасенья
в минуту кораблекрушенья.
Напрасно руки простирают,
напрасно горло надрывают.
Напрасны крики, вопли, стоны...
Ведь тут бессильна власть мамоны...
Мерещатся родные лица,
они проходят вереницей...
И чудятся уже объятья:
ведь ждут родители и братья.
Но не вернуться им домой,
им не увидеть дом родной...
О, никогда не быть им дома,
им не обнять детишек снова.
Вода лишь властвует кругом...
Им не вернуться в отчий дом.

Когда-то она пела эту песню перед огромным залом и люди — богатые и искушенные — не скрывали своих слез. Сегодня ее слушали три маленьких мальчика и старый пастух, но с ними, казалось, плакала сама природа. Больше всех сокрушался дядя Филиан. Палко обвил руками его шею и плакал вместе с ним. Он его хорошо понимал. Пароход, на кото-

ром уплыл Иштван, тоже затонул в пучине океана... Напрасно близкие простирали к нему руки... Иштван не вернулся домой.

Никто из присутствующих и не подозревал, что на свете есть подобное чудо — голос женщины, так ярко передававший содержание песни: в нем слышался треск тонущего корабля и отчаянные крики моряков, потерявших надежду на спасение... А последние слова: «Им не вернуться в отчий дом» — звучали все тише и тише, словно доносились из глубокой водной могилы, поглотившей свои жертвы и скрывшей их в ревущей бездне. Когда мать Андрейки заметила, какое впечатление произвело ее пение, она неожиданно — еще утром молодая женщина сочла бы это невозможным — запела сначала тихо, а потом громче столь ненавистную ей в юности песню:

Твердо я верю: мой Иисус!
Им я утешен и Им веселюсь,
неба наследье хочет Он дать,
как же приятно им обладать!
Твердо я верю: с часа того,
как я отдался, дитя я Его.
Мир наполняет сердце мое,
в Нем нахожу я хлеб и питье.
Твердо я верю: сильной рукой
он простирает Свой кров надо мной,
что б ни случилось, радостен дух:
вечно со мною Пастырь и Друг.

Едва она кончила петь, к ней подошел растроганный дядя Филиан и произнес дрожащим, прерывающимся от рыданий голосом:

— Благодарю вас, госпожа Славковская. Первая песня разбередила незаживающую рану в моем сердце. О, как же я страдал! Но вторая исцелила ее. Да вознаградит вас Господь за это! Об одном лишь прошу: перепишите нам вторую песню и научите ее петь.

Мать Андрейки пообещала выполнить просьбу старика и попросила прочесть вечернюю молитву; она очень устала и хотела отдохнуть. Вскоре глубокая тишина воцарилась вокруг. Все застыло в объятьях сна, ночь раскинула звездное покрывало над пастбищем.

Глава 10

Правда открылась

Ясным воскресным утром, когда все еще сидели за завтраком, весело пожелав присутствующим доброго утра, в комнату вошел доктор. Он протянул какие-то бумаги госпоже Славковской. Прочитав их, молодая женщина порывисто обняла сына, плача и смеясь от счастья.

— Андрейка, дитя мое, теперь ты можешь открыто говорить: наши пастбища, наши стада. Я купила все это для тебя, это все твое. Вот только не знаю, вправе ли мы сказать: наш дядя Филиан. Его-то я не могу купить, наш старый добрый Филиан должен сам решить, останется ли он у нас. Попроси дядю об этом, мой милый.

— Не надо просить, — засмеялся Филиан. — Если вы довольны мной, то я охотно останусь!

Через несколько дней в округе заговорили, что госпожа Славковская купила имение и собирается его перевести на имя Андрейки, как только Гемерский уступит ей права на воспитание сына. Никто не сомневался: согласие будет получено.

Управляющий спешно отбыл к новому месту службы. Госпожа Славковская надеялась найти ему хорошую замену — человека, который привел бы имение в надлежащий порядок; служащим молодая хозяйка обещала повысить жалованье. Общее ликование охватило всех. Казалось, даже овцы чувствовали, что Андрейка стал их владельцем — они весело скакали, звеня колокольчиками.

Вскоре на пастбищах можно было услышать «песню нашей госпожи», как называли ее пастухи, — «Твердо я верю, мой

Иисус...». Мальчики с готовностью повторяли ее слова всем желающим. Тетя Моравец, увидев, как дорога и детям и взрослым эта песня, дала Палко песенник, привезенный из Америки. Андрейка снова и снова просил мать петь им, и она пела. Каждый день они разучивали новые песни. Ребятишки не догадывались, что именно из-за этих песен молодая женщина когда-то покинула родительский дом.

* * *

В тот вечер Палко читал то место из Библии, где написано, что Иисус пошел в Капернаум [1] и остался там жить, потому что в Назарете Его не приняли.

— То же самое происходит и сегодня, — добавил Палко. — Многие не хотят принять Иисуса, но Он никого не принуждает, как и жителей Назарета. И если Он уйдет, то навсегда. Печально, если наши пастбища уподобятся Назарету и Ему придется оставить нас и уйти в Капернаум. Иисус — Свет [2], Он также и великий Врач! Сколько больных Он исцелил в одном только Капернауме! [3] Но где Его нет — там мрак и тьма.

В глубокой задумчивости все отправились спать. Сквозь сон Андрейка слышал, как плачет его мама. Утром мальчик тихонько склонился над ее кроватью. Лицо молодой женщины осунулось. Было ясно: она провела тревожную бессонную ночь. Андрейка на цыпочках вышел во двор.

Однажды в домик зашел по делам Иошко. Тетя Моравец сытно накормила его, а потом как-то незаметно для себя раз-

---

[1] Евангелие от Марка 6:1—6.

[2] Евангелие от Иоанна 8:12; 9:5.

[3] Об этом можно прочесть в Евангелии от Матфея (8:5—17) и в Евангелии от Иоанна (4:46 —53).

говорилась с молодым пастухом. Иошко хвалил свою новую хозяйку за то, что она приветливая, добрая и красивая. Неожиданно юноша сказал с глубоким сочувствием:

— И почему только господин Гемерский развелся с ней? Второй такой женщины в целом свете не сыскать!

— Это она оставила его! — воскликнула тетя с сердцем, и ее лицо стало мрачным. — Господин Гемерский скверный человек. Уж как она его любила, как доверяла! У моей хозяйки до замужества было большое состояние, но он быстро все спустил в карты. Когда мы приехали в Будапешт, денег уже не было. Гемерский хотел, чтобы жена снова начала петь, но этому воспротивились его родственники. У госпожи еще оставались драгоценности, и он все время пытался прибрать их к рукам, говоря, что надо отдать их в банк на хранение. Как бы не так! На самом деле он опять проигрался на скачках. Заметив, что я предостерегаю ее от этого, Гемерский разлучил нас. Выдумал, будто я стремлюсь их поссорить. С тех пор бедняжка осталась совсем одна, некому было за нее заступиться, дать совет. Без денег, без драгоценностей. Его родственники стали смотреть на нее свысока, а он — плохо с ней обращаться. Госпожа родилась в Америке, а там с женщинами ведут себя иначе. И все же она терпела целый год. Она любила его! И вот как-то на званом вечере хозяйка увидела свою брошь на одной даме. Оказалось, та купила ее в ломбарде.

Тетя Моравец замолчала. Было видно, что ей неприятны эти воспоминания. Но, глубоко вздохнув, она продолжала:

— В окружении моей госпожи нашлось немало бессердечных людей, не постеснявшихся открыть ей глаза на то, что Гемерский обманывал ее и любил только ее деньги. Это стало для нее страшным ударом. Она не захотела оставаться с ним ни минуты боле, собрала вещи, взяла Андрейку

и бежала в Вену. Я бросилась за ней и обнаружила свою хозяйку уже тяжело больной. Она потребовала от мужа вернуть ей часть имущества. Он, в свою очередь, предъявил претензии на сына. Чтобы у нее не отняли мальчика, она привезла его в Эрцгебирг в мою семью. О нем там очень хорошо заботились. Но Гемерский подал в суд, и по окончании процесса Андрейку у нас забрали. Госпожа настаивала на возврате вещей. Ей прислали лишь самое необходимое. Все, что у нее оставалось: кое-какие драгоценности, ковры, мебель, вазы — поделили между собой родственники Гемерского. Моя госпожа нигде не могла найти поддержки и защиты. Выбраться из нужды ей помог дядя. Благодяря его деньгам мы смогли уехать в Берлин, затем отправились в Рим, а оттуда в Париж. Госпожа снова начала петь, и не только ради денег, — она хотела восстановить свою репутацию. Видишь ли, Иошко, Гемерский распускал о ней нелепые грязные слухи. Потом мы поехали в Англию и, наконец, в Россию. Там ей жилось хорошо. Если бы она захотела, стала бы княгиней, но мужчины ее больше не интересовали. На что только они не шли, стараясь завоевать благосклонность моей госпожи! Но чем решительнее отвергала их хозяйка, тем ожесточенней они ее терзали и мучили. Она бесконечно устала от такой жизни, бедняжка. У нее осталось лишь одно желание: увидеть перед смертью сына. Долгие годы мы разыскивали его, и все безрезультатно. От горя и тоски она тяжело заболела, и тут, по Божьему промыслу, на помощь пришел наш дорогой старый доктор. Он привез нас сюда. Теперь тебе известно, почему моя госпожа ушла от Гемерского.

— Ну и негодяй! Он же обманул ее, обокрал! — возмущался Иошко. — Если кто-то украдет курицу или гуся, его сажают в тюрьму, а нашему бывшему господину все сошло с рук! Но она, бедняжка, должна подать на него в суд. Гемерский обязан ей все вернуть.

— Конечно, обязан, но она этого не хочет. Ее не интересуют деньги. Она ищет только покоя. Но я-то совсем другое дело! Должна тебе признаться, Иошко, я написала нашему адвокату об этой истории с драгоценностями и посоветовала при-

грозить судом в том случае, если господин Гемерский добровольно не отдаст сына. Но умоляю тебя: моя дорогая хозяйка не должна ничего знать. Адвокат — наш хороший друг, он честный человек, не такой, как был у нас раньше.

То, что Иошко услышал от тети Моравец, он, конечно же, сразу рассказал приятелям. Вскоре все работники знали, что за человек Гемерский. Причем он так низко пал в их глазах, что его даже перестали считать господином. А вот свою новую хозяйку пастухи жалели. Им очень хотелось, чтобы она поскорее получила документ, удостоверяющий ее право на ребенка. Все были приветливы и дружелюбны с госпожой Славковской, она же ходила печальная, отрешенная. Лишь в обществе мальчиков молодая женщина оживлялась.

Впрочем, грустила не только она. Дядя Филиан, Петр и Андрейка тревожно считали дни до приезда Лессинга, отца Палко. Узнав о том, что мальчик скоро покинет их, госпожа Славковская побледнела; ее сердце готово было разорваться при мысли о разлуке с Палко. Она даже не могла себе представить, что больше его не увидит. На следующий день Палко провожал ее до хижины.

— Палко, — спросила она у него с трогательной мольбой и взяла мальчика за руку, — ты хочешь от нас уехать?

— Да, госпожа. На следующей неделе вернется отец. Мы обработаем лес, а это дело нескольких дней, и уедем.

— Тебе, конечно, очень хочется вернуться домой?

— Очень, — застенчиво признался Палко. — Я так давно не видел маму, бабушку, дедушку! Да и они, наверное, по мне соскучились. Но скоро, совсем скоро мы снова будем вместе.

— А тебе не жалко расставаться с твоими друзьями? Они плачут при одной мысли о разлуке...

— Конечно, жалко. Я буду скучать по дяде Филиану. Я полюбил его так же сильно, как священника Малину. Благодарю Господа за то, что дядя здоров. Он может свидетельствовать всем своим знакомым об Иисусе Христе. Но одно меня огорчает, госпожа: я покидаю вас, не узнав, изменилось ли ваше отношение к Иисусу! Вы нам подарили такие прекрасные пес-

ни!.. Я всю жизнь буду вам за это благодарен. Вы пели, точно ангел, спустившийся с небес!

Немного помолчав, Палко добавил:

— Но ведь вы не верите тому, о чем пели. И если я, маленький мальчик, так страдаю от вашего неверия, то как же больно это ранит Иисуса! «В руках я Иисуса, я у Его груди, навек покой мне дал Он в Своей ко мне любви» — вы сами научили нас этой песне, госпожа. Вы видели так много зла, вы так печальны... О, Иисус мог бы вас утешить! Но если вы, как жители Назарета, позволите Ему уйти, Он уйдет навсегда, и вы Его потеряете. И тогда вы будете одинокой всю свою жизнь. Андрейка рассказал мне о вашем отце. И он, и Андрейка — овечки Иисуса; они оба в один прекрасный день пойдут к Господу, а вы останетесь одна... — Глаза ребенка наполнились слезами.

— Не плачь, — сказала растроганно молодая женщина, — я не хочу походить на жителей Назарета. Я охотно пошла бы узким путем, но я еще не нашла его. Я слишком грешна для того, чтобы Бог принял меня. Пока мой земной отец не простил меня, я не могу искать Божьего лица.

На этом разговор прекратился. У скамейки Палко и госпожа Славковская остановились, увидев спешащую им навстречу тетю Моравец, бледную, как ее платок.

— Телеграмма! Госпожа, вам надо расписаться...

У спутницы Палко подкосились ноги. Она опустилась на скамью, подписала бланк и передала его тете. Затем дрожащей рукой распечатала телеграмму. Все поплыло у нее перед глазами. Она протянула телеграмму мальчику:

— Умоляю, читай вслух!

И тот прочитал: «Нью-Йорк тчк сажусь пароход тчк еду к вам тчк твой любящий отец».

— Это правда, Палко? Правда? Там действительно так написано?

— Да.

— Ах, мой отец! Мой милый, добрый отец! Он приедет к нам, он любит меня, он меня простил! Палко, помоги мне, это слишком, слишком... — голос госпожи Славковской вдруг оборвался.

Женщина упала на колени, закрыв лицо руками. Казалось, вся ее душа была в лихорадочном состоянии. Палко начал тихо молиться: «Благодарю Тебя, Господь Иисус, что он едет, что он простил ее и любит ее. Но он еще далеко, а Ты здесь. Когда она попросит прощения у Тебя, Ты простишь ей, ведь Ты любишь ее еще больше. Аминь».

«Смерть и жизнь — во власти языка...»[1] В словах Палко была жизнь. Госпожа Славковская поверила, что Иисус действительно с ними, что Он пришел и к ней. Когда-то она бежала от Него, но теперь она не хочет убегать. О нет! Она осознала, что согрешила против Него; она сопротивлялась, уйдя от Него на гибельный путь; она пренебрегала Им, когда Он простирал к ней пронзенные руки. Она не хотела петь во славу Ему, ненавидела эти песни. Она желала петь для людей, а они разбили ее сердце. Он же, Которым она пренебрегала, еще раз смиренно пришел к ней. Она не хотела слушать знаменитых проповедников, и Он послал к ней с проповедью ребенка. Ребенок привел ее к ногам доброго Пастыря, и добрый Пастырь принял ее.

Госпожа Славковская молилась по-английски, и Палко не понимал, о чем просит эта женщина. Но по ее голосу мальчик слышал, что Господь Иисус был с нею и она беседовала с Ним. Тихо встав, Палко благоговейно покинул то место, которое теперь принадлежало только Иисусу Христу и ей.

---

[1] Притчи Соломона 18:22.

Глава 11

Свидание

«Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день», — сказано в Писании[1]. И это верно. Никто и не подозревал, что утром тяжело заболеет мать Андрейки. Доктор очень встревожился. Он предполагал, что причиной болезни стало известие о приезде любимого отца госпожи Славковской. Лишь Палко и дядя Филиан знали, что послужило истинным толчком к этому нервному потрясению, и неустанно молились о больной. Она же никого не узнавала и лежала на кровати как прекрасный сорванный цветок. Напрасно Андрейка разговаривал с нею, напрасно целовал ее руки. Одно только утешало мальчика: во сне ее лицо становилось радостным и просветленным. Иногда в бреду молодая женщина пела чудесные песни в честь Агнца Божьего и балладу о кораблекрушении. Так, без каких-либо перемен, прошло две недели.

Между тем вернулся отец Палко, разобрался с самыми насущными делами и снова уехал. И на этот раз он не взял сына с собой. Лессинг знал, что Андрейка тяжело перенесет разлуку, и не хотел огорчать его. Мальчик так и льнул к своему старшему товарищу, словно перепуганный птенец, который лишился гнезда. Доктор опасался, что он без Палко может расхвораться. Дядя Филиан обещал Лессингу лично доставить мальчика домой, как только госпоже Славковской станет луч-

---

[1] Притчи Соломона 27:1.

ше. У отца Палко не хватило мужества увезти сына — ведь больная узнавала только его. Всякий раз, когда Палко читал ей Библию, она смотрела на него, жадно вслушиваясь в слова. В такие минуты мать Андрейки была тиха и счастлива.

Тем временем из Парижа пришел ответ. Но бедная женщина не догадывалась, что отныне Андрейка, сидевший подле нее с бледным осунувшимся лицом, всецело принадлежит ей. Не знала она и того, что ее отец благополучно прибыл в Гамбург и уже в субботу должен был появиться на пороге их дома. Опечаленный дядя Филиан стоял у постели больной с телеграммой, а тетя Моравец горько плакала:

— Что же нам делать? Ее отец приезжает издалека. Он ни о чем не подозревает. Как он себя поведет, если узнает, что его телеграмма так потрясла госпожу? Ведь именно из-за нее хозяйка слегла в горячке. Еще в России врачи предупреждали: однажды ее нервы не выдержат. Ах, бедняга! Он хотел порадовать дочь, и вот как все обернулось!

— Все, что Бог допускает, — к лучшему, — ответил Филиан кротко. — Не беспокойтесь; я его встречу и ко всему подготовлю.

— Дядя Филиан, возьми меня с собой, — просил Андрейка, устремив на старика полный напряженного ожидания взгляд.

— Я пойду пешком, мой хороший, это для тебя слишком далеко, — мягко возразил старик. — Оставайся с мамой и жди дедушку здесь. На станции я возьму экипаж и вечером, около восьми, мы будем на месте.

Филиан нежно и бережно поцеловал мальчика, и вот уже его высокая фигура исчезла в зарослях. Старый пастух, пытаясь сократить путь, шел лишь одному ему известными лесными тропками. И все же он вышел на шоссейную дорогу, ведущую на станцию, только через два часа. Неожиданно Филиан остановился и посмотрел на восток, где над одной из скал возвышался крест. Ах эти воспоминания!.. Старику вдруг показалось, что ему вновь девятнадцать лет. Его охватило непреодолимое желание подойти к кресту, опереться на него и посмотреть вниз, на ту тропинку, по которой когда-то ушел

в небытие Иштван... Через несколько секунд он оказался у креста и припал к его подножию. Неописуемые сердечные муки охватили его, словно кто-то недобрый желал уверить, что грехи не прощены. Но в этот миг все вокруг будто запело:

Твердо я верю: мой Иисус!
Им я утешен и Им веселюсь,
неба наследье хочет Он дать,
как же приятно им обладать.
Твердо я верю: с часа того,
как я отдался, дитя я Его!
Мир наполняет сердце мое,
в Нем нахожу я хлеб и питье.

Да, Иисус Христос всю его вину пригвоздил к кресту и простил старика Филиана, омыв Своей святой кровью. Почему же тогда он здесь стоит? Там, в доме, при смерти лежит мать Андрейки. Ее отец приехал из-за океана к своей дочери, и он должен его встретить.

Филиан стремительно поднялся с колен, отряхнул пыль, еще раз обнял крест и посмотрел вниз, как много-много лет тому назад.

И тут он увидел стройного, хорошо одетого мужчину, поднимавшегося по тропинке в гору, туда, где когда-то стоял их дом. Как же печально было это место! Пепелище поросло густой крапивой, крепкими мясистыми лопухами, вездесущим кипреем. Лицо незнакомца затуманилось. Ах это лицо! У Филиана болезненно сжалось сердце.

Старик, словно обессилев, закрыл глаза и открыл их только тогда, когда услышал приближающиеся шаги. Он поднял голову и увидел незнакомца.

— Добрый вечер! — приветливо произнес путник.

— Иштван! — вырвалось из груди Филиана.

— Петр! Ты ли это?!

— Иштван! Ты жив? Но это невозможно! — старый пастух невольно отступил назад.

— Я жив, Петр, жив. И наконец-то я здесь. Конечно, я вернулся слишком поздно... Долго, очень долго я не знал, что любимая, разлучившая нас, уже в вечности. Я не хотел причинять боль ни ей, ни тебе. А теперь я приехал за моими «сокровищами», ведь ты сохранил их для меня.

— За твоими сокровищами? — пораженно переспросил Филиан, который все еще не верил своим собственным глазам. Он с наслаждением слушал этот удивительный голос, звучащий для него слаще музыки.

— Ну да, за моими сокровищами. Но что ты здесь делаешь?

— Я должен встретить отца моей госпожи. Вот иду на станцию.

— Тебе не нужно никуда идти. Это я.

— Ты?! Не может быть!

— Но это так! А теперь дай-ка я на тебя посмотрю. Как же ты изменился! Какой ты стал сильный и могучий. Точно наши прекрасные горы. Я бы тебя никогда не узнал, разве только по голосу и по глазам. Знаешь, ведь у тебя орлиные глаза. Да и потом, никто, кроме тебя, не называл меня Иштваном.

— Я в растерянности... Ничего не понимаю... Но скажи мне, ради всего святого, как же ты уцелел? Мы узнавали: твой пароход утонул.

— Это правда. Просто мне удалось спастись. Несколько человек подобрало шедшее мимо судно. Среди них был я. Бог не хочет смерти грешника, Он не дал мне погибнуть. Я добрался до Америки и устроился на ферму господина Славковского. Дочь написала мне, что она все тебе о нас рассказала. Ты знаешь, о чем попросил меня мой хозяин. Я исполнил его волю. Он же посоветовал мне взять его фамилию, потому что я хотел исчезнуть из жизни своих близких. Его жена, сын и в особенности моя дорогая супруга с этим согласились. Так «умер» Иштван Прибылинский и появился Стефан Славковский. Вернуться домой и жить с вами, как мечтал наш отец, я не мог. Ивка была твоей женой, а я любил ее. Тогда я еще не знал Бога и Иисуса Христа и ничего не понимал в Его священных заповедях. Но одно знал точно: грешно и опасно для всех нас жить вместе, и потому решил «умереть».

Иштван замолчал, а из груди Филиана вырвался глубокий вздох. Глаза старого пастуха наполнились слезами.

— Ты ради нас хотел быть «мертвым», а я все это время считал себя убийцей, Каином.

— Ты? Почему?

— Мне казалось, — заговорил старик сдавленным голосом, — что я второй раз утопил тебя, вынудив эмигрировать в Америку. Думаю, ты должен знать, Иштван: Ивка любила тебя. Не стань я на вашем пути, вы бы жили долго и счастливо. А со мной она тихо угасла. Ее подточила тоска. Вскоре умер и наш отец. Я ухаживал за матерью до самой ее смерти, но не мог заменить ей тебя. Взгляни на это пепелище. Здесь когда-то стоял наш дом. Как же мы были в нем счастливы! Когда один за другим ушли в мир иной мои близкие, я поступил на военную службу, а дом сдал в аренду соседу. И вот что осталось от нашего дома! Он сгорел. Я не мог, да и не хотел отстраивать его заново. К чему? Я был один как перст.

Вокруг все стихло, казалось, сама природа прислушивалась к тому, что происходит в сердцах братьев. Наконец Иштван заговорил.

— Прости меня, Петр, — сказал он тихо. — Я причинил вам немало горя. Долгие годы я пребывал в заблуждении, думал, что ты счастлив с детьми и Ивкой. О, как же я ее любил! Ослепленный своей любовью, я не мог побороть в себе зависть, ревность и недоброжелательство. А ты!.. Ты все это время томился в одиночестве. Я раскаиваюсь в том, что не давал о себе знать. Однажды, когда до меня дошло известие о смерти отца, я написал письмо матери, но не отослал его. «Лукаво сердце *человеческое* более всего и крайне испорчено...» — говорится в Писании [1]. Я должен был сообщить, что жив и здоров. Из-за моего молчания ты испытал невыразимые страдания, да и матушке я нанес смертельный удар. Но я поплатился за все, когда мое единственное дитя покинуло меня. И вот почти через десять лет мы наконец-то встретимся с ней. Здесь, на этой земле.

---

[1] Книга пророка Иеремии 17:9.

И тут Филиан встрепенулся.

— Пойдем, Иштван, мы не можем больше задерживаться, смеркается.

Они встали.

— Внизу меня ждет экипаж. Остальное обсудим по дороге...

Братья ехали по родным, до боли знакомым местам. В целом мире не было для них земли желаннее, чем эти горы и долины. Они так с ней срослись, что один чуть не угас из-за тоски на чужбине, а другой просто жизни без этой земли не мыслил. Но сейчас ни Петр, ни Иштван не обращали внимания на эту красоту. Господин Славковский уже знал, в каком состоянии находится его дочь. Только Добрый Пастырь мог спасти больную овечку, которая вернулась к Нему[1].

Он увидел свою Марию надломленной. По ее нежному печальному лицу отец понял, что сбылось все, что он ей предсказал... Заходящее солнце грустно освещало этот увядающий цветок и коленопреклоненного отца, опустившего голову на руки, сложенные для молитвы. Никто не смел тревожить его в минуты страдания, в минуты молитвы. Внезапно Мария открыла глаза, взглянула в окно и запела:

Иисус, души Спаситель,
дай прильнуть к Твоей груди.
Среди волн будь мой Хранитель,
не оставь меня в пути.
Я Тебе лишь доверяюсь,
я Тебе лишь отдаюсь.
Вечно зреть Тебя желаю,
быть твоей, мой Иисус.

Ее отец беззвучно плакал, плакали и все остальные. А она пела и пела... Но вот песня стихла. Больная отвернулась от окна и пристально посмотрела в склонившееся над ней лицо.

---

[1] Под Добрым Пастырем имеется в виду Иисус Христос.

— Мария, доченька моя, неужели ты меня не узнаешь? — с дрожью в голосе произнес стоящий рядом с ее постелью человек. Только любящий отец может так говорить со своим ребенком.

Молодая женщина словно оцепенела. Вошедший в комнату доктор испуганно бросился к ней... И вдруг лицо больной просияло, подобно утренней заре, которая встает над горами после беспросветной ночи.

— Папа! Папочка! — Она поднялась на кровати и протянула к нему руки. — Ты приехал? Ты простил? Ты все еще любишь меня? Ах, домой! Домой!.. Не хочу жить на чужбине. Я больше не убегу. Иисус Христос сжалился надо мной. Он меня принял... Теперь я могу умереть! — сбивчиво шептала Мария, отвечая на поцелуи отца.

— Боже упаси! Теперь умирать не время! — вмешался доктор. — Вы же еще не показали дедушке своего Андрейку!

При этих словах госпожу Славковскую охватило лихорадочное возбуждение.

— Адрейка, дитя мое! — вскричала она, беспокойно оглядываясь по сторонам. — Иди ко мне, сынок. Видишь, твой дедушка приехал. И нам даже не пришлось упрашивать его, он сам приехал!

Миг — и Андрейка очутился в объятиях своего дедушки. Он представлял себе его старым, благообразным, с седой бородой, а тот был безбород, пожалуй даже молод и красив! В нежных объятиях этого человека мальчик почувствовал то, чего раньше не знал, — блаженство быть любимым. Его маленькое сердце наполнилось несказанной радостью. Андрейка испытал удивительное спокойствие: отныне он находился в безопасности.

Глава 12

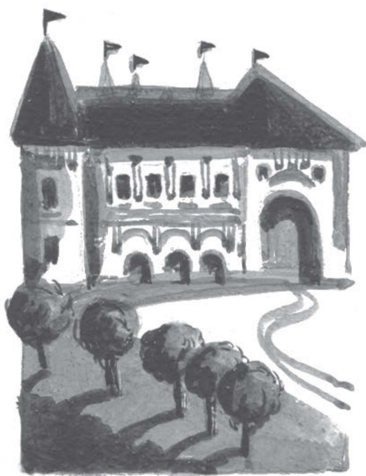
Великие планы

Ах, какие только чудеса не происходят на свете! В этом убедились и на пастбищах Гемерского. Еще были живы люди, хорошо знавшие отца дяди Филиана. Они помнили, как тот говорил, что одного из своих сыновей хочет отправить в Америку, а другого — женить. И если сын в Америке сможет скопить капитал, то после возвращения на родину они все вместе заживут под одной крышей. Старики не забыли, что пароход, на котором отправился за океан Иштван, утонул. И вот чудо! Через тридцать лет Иштван Прибылинский вернулся домой, чтобы забрать дочь и внука. Захочет ли он уехать на чужбину, вдохнув воздух любимых словацких гор? Разве все эти годы он не считал себя изгнанником? Да, в Америке ему жилось очень хорошо, но он никогда не чувствовал себя там дома. О, как сладко спится на родине!

Как описать изумление детей, когда они узнали о приезде Иштвана! Палко побежал в лес, чтобы в тишине выплакать свою радость. Мальчик благодарил Спасителя за то, что Он навсегда утешил дядю Филиана, вернув ему брата целым и невредимым. А еще Палко был счастлив от того, что мог сидеть у ног Иштвана, которого полюбил с первого взгляда, и слушать из его уст Слово Божье.

Андрейка же радовался тому, что дядя Филиан и Петр оказались его родственниками. Друзья крепко обнялись: оказывается, они двоюродные братья!

— Я сразу почувствовала себя здесь как дома, — уверяла госпожа Славковская, — а вас, дядя, полюбила как родного.

Позднее Иштван признался дочери:

— Я безмерно горевал, что не дал знать о себе моим близким. Но теперь вижу: Господь Иисус в Своей любви все обратил в добро, явившись мне в Америке, а Петру — здесь. «А мы знаем, что для тех, кто любит Бога, кто был призван согласно Его замыслам, Он все обращает во благо. Это те, кого Бог знал еще тогда, когда их не было, и предназначил быть истинным подобием Своего Сына, чтобы Сын Его стал первенцем среди множества братьев. Кого Он предназначил, тех и призвал; кого призвал, тех оправдал; кого оправдал, с теми разделил Свою славу»[1].

* * *

Едва Мария почувствовала себя лучше, все поехали в замок. Мальчики играли в парке с яркими разноцветными мячами, подаренными им Иштваном. Для госпожи слуги принесли удобный раскладной стул. Сидя в нем, она наблюдала за детьми; ей было приятно видеть их счастливыми и веселыми. Время от времени Андрейка подбегал к матери, прижимался худеньким загорелым личиком к ее щеке и вновь бежал к товарищам. Как описать ту радость, которая наполняла это маленькое, когда-то одинокое сердце?

Пока дети развлекались, бывший управляющий, вызванный в имение Славковской, показывал ее отцу пристройки, конюшню, пастбища, скот, леса. Управляющий видел, что этот высокий моложавый человек отлично разбирается в хозяйстве.

Между тем в замке приготовили праздничный обед. Стол накрыли в тени старого каштана. Блюда подавали на тонком дорогом фарфоре, когда-то принадлежавшем госпоже

---

[1] Послание римлянам 8:28–30.

фон Гемерской (замок был куплен со всей мебелью, картинами, гобеленами, коврами, посудой). Обедающие оживленно переговаривались, много шутили, расхваливали вкусно приготовленные кушанья. Андрейка с удовольствие потчевал своих друзей всяческими лакомствами. Один только господин Славковский не принимал участия в общем веселье. Он был как-то по-особому тих и задумчив. Дядя Филиан с видимым беспокойством поглядывал на него.

Когда мальчики вернулись к своим играм, господин Славковский незаметно вышел из-за стола. Сначала он направился к каштановой аллее. Затем поднялся на холм: отсюда, с высоты, парк выглядел запущенным, густым, словно лес. Здесь его и застал Филиан.

— Что с тобой, Иштван? Тебя что-то тревожит? — спросил он, озабоченно глядя на брата. — Думаешь, мы переплатили? Замок в очень плохом состоянии...

Иштван слегка улыбнулся.

— Не волнуйся, Петр. Вы все сделали правильно.

— И все же ты чем-то озабочен. В чем дело, брат?

— Хорошо, я тебе все объясню, но обещай: это останется между нами! Мария сейчас настолько слаба, что я просто не довезу ее до Америки. Здесь, на нашей родине, она поправится быстрее. Андрейке тоже незачем ехать. Мальчик не нуждается в моих деньгах. Он богат. Ему принадлежат все эти земли... Но когда моя дочь станет полновластной хозяйкой поместья, ей потребуется управляющий, а найти честного человека очень трудно. Вот я и подумал: зачем нанимать чужака, если у нее есть отец. И он еще бодр и полон сил. И мог бы работать в Европе.

— Как же я рад, Иштван! — воскликнул Филиан.

— Подожди, дай мне договорить. Есть одно препятствие. В Америке

ферма записана на мое имя. Шурину Адальберту я выплачу причитающуюся ему долю, но вот моя дорогая супруга... Ведь она американка... Захочет ли Агнесса покинуть родину и отправиться на чужбину? Я просто обязан обо всем написать ей, и если она согласится, мы приедем сюда. Ферму продадим, а капитал вложим в имение моей дочери. Думаю, этих денег хватит на всех. Я как управляющий буду зарабатывать столько, что смогу содержать себя и мою Агнессу. Да и потом, ей давно пора отдохнуть, она в своей жизни уже немало потрудилась.

— И днем и ночью я буду просить Господа, чтобы твоя жена согласилась покинуть Америку, — заверил брата Филиан. — Мне очень хочется, чтобы ты был рядом с нами. Мрак все еще окружает нас со всех сторон. До сих пор многие не знают Иисуса, никто не заботится об этих душах. Ах, Петр, я не могу представить себе нашу жизнь без Палко! А ведь он уедет от нас. Ты мог бы нам его заменить.

— Ну, это едва ли. Палко — слуга Господа. У меня нет такого дара, как у этого ребенка. Но зато есть долгий опыт общения с моим Господом. Последние десять лет, полные страданий, приблизили меня к Нему, ведь Он говорит: «Знаю твои дела, и скорбь...»[1] Уже давно я стремлюсь стать свидетелем Христа. Во многом именно поэтому я хотел бы жить на родине. Надеюсь, Агнесса согласится. И тогда сбудутся слова отца. Помнишь, Петр, он говорил: «Иштван накопит денег, вернется домой, и мои сыновья будут вместе хозяйничать...»? И пусть не все живы, но мы с тобой снова вместе, на нашей земле. Если Господь позволит и мы приедем сюда, знаешь, что я сделаю в первую очередь?

— Что?

— Отстрою наш дом заново. Мы сбережем его для Петра. Когда мальчик станет взрослым, ты выделишь ему небольшой участок земли. Ну а пока мы будем вместе заботиться о нем.

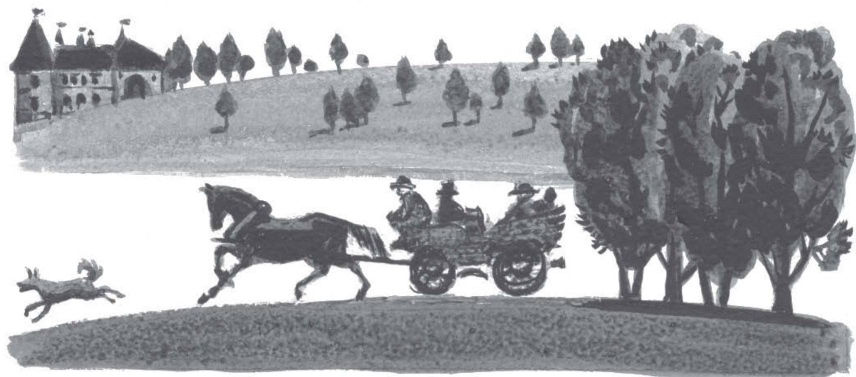
[1] Откровение 2:9.

Глава 13

Он все устроил как нельзя лучше

Бывают удивительные дни: они летят стремительно, как мысли. В один из таких дней дядя Филиан отвез Палко домой. Родные очень обрадовались возвращению мальчика, мать и бабушка не могли на него наглядеться. Отец Палко, занимавшийся поисками нового жилья, рассказал о своих трудностях старику, и тот дал ему хороший совет: «А вы проведите эту зиму в горах, в вашем домике. Госпожа Славковская уступит тебе старые деревья: лесничий все равно собирается сажать новый лес. Вот у тебя и работа будет. А там, глядишь, найдется что-нибудь подходящее. С собой возьмите только самое необходимое. Все остальное вам принесут из замка».

О, как же все были благодарны Филиану за это предложение! Мария с отцом и тетей Моравец переехали в замок. Каждый день молодая женщина приезжала в пастушью хижину и оставалась там до вечера. Иногда она ночевала в комнате сына, а по утрам забирала мальчиков с собой в замок. Там, под руководством господина Славковского, вовсю кипела работа. Стучали молотки, пахло краской, стружкой, скипидаром. Садовник, получив деньги и посоветовавшись с Иштваном, занялся парком. Спустя две недели замок преобразился. Все, что пришло в негодность, исправили и отреставрировали. Через большое окно в сто-

ловой открывался дивный вид на ухоженные газоны, прелестные цветочные клумбы, великолепные вязы, липы, каштаны. Плотники привели в порядок паркетные полы, окна, двери и скамейки. Убирая чердак, слуги нашли много красивых стульев, кроватей и столов; их отправили в домик Палко. Теперь семья Лессинга могла с комфортом перезимовать в горах. Не забыли и Дуная: ему соорудили большую удобную конуру.

* * *

Стоял теплый летний вечер. Было еще светло, но солнце уже клонилось к закату. Перед пастушьей хижиной, на поляне, ярко горел костер. Дядя Филиан решил устроить пир, на который пригласил всех работников. Что за пир? Этого никто не знал. К хижине, держа в руках гостинцы, подошли Петр, Андрейка и Палко, за ними весело бежали Дунай и Фидель. Мальчики возвращались из домика Лессингов. Бабушка Палко дала им целую коробку запеченных слив с орехами. Андрейка уверял, что они вкуснее фиников и фисташек.

— Сегодня у мамочки большая радость, — шепотом, округлив таинственно глаза, говорил Андрейка Палко. — Наконец-то пришел ответ от бабушки из Америки. И мне она написала письмо. Очень милое. Правда, Петр?

— О, письмо действительно милое, — подтвердил Петр и, не выдержав, похвастался: — А мне она тоже передала привет.

— Не знаю, что там написала бабушка, но мамочка сразу же побежала к дедушке и кинулась ему на шею. Она плакала и смеялась. А потом дедушка с мамой о чем-то говорили по-английски. Наверное, не хотели, чтобы я их понял. Но я уверен: они нам все обязательно расскажут. Дядя Филиан сказал, что сегодня у нас будет пир.

— А мы выучили новую песню! Замечательную! Она должна понравиться твоим родителям, Палко, — радостно сообщил Петр.

Да, пир удался на славу! Иошко зажарил на вертеле двух ягнят, Филиан почтевал гостей вкуснейшим сыром. Госпожа Славковская раздала груши и сливы. Стево принес два кувшина хрустальной родниковой воды, а тетя Моравец — пироги. Все угощали красивую и скромную мать Палко, его отца и добрую старенькую бабушку. После ужина дети и взрослые сели вокруг костра. Господин Славковский открыл Священное Писание и прочел сто третий псалом. В нем говорилось о великой, всепрощающей Божьей любви. Потом хором спели гимн. Едва смолкли последние звуки хвалебной песни, Палко открыл свою книгу. Он читал о сотнике Корнилии[1], который вместе с домочадцами уверовал в Иисуса Христа[2]. Как печальна была жизнь этого человека, хотя он постоянно молился и делал много добра! Но Корнилий не знал истинного пути, да и Господа Иисуса тоже не знал. И каким счастливым он стал, когда к нему пришел апостол Петр, а вместе с ним и Сам Господь. С какой радостью все в его доме приняли Иисуса Христа!

---

[1] Корнилий — римский офицер (сотник), служивший в одном из прибрежных городов Палестины. Однажды в видении ему явился ангел и повелел пригласить к себе в дом апостола Петра. После беседы с ним офицер и его домочадцы уверовали и были крещены Петром.

[2] Деяния святых апостолов 10:1–48.

Потом в честь Агнца, принявшего на Себя грехи всего мира, в горах зазвучала песня:

Прими хвалу, благодаренье,
Сын Божий, за Твою любовь:
за грех наш Ты понес мученье,
за нас пролил святую кровь!
Понес удары, поношенья;
чтоб дать нам жизнь, взял на Себя
все наше зло и прегрешенья,
и умер в муках, нас любя.
В слезах от радости спасенье
из рук Твоих приемлю я.
И верю, с Богом примиренье
дарует жертва мне Твоя.
Но дар той щедроты безмерной
чем может быть вознагражден?
Пусть благодарностию вечно
он будет в сердце впечатлен!

На лицах людей, озаренных отблеском огня, можно было прочесть, как дорога для них эта жертва и примирение. Филиан — сосредоточенный и строгий — сидел неподвижно. Песня смолкла и воцарилась тишина, которую изредка нарушало слабое звяканье колокольчиков. Но вдруг поднялся ветер, небо затянуло тучами, далеко, у самого горизонта, полыхнула молния, пророкотал гром. Все тревожно замерли. Однако гроза прошла стороной.

Первым прервал молчание Филиан. Сначала старый пастух поблагодарил Иисуса Христа за то, что Он посетил их дом, а потом объяснил, по какому поводу все сегодня собрались.

Не только мать Андрейки, сказал Филиан, но и ее отец пожелал остаться здесь! Завтра, если Господу будет угодно, господин Славковский уедет в Америку за своей супругой. Продав имущество, он вернется на родину и уже никогда не покинет ее.

Как описать радость, охватившую всех присутствующих при этом известии? Андрейка обнимал маму, дедушку и Филиана.

— Мы остаемся здесь, в наших горах, у нашего милого, доброго дяди Филиана! Мы не едем в далекую страну, мы остаемся дома! И Палко будет с нами!

— Да, дитя мое, — сказал Иштван, обняв внука, — мы будем жить здесь для Иисуса Христа и вместе с Ним.

Вскоре костер погас. Далеко-далеко, за горами, глухо громыхал гром, но над пастушьей хижиной сияли приветливые ясные звезды. Когда все разошлись, Филиан, по обыкновению, отправился обходить свои владения. Как и несколько недель назад, старый пастух остановился перед скамейкой. И на этот раз она была занята. Филиан хотел незаметно уйти, но его окликнули.

— Мы знали, что ты придешь, — сказал Иштван, предложив брату присесть. — Мария хочет тебя о чем-то попросить.

— Меня? — удивился Филиан.

— Да, именно вас, дядя. Я прошу вас оставить пастушество. Вы могли бы помогать моему отцу. Нам очень хотелось бы жить одной семьей.

Молодая женщина умоляюще взглянула на Филиана. Но старик покачал головой.

— Благодарю тебя, моя милая, — сказал он растроганно. — Я с радостью принимаю ваше предложение быть одной семьей. Вы мне очень дороги, но прошу вас, не лишайте меня моей работы. Я пас скот, когда был несчастен, и это утешало меня. Я привык к овцам, сжился с природой. А теперь для меня открылись небеса. Так позвольте же мне продолжать стоять в сенях! Не смущайтесь, что я простой пастух, а вы — господа. Все, что мне необходимо для жизни, я добываю честным трудом. У меня есть крыша над головой. Я теперь не один, ведь вы меня любите. Мы будем ходить друг к другу в гости. Но вот о чем хочу попросить, Мария. Если у вас появятся лишние деньги, отдайте Палко в школу. Его отец очень переживает из-за того, что не может платить за образование сына. Конечно, то, что

дал Господь этому мальчику, не даст никакая школа; но если люди с такой верой будут проповедовать с кафедры, тогда свет правды скоро воссияет над нашим бедным народом!

— Благодарю вас, дядя. Я и сама об этом думала, но не решалась поговорить с отцом Палко. — Мария пожала мозолистую руку старика. — Верьте мне, для этого ребенка я сделаю все, что смогу. Он принес нам свет и спасение. Так пусть же Палко понесет весть о спасении еще многим душам.

Ночь беззвучно опускалась на землю. За лесом, в лугах, едва слышно пела флейта. Это Стево наигрывал старую словацкую песню:

Знал бы я, куда ночь убегает,
я б обратно ее возвратил.

Но ночь ушла и не вернулась. Наступило новое утро, полное благодати для тех, кто принял Господа Иисуса и кому Он дал власть быть детьми Божьими.

СОДЕРЖАНИЕ

В СТРАНЕ СОЛНЦА

1 Из милости 4
2 Палко и лесорубы 10
3 Таинственное открытие 12
4 На пути в настоящую Страну солнца 18
5 Дедушка Юрига 24
6 Священник Малина 27
7 Горе Лессинга 43
8 Неожиданная встреча 50
9 Маленький спутник Лессинга 58
10 В доме лесничего 60
11 Маленький слуга Божий 69
12 Жена Мартина 77
13 В доме священника 82
14 Мишко 91
15 С пустыми руками, но... 98
16 Торжественный момент 102
17 Чудесный вход в Страну солнца 112

ТРИ ДРУГА

1 У дяди Филиана 120
2 Дьявольский совет 123
3 Новый друг 131
4 Признание 136
5 Хорошая мысль 144
6 Веселые помощники 151
7 Узнавание 156
8 Возвращение пропавших 170
9 Отголоски прошлого 176
10 Правда открылась 183
11 Свидание 190
12 Великие планы 197
13 Он все устроил как нельзя лучше 201

Кристина Рой

В Стране солнца
•
Три друга

Главный редактор — И. Воробьева
Редакторы — И. Дельман, Ю. Минакова
Корректоры — Т. Смирнова, Н. Баталова
Художник — М. Кудрявцева
Верстка — О. Сергеев

ЛП №000315 от 30.11.99.
Подписано в печать 29.09.03. Формат 60 × 88 $^1/_{16}$
Печать офсетная. Гарнитура тип «Таймс».
Усл. печ. л. 13. Тираж 3000 экз. Заказ №

МРО «Христианская миссия „Свет на Востоке“»
а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020
Тел./факс: (812) 147-2548
E-mail: post@lio.ru
http://www.lio.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.